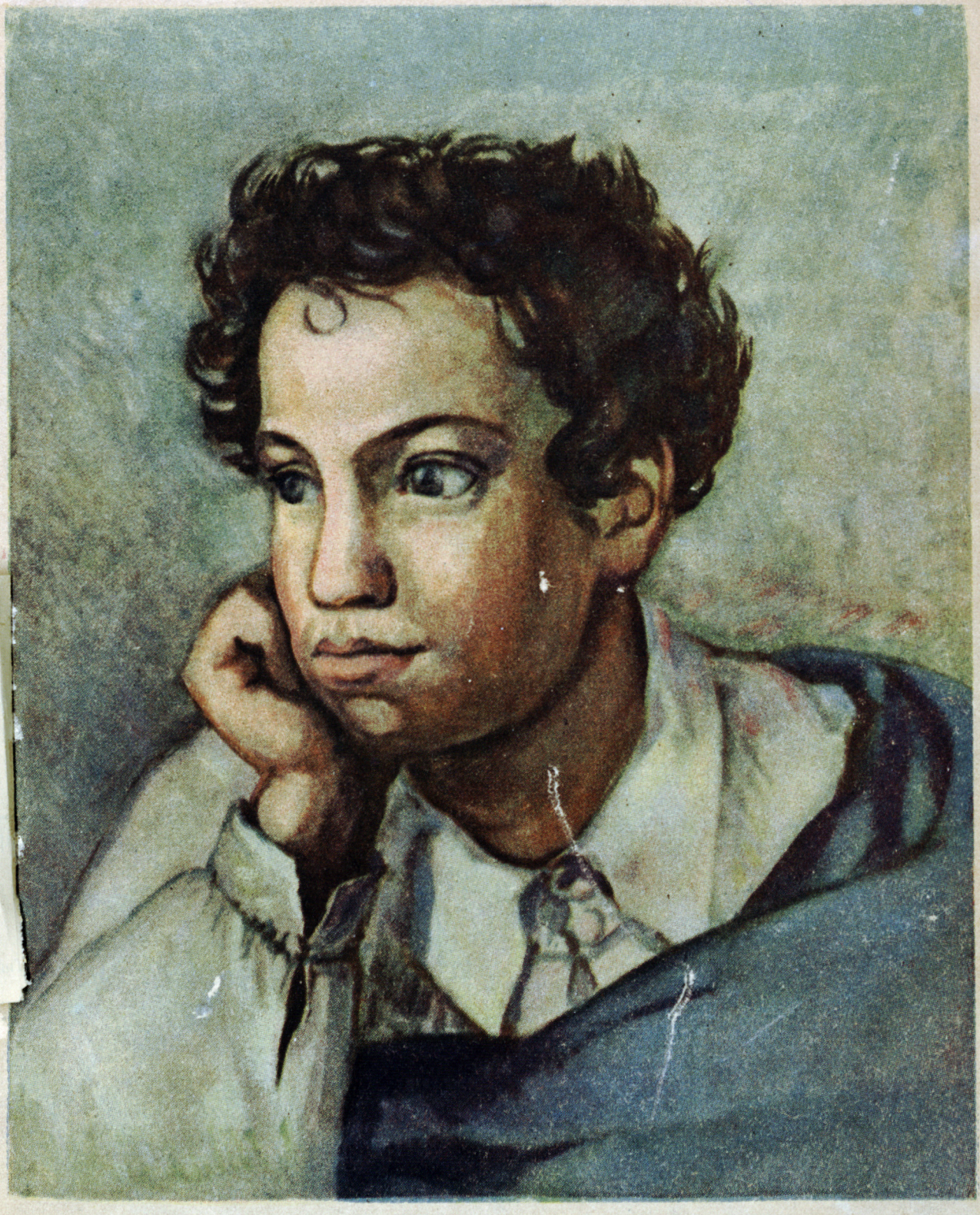
ПИОНЕР



Январь

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда" 1937 г.

1

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

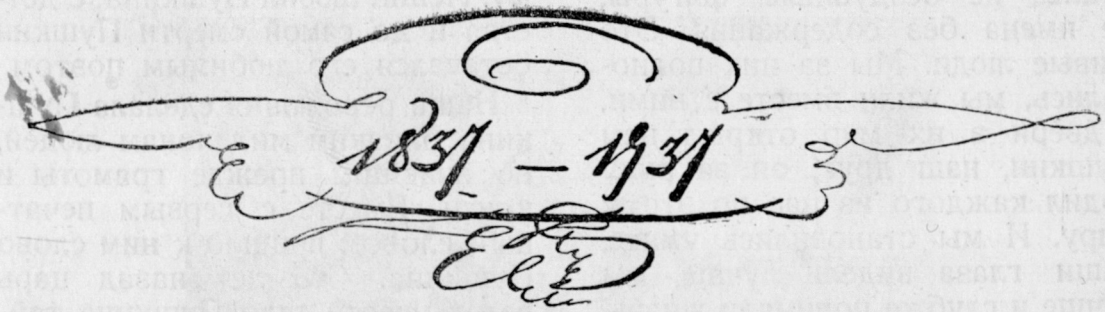
П29
34

Гос. Публичная Б-ка Ленинград.

№ 1

Январь 1937

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“



Пушкин

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

ЕСТЬ ли в нашей стране еще один такой человек, который через сто лет после своей смерти живет между нами? Сто лет назад его убила пуля прощалыги Дантеса, и мы ненавидим убийцу, как будто он только вчера совершил свое черное дело!

Пушкин для нас живой. Мы любим его друзей: Кюхельбекера, Пущина, Рылеева; мы ненавидим его врагов: царя Николая I, шефа жандармов Бенкендорфа, литератора-шпиона Булгарина.

Пушкин для нас живой: стоит снять с полки его книгу — и с любой страницы мы услышим его голос, то грустный и задумчивый, то веселый и жизнерадостный, то мятежный и гневный.

Пушкин близок каждому возрасту: сначала мы слушаем его сказки, потом читаем повести и стихи, потом задумываемся над его мыслями, снова и снова перечитывая все: и стихи, и повести, и дневник, и письма, и самые мелкие заметки.

И чем старше становится человек, тем больше и больше мыслей находит он в Пушкине, тем ближе он к нему, тем с большей жадностью он перечитывает каждую новую строку, которую отыскивают в архивах ученые-пушкинисты.

В каждой строке отражается его замечательный гений, его глубокий ум, его человечность. От Пушкина ведет свою историю великая русская литература, и не было в России писателя, который не считал бы Пушкина своим первым и любимым учителем.

„Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет“,—

так написал о нем Тютчев.

Почему нам дорог Пушкин?

У нас есть друзья и товарищи, братья и сестры, мы с ними рядом живем, учимся, работаем, мы за них волнуемся, их любим, сочувствуем им. Это живые люди. Но есть еще другие, за которых мы так же волнуемся, страдаем, радуемся, судьба которых нас интересует, как судьба наших близких друзей.

В какой незнакомый нам прежде пленительный мир ввел нас этот замечательный человек: Моцарт и Сальери, Борис Годунов, Дон Жуан, Пугачев, Татьяна Ларина, Ленский! Для нас это не

куклы, не бездушные фигуры, не имена без содержания. Это живые люди. Мы за них волновались, мы жили вместе с ними, и двери в их мир открыл нам Пушкин, наш друг; он за руку водил каждого из нас по этому миру. И мы становились умнее, наши глаза видели лучше, мы лучше и глубже понимали жизнь.

„Роняет лес багряный свой
убор,
Сребрит мороз увянувшее
поле“.

Сколько раз мы повторяли про себя эти строки, и каждый раз волнение захватывало дух, и багряный осенний лес и запах осени возникали перед нами!

В этом волнении, в этих живых, ясных картинах природы, в новом мире, который открывается нашим глазам, — сила поэзии Пушкина.

Пушкин учит нас понимать людей и природу, чувствовать родной язык, любить нашу страну. Он и сам любил ее; его друзья — декабристы — были лучшими людьми его времени. Враги Пушкина были угнетателями и врагами нашей родины. Нам близок и дорог его мятежный дух и его стихи во славу свободы.

Каждый из нас любит Пушкина по-своему, и нет людей, которые были бы равнодушны к нему. Ленин любил Пушкина; с детства и до самой смерти Пушкин оставался его любимым поэтом.

Наша революция сделала Пушкина близким миллионам людей, не знавшим прежде грамоты и книги. Вместе с первым печатным словом пришло к ним слово Пушкина. Сто лет назад царь велел увезти тело Пушкина тайком, чтобы не вызвать волнений народа на его похоронах. Восемьдесят лет царское правительство старалось держать живое пушкинское слово подальше от народа. И только в последние двадцать лет исполняются пророческие строки пушкинского «Памятника»:

„Слух обо мне пройдет по
всей Руси великой.
И назовет меня всяк сущий
в ней язык,
И гордый внук славян, и
фин, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей
калмык“.

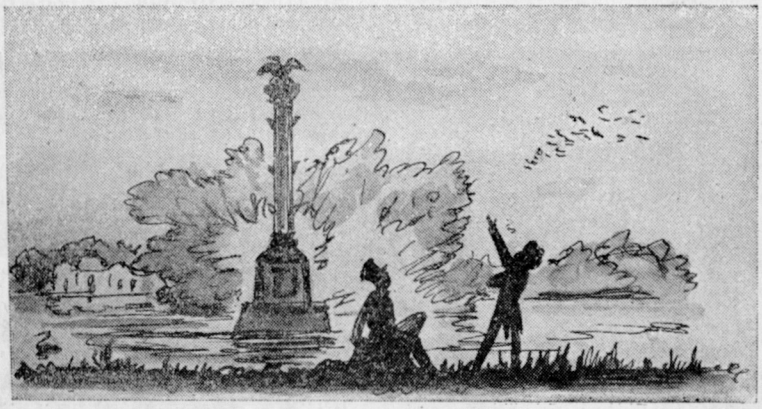
Так будем любить живого Пушкина! Он нам и нашему времени современник. Через все столетие он протягивает нам руку и говорит:

„Здравствуй, племя, младое, незнакомое!“

И мы ему отвечаем:

«Здравствуй, Пушкин!»

□ □ □



Последний за всех

Сергей Григорьев *Рис. В. Цельмера*

Немецкий день

«Лицейская республика» шумно пробудилась. Один за другим, резко захлопывая двери своих номеров, лицеисты «скотобратцы», нарочно топоча, бежали коридором и лестницей вниз, в столовую, к чаю.

Пушкин медлил. Он уже умылся и оделся, ходил по комнате от окна к двери и прислушивался, заглядывая в коридор через решотку двери.

Кажется, опустели все комнаты, только не открывается дверь двенадцатого номера, у Матюшкина.

«Уступить? Ну, нет!»

Пушкин решил, что он, а никто другой, будет сегодня последним. Он вышел в коридор, послушал у двери № 12. Матюшкин храпел сладко, навзрыд.

— Адмирал, Адмирал,—позвал его Пушкин,—вставайте, пробили склянки. К под'ему флага, Адмирал!

Матюшкин храпел попрежнему.

Скользящие, но грузные шаги, по которым без ошибки можно было узнать гувернера Эбергарда, по прозванью Рыжий Кабуд, заставили Пушкина обернуться.

Размахивая правой рукой, словно дирижер оркестра, в такт шагам, Эбергард держал за уголок кончиками пальцев зеленый билет.

Подходя к Пушкину, Эбергард пригладил рыжий парик. Лицо гувернера озарилось радостью. Он еще издали протянул Пушкину билет.

— Herr Пушкин! Вы получите на сегодняшний день немецкий билет! — сказал немец по-русски. — Очень рад, что вы есть сегодня проспальный!

Пушкин ответил с поклоном по-французски:

— Mais, non, monsieur! Вы ошиблись. Я хотел бы быть последним, но Матюшкин еще видит блаженные сны...

— О! Тогда он есть последний! — разочарованно сказал Эбергард, подходя к двери Матюшкина. — О, как он громко спаль! — заметил гувернер, с изумлением подняв брови и склонив голову к плечу.

— Матюшкин, вам изволить вставать!— стукнув в дверь, крикнул Кабуд. — Herr Пушкин, изволить сию минуту вниз!

Пушкин язвительно улыбнулся и медлил уходить...

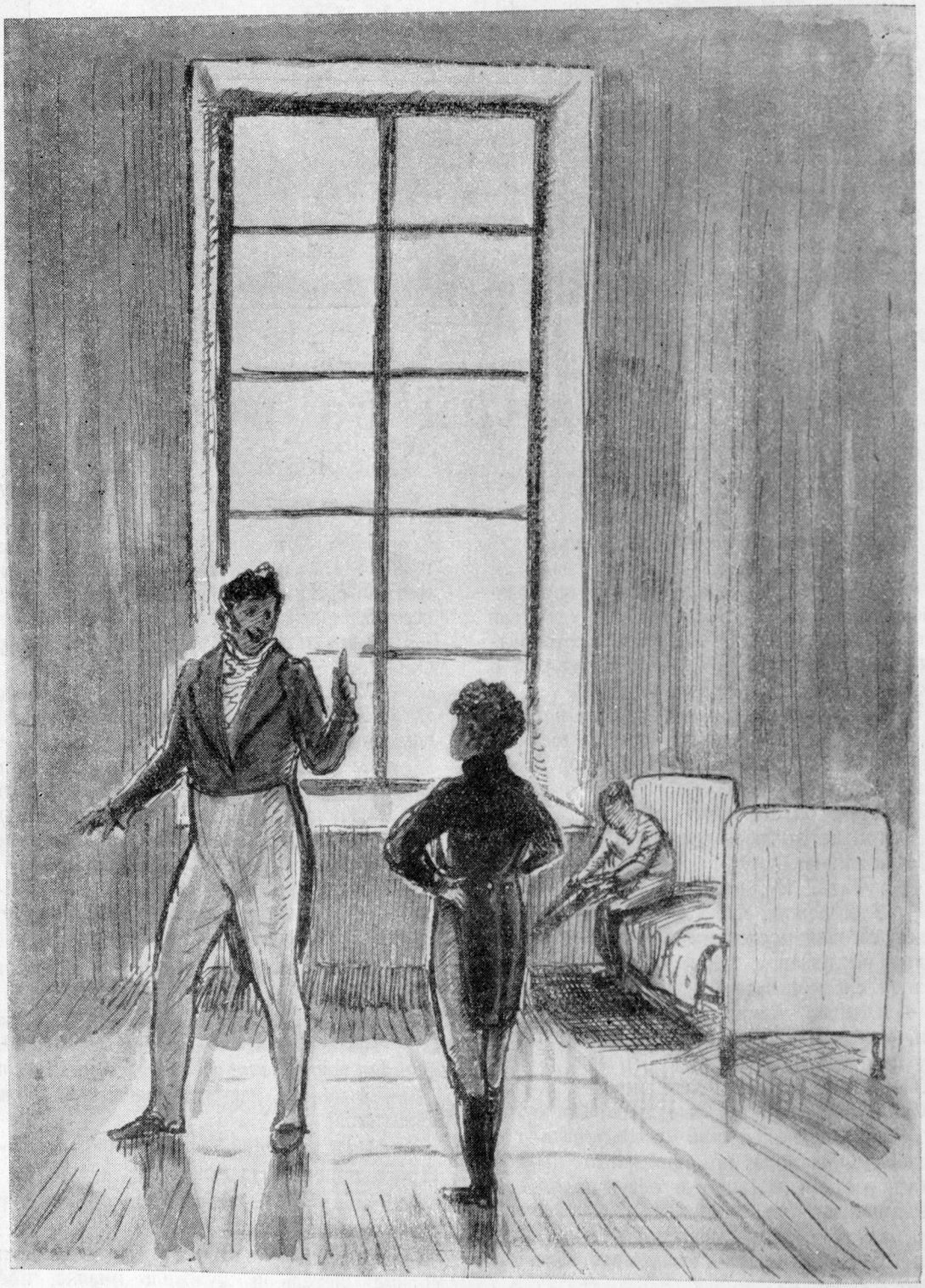
Кабуд распахнул дверь и вошел в комнату Матюшкина. Храп прекратился: Матюшкин взглянул на гувернера сонными глазами, фыркнул, натянул одеяло на голову и затих...

— Изволить сию минуту просыпать!— строго приказал гувернер.

Матюшкин не шевельнулся... Эбергард прибавил воркующим голосом:

— О молодой человек! Сколько светит солнце! Леталь и жужжаль пчелка, поет птичка, — все говорят: «Молодой человек, Morgenstunde hat Gold im Munde» [1].

[1] У раннего часа — золото в устах.



— *О, вы есть большой шалунка, Александр Сергеевич!*

— Пошел к чорту! — крикнул Матюшкин, сбросив с головы одеяло.

Он сел на кровати, схватил сапог и свирепо замахнулся на гувернера...

Эбергард попятился...

— Что? Что сказаль, мальчишка?..

— Сегодня немецкий день. Матюшкин, ты забыл? Повтори по-немецки! — напомнил Пушкин, смеясь.

— А? Ну-ну! — примиренно проворчал Матюшкин. — В этом разе: — Herr Эбергард, gehen sie zum Kuckuck! [1].

Парик подпрыгнул на голове Эбергарда:

— Вы забываться изволиль, господин Матюшкин. Я есть слуга государю десять лет. Я имею орден и регалий. Я есть гувернер.

— Еще что? — натягивая штаны, равнодушно спросил Матюшкин.

— Еще? Вы желаете узнать еще. Вот. Вы получить билет!

Гувернер положил зеленый билет на столик.

Пушкин сказал по-русски, обращаясь к Эбергарду:

— Я говорю по-русски и буду целый день говорить по-русски—билет мой...

— Как вы смеять! Целый день? Вы не испольнял дисциплина? Но возьмите билет, раз вы сказаль по-русски. Мы еще будем посмотреть!..

Пушкин взял билет со стола, скорчил презрительную рожу, сделал вид, что плюнул на билет с лица и с изнанки, и спрятал его в задний карман сюртука.

Эбергард, довольный, что исполнил то, что следует, вдруг сделался добродушным и, грозя Пушкину долгим пальцем, проворчал:

— О, вы есть большой шалунка, Александр Сергеевич! Очень большой.

— Но согласитесь, Herr Эбергард, это нелепо: вы заставляете нас говорить по-немецки, а сами говорите все время по-русски.

Эбергард уронил голову на плечо и застыл в изумлении... Потом возразил нерешительно:

— Но, дорогой мальчик, вы не понимаете, если я говорю по-немецки, и вы не умеет отвечать мне немецкий диалект...

Он внезапно смолк, ударил себя по лбу и расхохотался: видимо, мысль о всей нелепости того, что он делает, на чем настаивает, озарила молнией его голову только в эту минуту. Но он захлопнул рот и, строго насупясь, сказал:

— Больше нет никаких русских разговор сей день. Изволиль идти вниз.

Он ушел. Матюшкин оделся, и они вместе с Пушкиным сошли вслед за гувернером вниз, в столовую...

Столовая гудела от громкого немецкого говора. Ни русских, ни обычных среди лицеистов французских фраз не было слышно.

Рыжий Кабуд задержался в столовой. При появлении в столовой Рыжего Кабуда немецкий говор под стук чайной посуды усилился, превратился в громкий гомон. Если бы гувернер прислушался, то мог бы в этом гвалте разобрать, что мальчишки и кстати и некстати выкрикивают, повторяя одни и те же слова и фразы.

Проворчав что-то себе под нос, видимо, довольный, Эбергард ушел из столовой...

Пушкин крикнул:

— Братцы скоты! Зеленый билет у меня в кармане. Помните, что говорили: «Последний за всех!» Все ли согласны разыграть билет?

— Согласны! Согласны! — закричали лицеисты, стуча чашками.

— Так, значит, на запасном дворе, друзья, перед вечерним чаем!

— Ладно...

Столовая пустела. Только около Пушкина, который торопливо глотал остывший чай, собралось несколько человек и шепталось, посмеиваясь: тут были Комовский, прозванный за хитрый нрав Лисом, Яковлев, веселый балагур, певец и актер, носивший кличку Паяса, Адмирал — Матюшкин и Жано — Пущин... Отдельно, одинокий, на первой скамье, допивал чай Корф, прозванный за миловидность Морданом.

— Лисичка, позови Морданчика, а то он будет на нас в обиде!—сказал Пушкин Комовскому.

— Мы с ним в ссоре. И даже не говорим!..

— Давно ли, вот новость! Я помирю вас сейчас... Морданчик! Поди сюда, к нам.

Корф встал, гордо закинув голову, и, не подходя к товарищам, спросил:

— Sie wünschen, Herr Puschkin? [2].

— Ах, ты твердо решил быть образцом благонравия... Но ты согласен с нами разыграть билет?

Корф вспыхнул, обиженный тем, что его

[1] Убирайтесь к чорту!

[2] Вам угодно, господин Пушкин?

сочли способным на измену, и, ничего не ответив, повернулся и ушел из столовой...

Сверху послышался колокол, призывая на занятия в класс.

Зеленый билет

Зеленый билет, врученный Пушкину гувернером Эбергардом, был одним из коварных изобретений лицейского инспектора Фролова.

Полковник Фролов, сторонник палочной, аракчеевской системы воспитания, был назначен инспектором лицея после смерти первого директора — Малиновского. Лицеистов решили подтянуть, так как в лицее сложился чрезмерно вольный быт. Лицеисты открыто называли свое училище республикой, пользовались большой свободой не только в быту, но и в выборе занятий. Большая часть учеников предавалась безделью.

Полковник Фролов принялся круто заводить в лицее военную дисциплину. Он заставлял лицеистов ходить военным строем не только на прогулки, но и внутри лицея.

Ввести в лицее розги, обычные в других школах, Фролов не мог, потому что лицей был единственным в те времена учебным заведением, избавленным от телесного наказания по самому своему уставу. Зато Фролов приказал ставить лицеистов на колени — наказание унизительное и жестокое.

Понятно, что граждане «лицейской республики», «скотобратцы», как они сами себя называли, не взлюбили Фролова. Особенно ненавистны были лицеистам стеснения личной свободы. С самого основания лицея, в 1811 году, воспитанники его в течение уже более 3 лет оставались безвыездно в Царском селе. У них не было и каникул. Занятия шли круглый год. Поэтому лицеисты очень дорожили личной свободой, простой физической свободой передвижения в тесных пределах своей республики — в стенах царскосельского дворца.

Фролов посягнул и на эту свободу. Он заставил лицеистов выправлять у дежурного гувернера билеты на выход за стены дворца. Мало этого: чтобы подняться днем за чем-нибудь в свою комнату, в верхний этаж, тоже надо было выправлять билет. Но особенно были ненавистны билеты, введенные Фроловым для французских и немецких дней, когда лицеисты были обязаны говорить на том или другом из этих языков. Знакомство с французским языком большая часть лицеистов вынесла из дома. Немецкого не знало большинство. А преподавание немецкого языка в самом лицее было из рук вон плохо.

По-немецки никто не хотел говорить потому, что никто и не умел. Фролов требовал, чтобы говорили по-немецки. Но уследить за всеми нарушителями приказа или наказывать каждого, кто провинился, не было возможности. И тут на помощь Фролов призвал свои излюбленные билеты.

Для немецкого дня был установлен зеленый билет с напечатанными на нем правилами благонравия. Утром в немецкий день дежурный гувернер вручал билет тому лицеисту, который замешкался утром в своей комнате и уже поэтому был виноват. Получивший билет должен был следить за всеми товарищами, чтобы они говорили по-немецки. Если кто проговорился, к тому и переходил билет. И новый его обладатель, в свою очередь, должен был ловить товарища, который обмолвился русским или французским словом, и передавать билет ему. Эта глупая и злая игра тянулась до вечера. Последнего, у кого оказывался билет, подвергали наказанию: его сажали под арест, в карцер.

Своими мерами Фролов, временно назначенный директором лицея, добился лишь того, что расшатал совсем школьную дисциплину и вызвал глубокое возмущение среди лицеистов, посеяв рознь и вражду между ними. Несмотря на крутые меры озорство в лицее не прекращалось, и на шалости лицеистов, иногда довольно грубые, вне стен лицея стали жаловаться и жители Царского села. Расстроилась и учебная жизнь. Ученики совсем отказались учиться, и учителям некого было учить.

В Петербурге спохватились и в лицей назначили нового директора, Егора Антоновича Энгельгардта, человека доброго, чувствительного и мечтательного. Лицеисты сразу поняли, что повеяло новым, вольным ветром, и обрушили свой гнев на выдумки Фролова, видя, что его песенка спета. В эти дни и застает «лицейскую республику» наш рассказ.

Палочка-выручалочка

Полковнику Фролову доложили, что лицеисты первого (старшего) курса забрались на запасный двор и там предались давно ими оставленной игре в палочку-выручалочку. Фролов немного удивился: игра, из которой старший курс давно вырос. Да и во-

обще игры были почти заброшены лицеистами старшего курса: праздно лежали в лотке кегельбана избитые, в щербинах шары, затеряны воланы, а «розовое поле», за три года выбитое при играх догола, заросло травой. Зато с нынешней весны очень усердно стреляли в цель из пистолетов, фехтовали, и никто не манкировал верховой ездой. Гувернеры то и дело ловили лицеистов на денежной карточной игре, накрыли попойку в каморке одного из лицейских дядек. Пили лицеисты вместе с гусарскими юнкерами. И разговоров было только о том, что тот-то вернулся из парижского похода в чине поручика в восемнадцать лет, а тот-то получил за поход «Владимира в петлицу». Все хотели идти в гусары, а еще год назад все писали стихи и мечтали выйти в сочинители и посылали по журналам с каждой почтой идиллии, послания, баллады, оды.

Пушкин в эти дни писал:

«Простите, девственные музы!
Прости, приют младых отрад!
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я, питомец важных муз,—
В числе воюющих корнетов!»

И вдруг — палочка-выручалочка всем курсом!

Фролов послал на запасный двор гувернера Чирикова:

— Посмотри, Сергей Гаврилович, что за игра у них, тебя они не прогонят.

Возвратясь с запасного двора, Чириков доложил:

— Играют, и очень воодушевленно. Младший курс со двора согнали. «Последний всех выручает!» И больше ничего-с. Двор, сами знаете, Степан Степаныч, для такой игры — лучше не надо.

И в самом деле, под навесами запасного двора было навалено много разного хлама: ящиков от вина, бочек с выбитыми днищами, кузовов старых карет, поломанной мебели, по углам двор зарос кустами и бурьяном — лучше для игры в прятки места и не выдумать.

Игра в палочку-выручалочку требует большого проворства и смекалки, особенно если «последний за всех!» Кому пришлось по жребию «вадить», тому надо показать всю резвость ног. Сначала выбирают место, где быть палочке-выручалочке. Матюшкин выволок из-под навеса большой пустой ящик с выбитой крышкой и опрокинул его вверх дном.

— Хорош? — спросил Адмирал у Пушкина.

Тот согласился, молча кивнул головой. Попробовали стучать.

— Тюк-тюк-тюлюлюк, палочка на месте!

Ящик отзывался на удары палочки так звонко, что в дальнем углу двора откликалось эхо.

Первый без жребия вызвался «вадить» Комовский.

— Ну, этот-то сразу кого-нибудь поймает: Лиса не «завадишь»,— сказал уверенно Матюшкин.—Братцы, приготовьтесь, кидаю... Все на условия игры согласны? Смотрите, чтобы кто отлынивать не вздумал!..

— Все! Все! — дружно ответили «скотобратцы».

— Расступись!

Матюшкин с разбега швырнул палку через забор.

Лисичка кинулся за палкой. «Скотобратцы» брызнули в разные стороны — прятаться. Каждый заранее наметил себе потайное место. Когда Лис разыскал в кустах палку и вернулся во двор, там было пусто: все попрятались кто-куда. Лис постучал палкой, громко выкрикивая:

— Тюк-тюк-тюлюлюк, палочка на месте!

Лис прислушался и осмотрелся. Кто-то близко в сарае шуршал соломой, стараясь получше укрыться. У забора качались верхушки бурьяна: в его гуще кто-то полз... Над головой Лиса, в густой листве подстриженной липы, хрустнула ветка; Комовский даже не поднял головы: крона липы так густа, что все равно не узнаешь, кто там. Да и не стоит стараться: поближе к палочке прячется тот, кто посмелей и погорячей. Зато таким не хватает выдержки хорониться до последнего. И не дать обмануть себя последнему — в том вся суть игры. Лис нарочно отбежал от ящика и притворился, что вглядывается в груду хлама под навесом. Сзади затрещали ветки липы. С нее прямо к ящику свалился Казак — Малиновский — и постучал:

— Палочка на месте...

За Казаком из соломы выскочил Маркиз — Броглио.

Лис, сделав вид, что хочет его опередить, нарочно споткнулся и упал. И Маркиз простучал палочкой. А пока Лис вскочил и отряхнулся, со всех сторон, из пряток, кинулся народ, «скотобратцы» торопились,

выхватывая палочку друг у друга, отстучать сигнал.

— Тюк-тюк-тюлюлюк, палочка на месте!

Из двадцати восьми были открыты уже семнадцать. Из остальных Лис без труда разыскал и застукал восьмерых, обогнав их в беге к палке. Оставались неразысканными Кюхля, Мордан да Француз. Обходя и осматривая потаенные места, Лисичка давно знал, где спрятался каждый из них: Кюхля сидел в бурьяне и не решался оттуда бежать, так как было далеко. А Француз—Пушкин — сидел почти открыто в каретном кузове. Видимо, ему хотелось, чтобы его сыскали, да нет, Лис-то иного хочет. А неверный друг Лиса, Мордан, думал его перехитрить: он не искал укромного или темного места, а просто присел на корточках за большой бочкой из-под рыбы и, когда Лис проходил мимо, обегал вокруг бочки на четвереньках. Лис заметил его, но не подал виду, обошел бочку кругом, даже заглянул внутрь бочки и отошел, как будто бы не видя.

— Кюхля, я тебя вижу, ты сидишь в карете... А ты, Пушкин, в бурьяне!—закричал Лис и два раза отстучал палочкой.

Из кузова вышел Пушкин, а из-за бурьяна — Кюхля. «Скотобратцы», хлопая в ладоши и свистя, издевались над ошибкой Лиса. А тот прикинулся сконфуженным и развел руками:

— Да где же Мордан? Ау! Откликнись, Мордашка!

— Выручай, барон! «Последний за всех!»—кричали товарищи.

— Сиди! — советовали одни.

— Беги! — кричали другие, видя, что Лис пошел, как будто разыскивая последнего, прочь от бочки, где прятался Мордančик.

Корф выглянул из-за бочки и кинулся к ящику. Но Комовский услышал его первый скачок и со своей стороны побежал к ящику... Напрасно Корф напрягал силы. Комовский обогнал его у самого ящика, выхватил палочку и простучал:

— Тюк-тюк! Палочка на месте!

— Корфу «вадить». Эх, ты, Мордан, не выручил!

У Мордана на глазах были слезы, но он надменно улыбнулся и сказал:

— Gewiss! [1].

[1] Конечно!

Пушкин, ау!

Палка из руки Комовского, фыркнув, улетела через забор. Храня все тот же надменный вид, Барон не кинулся бежать за палкой, а пошел ее искать неторопливым шагом, чтобы дать товарищам спрятаться получше. Но когда он все с тем же видом пренебрежения вернулся с палочкой во двор, то увидал, что «скотобратцы» тоже не спешат прятаться. Из бочки, за которой раньше прятался он сам, выглядывала веселая рожа Лиса; из бурьяна то высовывались, то прятались рядом несколько голов; Кюхля выставил длинные ноги, свесив их из саней; на липе верещал сорокой, совсем не прячась, Паяс-Яковлев.

Один за другим «скотобратцы» неспеша выходили из-за засады, кривляясь, подходили к ящику и отвешивали Корфу глубокие поклоны... В смущении он не знал, что подумать, отстукивая каждому палочкой....

— Все?

— Как все, а где же Пушкин? Ищи Француза!

Корф оглянул товарищей. Они над ним смеялись. Пушкина не было меж ними.

Комовский приставил ко рту рупором ладони и крикнул, обратясь в кусты:

— Пушкин! Выручай! «Последний за всех!»

Кто-то другой махал рукой в сторону поленницы дров, как бы подавая Пушкину знак:

— Спрячься! Видно!

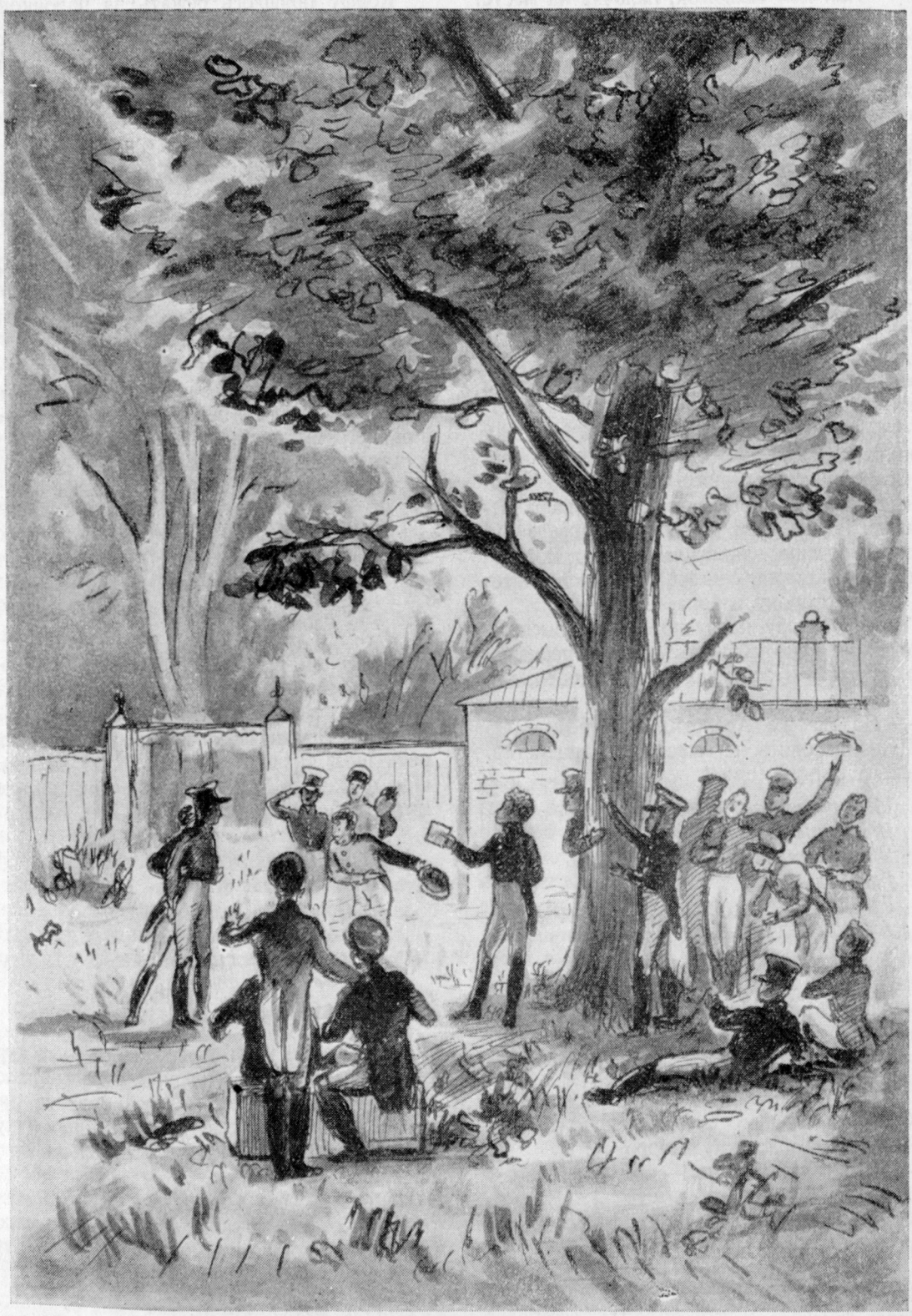
Третий прямо сказал Корфу:

— Смотри, Мордан, вон над ним комары вьются, он за тем кустом засел!

Корф растерянно взглядывал в лица товарищей. Они подмигивали ему, высовывали языки, строили рожи. Паяс подал знак, и хор грянул «национальную песню»:

«Пусть кто хочет отличайся
И паясом представляйся,
Я ферзь себе ищу.
Где ферзь?
Где ферзь?
Ах, когда ее сыщу?»

Корф взглянул еще раз в лицо Комовского, умоляя его о помощи. Лис едва кивнул головой и опять повел глазом в сторону бурьяна. Корф кинулся туда бегом. Вслед ему раздался громкий хохот. Он остановился и обернулся. У ящика стоял Пушкин. Он неспеша взял палочку и с поклоном в сторону Корфа отстучал:



Пушкин достал из кармана зеленый билет и с важным видом вручил его Корфу.

— Тюк-тюк-тюлюлюк, палочка на месте!

— Браво! Пушкин выручил всех!.. Ну, Мордан, schneller, laufen! Беги скорей...

Палка снова полетела за забор. Корф со всех ног бросился за ней, сразу нашел и что есть духу помчался назад, думая застать товарищей как и в первый раз. Но на этот раз, как ни скоро Корф вернулся, все попрятались. Положив палочку на ящик, Корф долго всматривался и вслушивался. Никто не подавал виду, никто ничем не отзывался. Над головой каркнуло. Корф встрепенулся. Не Яковлев ли это—мастер представлять и людей, и птиц, и животных? Но нет: на сухой ветке дерева сидела в самом деле ворона и, избочась, одним глазом смотрела на Морданчика, видимо, сочувствуя ему.

— Я больше не играю! — весь в слезах крикнул Корф.

Со всех сторон послышались протесты: там из бочки лаяли, тут из-за шкафа верещали поросенком, в кустах куковала кукушка, в липе закричала иволга. Ворона, испуганно каркая, снялась с ветки и улетела по ту сторону забора.

Теперь Корфу нетрудно было разыскать многих из «скотобратцев»: одни опередили его, других он застукал сам. Наконец, кажется, все.

— Но где же Александр Сергеевич?

Пушкина опять не было среди лицеистов. И снова грянул хор:

«Пусть кто хочет отличайся,
И точеньем занимайся,
Я ладью себе ищу.
Где ладья?
Где ладья?
Ах, когда ее сыщу?»

«Пусть кто хочет отличайся,
На гору Парнас взмощайся,
Я коня себе ищу.
Где конь?
Где конь?
Ах, когда его сыщу?»

Корф, то бледнея, то краснея, кусал губы. За забором каркнула ворона...

— Это он, Морданчик!—крикнул Комовский.—Пушкин, где ты, отзовись!

Ворона каркнула опять. Корф был готов бежать за ворота.

— Пушкин? Ау?

Ворона каркнула.

Корф бросился к воротам. Но смех его тотчас остановил. И, оборотясь, он снова увидал, что Пушкин стоит у ящика и не спеша выбивает положенные удары...

Корфу пришлось бежать за палочкой и в третий раз. На этот раз случилось то же: все были сысканы, но Пушкина не было меж ними...

Корф наотрез отказался его искать. Он сказал по-немецки:

— Вы сделали против меня заговор. Довольно. Я сдаюсь. Довольно вам надо мной смеяться.

— Значит, ты согласен, что заслужил на сегодня зеленый билет?

— Да, я согласен! Но я ни слова не скажу сегодня по-русски.

— А это уж твоя воля,—сказал Яковлев.—Пушкин, давай билет!

Корф с изумлением увидел, что ящик, на котором лежала палочка-выручалочка, двинулся, побежал по земле, опрокинулся и из-под него выскочил смеясь Пушкин. Он достал из кармана зеленый билет и с важным видом вручил его Корфу. Хор загремел:

«Пусть кто хочет отличайся,
И Кабудом забавляйся,
Я слона себе ищу.
Где слон?
Где слон?
Ах, когда его сыщу?»

Игра кончилась. «Скотобратцы» шли к лицею с запасного двора торжественным маршем. Примирясь со своей участью, впереди шел, заткнув зеленый билет за ремешок фуражки, Корф и пел вместе с другими:

«Пусть кто хочет отличайся,
И с Моргаевым сражайся,
Пешку я себе ищу.
Где она?
Где она?
Ах, когда ее сыщу?»

Первая провинность

За вечерним чаем столовая старшего курса веселым шумом и звоном голосов напоминала веселую стаю скворцов, когда они нагло атакуют в саду спелую черемуху, чтобы очистить ее кусты от ягод за один налет.

Немецких слов больше не было слышно совсем. Каждый старался говорить как можно больше по-русски. Когда Рыжий Кабуд попробовал сунуться в столовую, ему влепили, сбив парик, ком жеваного хлеба.

В лицее закипел не первый и не последний вечерний бунт. Эбергард прибежал к Фролову с жалобой. Он показывал ком хлеба.

— Ну, ничего, — утешал его инспектор, — ведь не камнем же они вам угодили. А вы, сударь, скажите-ка лучше, чего они хотят, о чем шумят?

— Я не могу этого знать. Они сбивать мне парик. Они хотель меня убивать!

— До этого, сударь, дело не дойдет. Пойдите-ка лучше да узнайте, в чем дело. Какой же вы будете гувернер, если станете бояться мальчишек? Они совсем не будут вас уважать. Идите-ка, любезный мой!

Гувернер вернулся в столовую, но она уже опустела. Лицеисты разошлись. В лицее все было тихо и мирно. В зале танцовали под клавесин. В токарной мастерской шуршал станок; там кто-то, работая, забавлялся. Где-то пели под гитару. Откуда-то доносился смех, но вполне пристойный. Пушкин укромно сидел в зале, за колонной, и что-то чертил карандашом на полях книги. В коридоре гуляли, взявшись за руки, Комовский и Корф: они помирились совсем и весело, возбужденно болтали. Эбергард прислушался издали: конечно, они говорят по-русски!

Рыжий Кабуд вздохнул успокоенно и пробормотал:

— Gott verdamm ich noch ein mahl такой проклятый должность!

Он ушел в дежурную комнату, решив больше не показываться на глаза лицеистам до ужина. После ужина ему оставалось отобрать зеленый билет и того, у кого он окажется на руках, заключить на ночь под арест в карцер...

К ужину лицеисты собрались тихо, мало шумели, лениво и не торопясь ели кашу, запивая ее кислым квасом; они чего-то дожидались. Гувернер вошел в столовую храбро и, пригладив парик, спросил по-немецки, у кого на руках зеленый билет... Настала тишина. Корф встал и, подойдя к Рыжему Кабуду, протянул ему зеленый билет...

— Что? Что есть такое?!—взревел Эбергард. — Ты есть стыдный лгунишка!

— Ничуть! — ответил Корф. — Я заговорил вечером по-русски с Комовским, а билет был у него на руках, он мне немедленно и всучил билет. Я последний...

— О, dummer Kerl! Ты был примерный мальчик... Ты был когда здесь наказан?

— Нет. За все четыре года я ни разу не подвергался взысканиям. Я не получил ни одного замечания, ни одного выговора и ни одной дурной отметки... Сегодня я буду наказан в первый раз... Заприте меня в карцер.

Раздались рукоплескания.

— Браво, Корф! Молодчина! — сдержанно вскрикивали лицеисты, столпясь вокруг Кабуда и Корфа.

— Я буду доложить господин инспектор!—бросил, уходя из столовой, Эбергард.

Его проводили веселыми криками. Вслед ему грянула новая «национальная песня»:

«Ты был директор Лицея,
Хвала, хвала тебе, Фролов!
Теперь ты ниже стал Пигмея,
Хвала, хвала тебе, Фролов!»

Доклад Эбергарда привел в смущение и полковника Фролова. Он отправился на квартиру к директору Энгельгардту с докладом о том, что лицеисты взбунтовались.

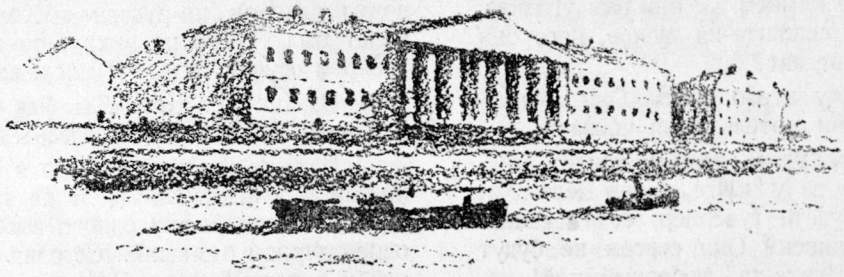
Узнав, в чем дело, Энгельгардт рассмеялся и приказал, чтобы Фролов тотчас отправился обратно, в лицей, и об'явил им, что зеленый билет, как и все другие билеты, отменяется раз и навсегда и что с Корфа снимается наказание.

Полковнику оставалось одно — исполнить приказание. При входе в столовую Фролова встретили свистом. Приговор об отмене билетов, об'явленный им сквозь шум и крики, встречен был ликованием. Лицеисты целовались. Пушкин подошел к Корфу и хотел его обнять. Корф с холодностью уклонился. Между ним и Пушкиным с этого дня на всю жизнь поселилась неприязнь.

Примечание

«Национальные песни» в «лицейской республике» сочинялись общими силами лицеистов. В этих песнях лицеисты обличали и осмеивали не только нелюбимых учителей, начальников, гувернеров, но и свою братию.

«Скотобратцы» — так называли себя не только в лицее, но и потом, на воле, воспитанники первого, «пушкинского» курса Царскосельского лицея. Среди лицеистов были приняты грубовато-ласковые звериные прозванья. Сам Пушкин называл себя «смесью обезьяны с тигром». В лицейских рукописных журналах лицеисты изображались со звериными головами. С другой стороны, грубые учителя не стеснялись обращаться к лицеистам со словами: «Скотина-господин, животина-господин». Так и сложилось у лицеистов обращение: «братцы скоты!», а потом и «скотобратцы».



Пушкинскому дому

А. Блок

Имя Пушкинского дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке.

Это древний сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижном скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

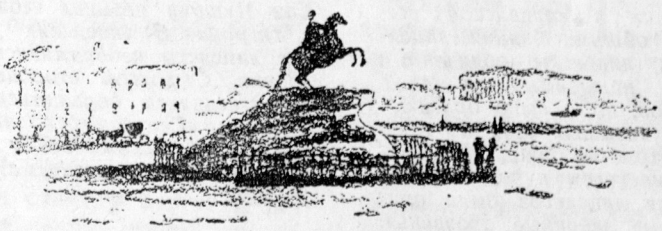
Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук—
Имя Пушкинского дома
В Академии наук.

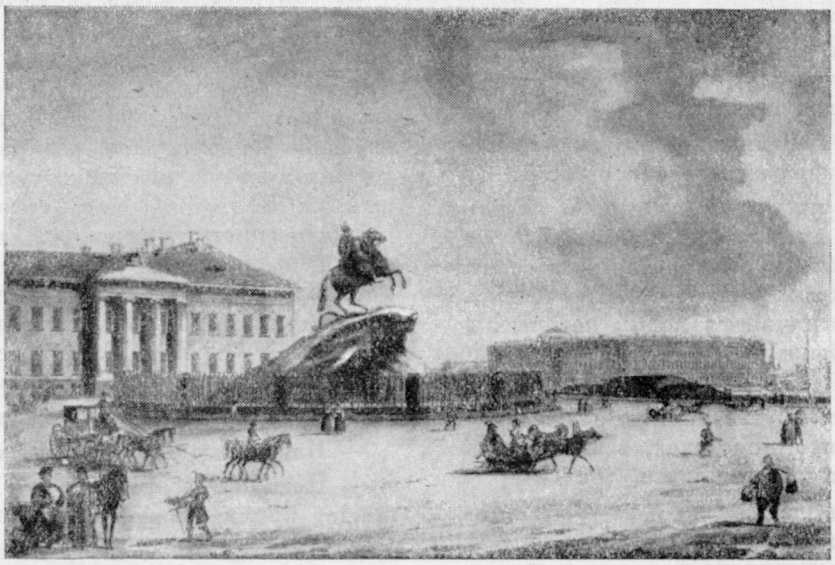
Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

29 января (11 февраля) 1921 года.



В. Смирнова

Рассказы о Пушкине



Сенатская площадь и памятник Петру I в Петербурге.

ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА

Здорово, рыцари лихие,
Любви, свободы и вина!
Для нас, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.

В Санкт - Петербургском императорском Большом каменном театре кончился спектакль. Давали «Отелло», трагедию Шекспира, и красавица Семенова—Дездемона, только что задушенная, чудесно воскресала от аплодисментов и, держа за руку Мавра, выходила на авансцену раскланиваться с публикой. Восковые свечи оплывали. В райке неистово стучали сапогами приказчики, писцы и камердинеры. В креслах просыпались обладатели голубых и красных лент, блестящих звезд и лысин.

В ложах дамы спешили закутать в мех набеленные плечи и шеи, украшенные жемчугами, и осторожно надевали капоры и шали, стараясь сохранить прически для раута или бала.

Пыль столбом стояла в зале, масляные лампы коптили догорая. Было 9 часов.

На левом фланге, где кресла абонировались блестящей военной молодежью, звенели шпоры, гремели по полу длинные сабли. Около камер-юнкера Никиты Всеволожского, складывая подзорные трубки, собирались петербургские повесы: гусары, уланы, кавалергарды.

— Куда теперь? — спрашивали их почтенные люди.— Опять пирушка? Опять к «Зеленой лампе»? — и лукаво грозили пальцами.

Повесы смеялись.

Было известно всем, что Никита Всеволожский — страстный игрок, что в доме у него каждый вечер идет большая игра, что кутилы со всего Петербурга устроили кружок под названием «Зеленая лампа»— для молодецких пирушек. Дамы шопотом, на ухо передавали друг дружке о таких проделках, о которых вслух вымолвить было неприлично.

Между тем молодые гуляки, натягивая на плечи плащи и шинели, шумно направлялись к выходу.

— Где же Пушкин? — говорил Всеволожский, оглядываясь во все стороны.

Пушкин в клетчатом испанском плаще, стоя в ложе актрис, дразнил их, расхваливая Семенову, браня всех, кроме нее, и всех передразнивая. Актрисы смеялись и грозили остричь ему ногти, которые, в самом деле, были у него непомерно длинны.

В это время друзья пришли звать его с собою. Он живо простился, завернулся в плащ и отправился за ними.

Они вышли из театра. Дом Всеволожского был через улицу — напротив. Здесь, в дальней комнате, где посредине висела зеленая лампа, гусары отстегивали сабли, сбрасывали свои тесные мундиры и в одних рубашках присаживались к круглому столу. Бутылки не замедлили явиться, и языки развязались.

Подходили еще гости. Пришел румяный улыбающийся Дельвиг с новыми стихами. Последним вошел, запыхавшись, прямо с бала, старший ад'ютант главного штаба его величества Яков Толстой и занял председательское место.

Все оживились, отставили бокалы. Один из гостей вытащил из кармана пачку бумаг. Шум утих, голоса умолкли. Он стал читать. Это была политическая записка о будущем Российского государства.

...Через 300 лет, мечтал подданный Александра I, в России будет конституция, власть царя ограничится законами, справедливыми и равными для всех. Мрачный Михайловский замок станет Дворцом государственного собрания. В Аничковом дворце устроится музей российского искусства. Земледелие, промышленность, торговля процветут, люди будут сыты и довольны, и нищие не будут омрачать своим жалким видом нарядные улицы благоустроенных городов...

Он говорил собравшимся военным, что через 3 столетия в России не будет кадровых войск: на месте прежних казарм вырастут школы, библиотека академии. И блестящие офицеры, встав с мест, кричали ему: «Ура!»

Беседа затягивалась за ночь.

Рассказывали последнюю дворцовую новость. У царскосельского коменданта был медвежонок. Он сидел на цепи в будке, и дети его дразнили. Однажды, разозлясь не на шутку, он разорвал цепь и убежал в дворцовый парк, густой и уединенный. В этот час царь совершал свою обычную прогулку в парке, один, со своей любимой маленькой собачкой. Вдруг в темной аллее собачонка встревожилась и стала лаять. Царь испугался, вернулся во дворец и приказал обыскать парк. Медвежонка нашли, он был тут же убит.

Пушкин воскликнул с сожалением:

— Нашелся один, да и тот медведь!

— Погоди,— возразил ему кто-то,— придет время — найдутся и люди.

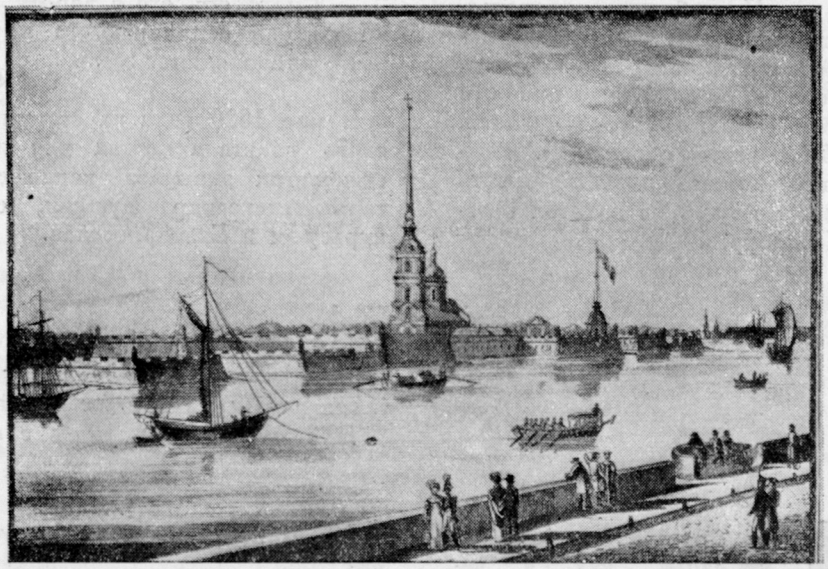
— Чего ждать? — говорил он живо.— Теперь самое безопасное время: по Неве лед идет — нечего опасаться крепости.

Молодежь зашумела. Офицеры, после разгрома Наполеона Бонапарта прошедшие военным маршем всю Европу, побывавшие в Париже, увидевшие другую жизнь и другие страны, более просвещенные и более свободные, подышавшие ветром революции, с жаром поддерживали Пушкина.

Совсем молоденький гусар, вскочив на стул, читал наизусть стихи, нигде не напечатанные и всем известные:

«Товарищ, верь! Взойдет она,
Звезда пленительного счастья.
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишут наши имена...»

Расходились под утро шумной ватагой, молодые полные надежд и вольнолюбивых мыслей, будили извозчиков, в одних рубашках прыгали в коляску. И мчались по белым улицам Петербурга, пугая будочников и ранних прохожих.



Вид с набережной на Петропавловскую крепость.
С литографии 1825 года.

ИЗГНАНИЕ

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Однажды он вернулся поздно домой и застал своего старого дядьку в тревоге: неизвестный человек приходил нынче к поэту на квартиру, давал старику пятьдесят рублей, просил показать рукописи и письма. Верный дядька не согласился, и незнакомец ушел. Пушкин понял, что это значит, и остаток ночи жег в камине свои стихотворные улики.

Утром пришли звать его к Милорадовичу, петербургскому генерал-губернатору. Пушкин явился немедленно. При нем был отдан приказ полицмейстеру — отправиться к нему домой и запечатать все его бумаги.

— Граф, вы напрасно это делаете,— живо сказал Пушкин,— вы ничего не найдете у меня на квартире. Прикажите дать мне перо и бумагу, я напишу вам все, что вы ищете.

Ему принесли бумаги, он сел, долго писал, написал целую тетрадь.

— А, это по-рыцарски! — сказал ему Милорадович.

В этот же вечер стихи были переданы царю Александру I.

— Вам, государь, лучше не читать этого,— сказал заботливый граф.

Царь улыбнулся.

Но через несколько дней, встретясь на обычной прогулке в парке с директором лицея, царь говорил ему сердито:

— Пушкина надо сослать в Сибирь. Он наводнил Россию возмутительными стихами. Вся молодежь наизусть их читает.

— Воля вашего величества,— отвечал ему старый директор,— но я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника: в нем развивается необыкновенный талант. Пушкин — теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще большие на него надежды. Ссылка может подействовать на него губительно...

Между тем по Петербургу распространился слух, что Пушкина ссылают. Говорили, что дело его разбиралось в Государственном совете и решилось ссылкою в Сибирь. Друзья Пушкина заволновались. Карамзин и Жуковский обратились к царице, и все, кто мог, старались замолвить за поэта слово. Но царь не захотел оставить его в Петербурге.

— Снарядить его в дорогу, выдать ему прогоны и отправить его на службу на юг,— распорядился царь.

В мае 1820 года на станциях Белорусского тракта в книгах для записи проезжающих значился коллежский секретарь Александр Пушкин, следовавший курьером в Екатеринослав.

КАМЕНКА

Хочу вознаградить в об'ятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком
наравне.

Вот уже восемь месяцев, как я веду странническую жизнь. Был я на Кавказе, в Крыму, в Молдавии и теперь нахожусь в Киевской губернии, в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского. Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная и веселая смесь умов, оригинальных людей, известных в нашей России, любопытных для постороннего наблюдателя. Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов. Вы поверите легко, что, преданный забвению, мало заботился я о толках петербургских...»

Бильярдная, где Пушкин писал это письмо, была в стороне от большого дома. Маленький серый домик с колоннами стоял далеко в саду. Посредине был большой бильярд, по стенам шкафы с книгами. Здесь было тихо, можно было читать и писать без помех. Растянувшись во всю длину на бильярде, он иногда писал здесь стихи.

Здесь, в Каменке, Пушкин доживал свой отпуск, полученный им для лечения от лихорадки, которую схватил он сразу по приезде на юг. Друзья поэта Раевские нашли его в Екатеринославе совсем больным и увезли лечиться на кавказские минеральные воды. Возвращаясь с Кавказа, он прожил три недели у них в Гурзуфе. Теперь по их приглашению он приехал к ним в Каменку и попал на шумный праздник.

Впрочем, сейчас Каменка уже опустела. Празднества кончились. 24 ноября[1], в день именин хозяйки, родоначальницы двух больших семей — Давыдовых и Раевских, здесь палили из пушки, взлетали в небо фейерверки, гремел оркестр, и в зале до утра танцовали. С'ехалось столько народу, что трудно было всех упомнить и понять, почему они оказались тут. Пушкин с удивлением увидел здесь Якушкина. Это был петербургский знакомый, с которым встретился он у Чаадаева и которого справедливо подозревал в принадлежности к тайному обществу. Младший Раевский, с которым Пушкин был друг, уверял поэта, что этот пестрый с'езд неспроста, и оба они ждали открытия тайны.

Все вечера приезжие проводили обычно на мужской половине, у младшего Давыдова. Пушкин без сожаления покидал дам для политических разговоров.

В последний вечер перед раз'ездом собрались все в бильярдной, прения пошли не на шутку. Для порядка собрания выбрали президентом Раевского: он назначал, кому говорить, звонил в колокольчик, когда поднимался шум. Был предложен вопрос: полезно ли учреждение тайного общества в России? Все говорили свое — за и против. Пушкин с жаром доказывал его необходимость. Якушкин, испросив слово у президента, стал всячески отрицать возможность тайного союза в России. Раевский ему возражал.

— Вы шутите,— сказал ему Якушкин.— Я предложу вам вопрос: если бы теперь

[1] Даты даны по старому стилю.

уже существовало тайное общество, вы, наверное, к нему не присоединились бы?

— Напротив, присоединился бы, наверное,— отвечал Раевский.

— В таком случае давайте руку.

Раевский встал и протянул руку.

Якушкин расхохотался и сказал:

— Я пошутил. Разумеется, все это только шутка.

Все стали смеяться.

Пушкин вскочил с места. Взволнованный, со слезами на глазах, он сказал задрожавшим голосом:

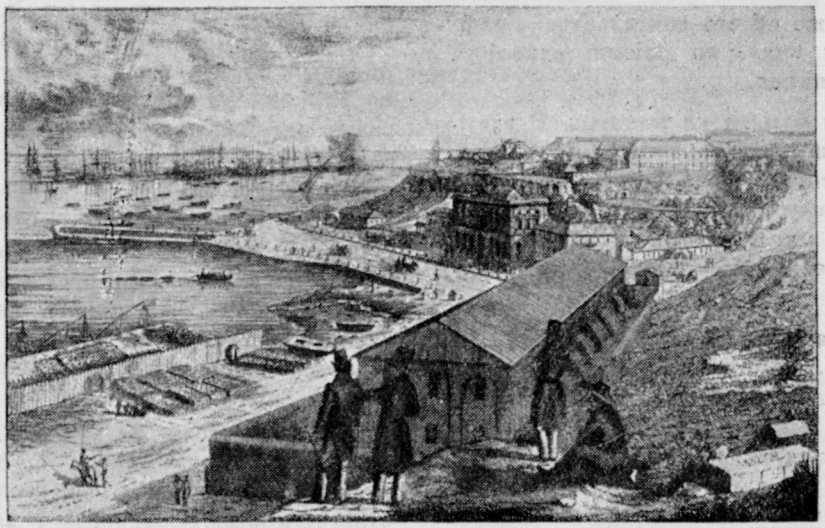
— Я никогда не был так несчастлив, как теперь. Я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, а все это была только злая шутка.

Он не мог успокоиться. Мрачный покинул он гостеприимную Каменку.

Между тем в Каменке действительно под прикрытием веселых именин каждый год происходили совещания членов тайных обществ. В 1823 году здесь был решен вопрос об истреблении всей царской фамилии. Присутствовали Пестель, Волконский, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин.

Говорят, что Волконскому было поручено открыться Пушкину и принять его в Южное общество, но он не хотел рисковать жизнью поэта и решил сберечь его для поэтической славы.

Пушкин принял это как тяжкую обиду.



Вид порта Одесского карантина.
С литографии 1832 года.

САРАНЧА

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Светлейший граф Воронцов, генерал-губернатор новороссийский и бессарабский, был в этот день особенно любезен, приветлив и приятен в канцелярии. Это значило, что его сиятельство был не в духе и гневался. И все знали: виноват опять Пушкин. Не даром один из его друзей прозвал его в шутку: бес арапский. И в Бессарабии и в Одессе он доставлял много хлопот своему начальству.

Дважды уже граф писал в Петербург, просил избавить его от Пушкина.

У его сиятельства был самый блестящий дом в крае, знатные иностранцы его посещали. Граф хотел слыть просвещен-

ным европейцем и вел жизнь на манер английского лорда.

Но почти каждый вечер в его дворец являлся Пушкин, плохо одетый, без всякого почтения к графу. Эпиграммы и колкости сыпались у поэта с языка, их тут же записывали. Назавтра их повторял весь город, через месяц они были известны в столицах. Пока это касалось подчиненных его сиятельства, это было забавно. Но наднях графу пришлось прочесть такие строчки:

«Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневежда,
Полуподлец, но есть надежда,
Что будет полный наконец».

Это было уже об его сиятельстве. Граф не показал и виду, но решил, наконец, проучить Пушкина.

Ему подали бумаги на подпись. В этом году на поля южных губерний напала саранча, и решено было направить некоторых из низших чиновников на борьбу с ней. Одна из бумаг была адресована коллежскому секретарю Александру Пушкину:

«Поручаю вам отправиться в уезды. . . . . осмотреть важнейшие места, где саранча наиболее возродилась, и обозреть, с каким успехом действуют употребленные к истреблению оной средства. О всем, что вами найдено будет, рекомендую донести мне».

Поэт был глубоко оскорблен этим предписанием.

— Семь лет я службой не занимался. Стихотворство — мое ремесло. Мне скажут, что, получая 700 рублей, я обязан служить. Но я принимаю эти 700 рублей не как жалованье чиновника, а как паек ссылочного невольника. Я готов отказаться от них, если не могу быть властен в моем времени и занятиях. Я устал зависеть от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника, мне надоело, что со мною в моем отечестве обращаются с меньшим уважением, чем с первым английским шелопаем, который слоняется среди нас... Я жажду одного: независимости. Ужли нельзя оставить меня в покое на остаток жизни, которая, верно, долго не продлится.

Он хотел взбунтоваться. Друзья уговорили его. Он послушался, поехал, через две недели вернулся и подал свое донесение:

«Саранча летела, летела
И села.
Сидела, сидела, все с'ела
И вновь улетела».

Немедленно подал он просьбу об отставке и как ни в чем не бывало явился вновь на даче Воронцовых.

«С нетерпением ожидаю решения своей участи и с надеждой поглядываю на ваш север,— писал он тогда же своему старому другу в Петербург.— Воронцов — придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое...»

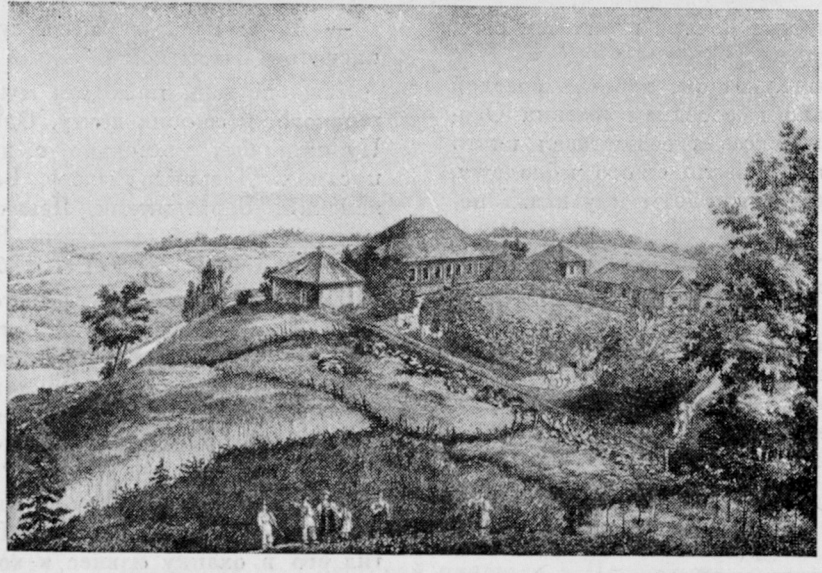
В один из прекрасных июльских вечеров был получен ответ министра. За дурное поведение приказано было уволить Пушкина вовсе от службы. Но его величество не соглашалось ограничиться только отставкой и находило необходимым удалить его в имение отца, в Псковскую губернию, под надзор местного начальства.

Любезный граф не замедлил сообщить своему гостю это решение, которое он должен был выполнить в точности и без отлагательства. Совершенно растерянный, оставив в графской передней перчатки и шляпу, Пушкин убежал к знакомым и сам не свой стал строить безумные планы побега: на корабле в Италию, в Испанию, в Африку — куда-нибудь подальше от своей милой родины.

Но корабля такого не нашлось, а дольше уже нельзя было сидеть у моря и ждать погоды. Поэт занял денег и поехал по назначенному начальством маршруту на север.

Впереди поскакало секретное предписание, а следом от города до города провожал Пушкина какой-то, каждый раз новый, расторопный и незаметный человек.

У поэта появилась тень.



Село Михайловское.
С литографии Г. Александрова 1837 года.

В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКОМ

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя—где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Дом был деревянный, одноэтажный, обветшалый и совсем пустой. Половицы скрипели; трещала, рассыхаясь, уцелевшая ганнибаловская мебель. Печи дымили, в комнатах было угарно.

За домом текла река. С левой и с правой стороны за рекой виднелись два больших озера, дальше тянулся лес. Во дворе, перед балконом, разрослись два куста сирени. Перед домом лежал огромный густой парк с расчищенными кое-где дорожками, в нем сохранились цветники.

С крыльца, направо по коридору, был вход в небольшую комнату. В ней стояла простая деревянная кровать, вместо сломанной ножки было подставлено полено. Ободранный ломберный стол, два стула, старый диван да полка с книгами— вот было все убранство. Окно выходило во двор. Здесь прожил Пушкин два года.

«...У нас очень дождик шумит, ветер шумит, лес шумит, шумно, а скучно»,— писал он отсюда вскоре после приезда.

Сначала он сильно тосковал, все хотел убежать в чужие края. Потом привык.

«...Тебе скучно в Петербурге, а мне скучно в деревне. Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа. Как быть?» — писал он Рылееву.

От нечего делать стал он писать записки, потом принялся за стихи, кончил «Цыган», начатых на юге, в два утра написал «Графа Нулина». Работа его захватила.

«...Покамест, душа моя, предпринял я такой литературный подвиг, за который ты меня расцелуешь: романтическую трагедию!» — извещал он постоянного своего критика Вяземского.

Встав поутру рано, каждый день он купался: летом спускался к реке, зимой шел в баню, разбивал кулаком лед в ванне, окунался в ледяную воду. В ясную погоду садился с утра на коня. В осеннюю слякоть и в зимнюю стужу, когда хорошо работалось ему, до полудня писал в постели: боялся встать, одеться, чтобы не развлечься, не уйти из дому. Обедал поздно, в сумерки. До сумерек, перед обедом, в любую погоду гулял по полям, по лесу.

В длинные зимние вечера играл сам с собой на бильярде.

Он жил отшельником, избегал соседей и бывал только в соседнем имении Осиповых — Тригорском, где доставал книги и журналы, где бывало много молодежи, где он отдыхал от работы и узнавал петербургские новости.

«...Я один-одинешенек, живу недорослем, валяюсь на лежанке, слушаю старые сказки да песни...»

Вокруг него бесшумно хлопотала няня. Ей шел седьмой десяток к концу. Она бодрилась, сама топила печи, варила ему кофе по утрам, накрывала на стол. Опустив на колени спицы с чулком, смотрела из-под очков на своего смуглого питомца: старалась угадать, каков он, что у него на сердце. Отправляла его в гости — к соседям, смешила прибаутками, рассказывала ему сказки. В комнате у няни было всегда тепло, рядом, за дверью, пели за шитьем дворовые девушки.

«...У меня нет другого общества, кроме моей старой няни и моей трагедии. Последняя подвигается вперед, и я доволен ею... Я пишу и думаю»,— писал он Раевскому на юг.

Как-то раз, возвращаясь из соседней деревни верхом на лошади, вслух сочинял он стихи и, пока доехал до дому, придумал всю «Сцену у фонтана». Приехав, не нашел пера; в помадной банке, которая служила ему чернильницей, высохли чернила — и он не смог записать сразу придуманного. А потом забыл, и пришлось писать заново, по-другому и, как ему казалось, хуже!

В праздники он любил ходить за пять верст в монастырь, на Святые горы. Летом, в девятую пятницу после пасхи, в монастыре каждый год бывала ярмарка. Пушкин приходил на ярмарку в красной ситцевой рубахе, в соломенной шляпе, с железной тяжелой палкой, привезенной еще из Одессы. Останавливался у монастырских ворот, слушал пение нищих и калек. Нищие протяжно и уныло тянули про Лазаря, про Алексея-божьего человека, про страшный суд. Став посреди нищих, он пел вместе с ними и дирижировал своей палкой. Какой-то ретивый исправник чуть не арестовал его за это.

Здесь слушал он жадно народный говор, здесь нашел он своего юродивого.

«...Трагедия моя кончена, я перечел ее вслух, один, бил в ладоши и кричал:

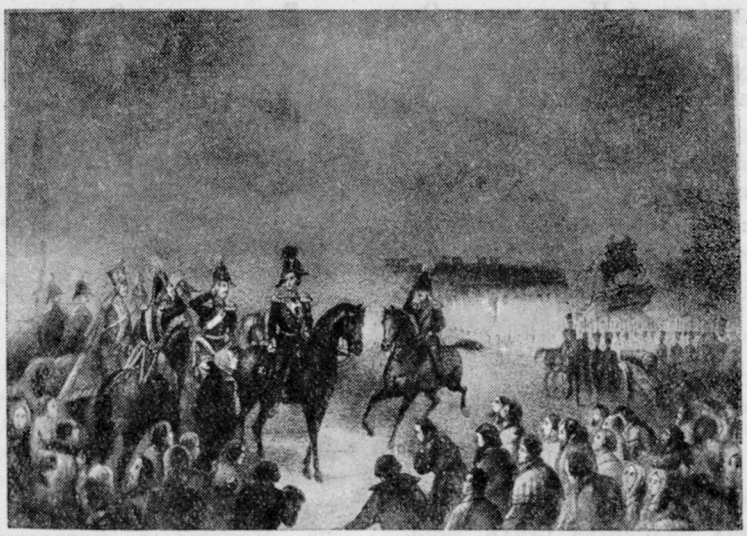
— Ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!»— писал он Вяземскому.

Каждый день приходил мужик из Тригорского, приносил почту. Один, в глуши, Пушкин был постоянно с друзьями — в письмах. Дельвиг, Рылеев, Бестужев, Вяземский, Баратынский, Языков были его критиками и собеседниками. В этом звене поэтов он был любимцем и баловнем.

Однажды зимой, в первый год изгнания, выпала ему нежданная радость. Это было в январе. Рано утром его разбудил колокольчик. Он выглянул в окно: сани промчались мимо крыльца и застряли в сугробе. Он узнал Ивана Пущина — лицейского своего товарища и друга. Как был — в одной рубашке, босиком — выскочил он на крыльцо, протянул руки. Пущин схватил его в охапку и внес в комнату. Прибежавшая няня так и застала их в об'ятиях друг у друга: одного — почти голого, другого — в шубе, обоих — в слезах. В комнате был беспорядок, стол был завален рукописями, везде валялись перья— обкусанные, обожженные, на стульях на диване — книги. Пущин оглядывал бедное это жилище, искал, где умыться. Наконец, и гость и хозяин привели себя в порядок, няня принесла кофе. Пушкин жадно расспрашивал друга, что делается в России, что говорят о нем, рассказывал, что трудится охотно и усердно. За обедом Пущин приказал достать привезенное им шампанское. Пробки полетели в потолок. Заставили выпить и няню. После обеда Пушкин стал читать вслух «Горе от ума», комедию Грибоедова, которую привез ему Пущин. В это время под'ехали еще сани. В комнату вошел низенький рыжий монах — настоятель соседнего монастыря, которому было поручено наблюдать за Пушкиным в деревне. Кто-то уже донес ему, что у Пушкина гость. Пушкин притих, смутился, Пущин досадовал. Монаха напоили чаем с ромом, и скоро он уехал. Пушкин опять оживился, стал читать другу новые стихи.

Часы летели. В полночь няня дала ужинать. Уже запрягали лошадей. Пора было расставаться. Оба вдруг почувствовали, что видятся в последний раз. Предчувствие сбылось: через два года Пущин был уже на каторге.

Со свечою в руке Пушкин вышел на крыльцо. Снег скрипел под полозьями, от коней шел пар. Пущин махнул рукой и бросился в сани.



Восстание на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 года. Со старинной литографии.

ДЕКАБРИСТЫ

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье...

Однажды под вечер, зимой, в Тригорском в зале сидели за чаем. Пушкин был тут же, грелся у печки. Вдруг хозяйке доложили, что приехал Арсений. Это был повар, которого каждую зиму посылали в Петербург продавать яблоки и разную деревенскую снедь и покупать сахар, вино и другие городские продукты. В этот раз он вернулся раньше времени, ничего не купив, страшно перепуганный. Он рассказал, что царь Александр умер, что в Петербурге волнения, всюду раз'езды и караулы, что он еле выбрался...

Пушкин побледнел, сделался скучен, рано простился и уехал к себе, в Михайловское. На другой день собрался он в Петербург. Это было 10 декабря 1825 года. 13-го вечером думал он быть уже в Петербурге и, чтобы не сразу узнали об его самовольном возвращении, хотел заехать прямо к другу своему Рылееву. Разные мелочи помешали ему привести в исполнение свое намерение. Слуга, который должен был его сопровождать, внезапно заболел, заяц перебежал дорогу, в воротах встретился поп. Пушкин верил в дурные приметы: он заколебался и отменил поездку. Это спасло его.

Вечером 13 декабря в Петербурге, на квартире Рылеева, собрались члены Северного тайного общества, давно подготовлявшего восстание. Было решено воспользоваться смертью царя Александра и отречением Константина и произвести революционный переворот.

14 декабря заговорщики вышли на Сенатскую площадь с частью войск, которые удалось им возбудить против правительства. Новый царь, Николай I, приказал выставить против мятежников пушки и сам лично командовал стрельбой. Восстание было раздавлено, вожди его арестованы, тела убитых свалены в Неву, кровавый снег счищен с площади, войска приведены к присяге. Началось судебное следствие.

Пушкин в своей глуши метался как в клетке.

«...Между ними друзей моих довольно...»—писал он Жуковскому в начале ян-

варя. «Я был дружен с Пущиным и Орловым. Я был в связи с большею частью нынешних заговорщиков. Вам решительно говорю — не отвечать и не ручаться за меня».

«... Что делается у вас в Петербурге?»— тревожно спрашивал он друзей.

Все молчали: писать было рискованно. Но он не мог выдержать:

«...Я в глуши ровно ничего не знаю, переписка моя прекратилась... С нетерпением ожидаю решения участи несчастных...» — писал он Дельвигу. Он рвался из Михайловского. Но друзья советовали ему ждать.

«...Ты ни в чем не замешан,— писал ему Жуковский,— но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это дурной способ подружиться с правительством. Не просись в Петербург. Еще не время».

Приходилось молчать и ждать. Этого он никогда не умел: терпение было не в его натуре.

Время шло. Он послал, наконец, прошение царю о возвращении, но ответа не было. Прошли зима и весна, наступило лето. 24 июня он узнал о казни пяти декабристов.

В начале августа он писал Вяземскому: «Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна. Ты находишь письмо мое (к царю) сухим и холодным. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы...»

2 сентября, поздно ночью, сидел он у себя в Михайловском, около печки. Спать не хотелось, он разбирал свои бумаги. Вдруг под окном зазвенел колокольчик. Это был нарочный от губернатора с известием, что в Пскове ждет его фельд'егерь из Москвы с повелением немедленно явиться к царю.

Няня расплакалась, растужилась, Пушкин утешал ее, как мог. Втайне он был уверен, что его увезут прямо в Сибирь. Наскоро собрался он, сел в тележку, и лошади помчались.

ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ

...Месяц едет,
Котенок плачет.
Юродивый, вставай,
Богу помолиться.
«Нет, нет! Нельзя молиться за царя-Ирода,
богородица не велит»...

Небритый, весь в грязи, усталый с дороги и почти больной от волнения, Пушкин был привезен во дворец и введен в кабинет нового царя.

Царь встретил поэта милостиво, сказал, что прощает его, что отныне позволяет ему жить, где он хочет, спросил, что он пишет теперь, отозвался лестно об его таланте. Внезапно он спросил:

— Пушкин, что бы ты сделал, если бы 14 декабря ты был в Петербурге?

— Государь, все мои друзья были в заговоре, и я был бы с ними,— отвечал Пушкин.

Но видно в расчеты царя не входило гневаться в тот час. Царствование его началось казнями. Общественное мнение было возбуждено. За Пушкиным была слава. Пушкин был опасен. Надо было его обезоружить.

— Довольно ты подурачился,— сказал царь,— надеюсь, теперь будешь рассудителен и мы больше не будем ссориться.

И он взял с поэта обещание ничего больше не писать против правительства.

Потом он сказал, что отменяет для Пушкина цензуру:

— Я сам буду твоим цензором и первым ценителем. Присылай мне все, что напишешь.

В тот же вечер, на балу у французского посла, распространилась весть о возвращении поэта. Друзья поехали к нему прямо с бала — во фраках и в бальных башмаках.

Появление Пушкина на другой день в театре было триумфом. Имя его повторя-

лось всеми, на него обращены были все бинокли, публика не смотрела на сцену, а только на него, и актеры тоже. Москва приветствовала первого русского поэта. Беспрестанно устраивались вечера и обеды в его честь. Журналисты и книготорговцы его осаждали. Все хотели узнать, что он написал нового. Тут же роздал он в журналы разную мелочь. Между тем ему не терпелось скорее показать товарищам свою трагедию. Чтение устроилось у Веневитиновых 12 октября. «Годунов» имел успех необыкновенный. Пушкин читал прекрасно. Когда он кончил, его чуть не задушили в об'ятьях. Пушкин был доволен. Он стал читать еще стихи, прочел песни о Стеньке Разине, рассказывал свои новые планы и радовался как ребенок.

Но через несколько дней получил он письмо от Бенкендорфа.

«Доходят до меня сведения,— удивлялся шеф жандармов.— что вы изволили читать в некоторых обществах вновь сочиненную вами трагедию. Справедливо ли такое известие? — Я уверен, впрочем, что вы слишком благомыслящи, чтобы не чувствовать в полной мере столь великодушного к вам монаршего снисхождения и не стремиться учинить себя достойным оного».

Это был уже выговор.

Пушкин забыл, что царь пожелал быть его первым читателем.

Пришлось отправить царю единственный экземпляр трагедии. Впрочем, Николаю было не до «Годунова». «Ценителем» оказался Фаддей Булгарин, известный российский литератор, служивший в Третьем отделении собственной его величества канцелярии — тайной полиции. Булгарин прочел и дал отзыв, царь написал резолюцию: «Цель господина Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман наподобие Вальтер Скотта».

Взбешенный Пушкин отвечал с явной насмешкой: «С чувством глубокой благодарности получил я письмо, уведомляющее меня о всемилостивейшем отзыве касательно моей драматической поэмы. Согласен, что она более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное»

«Борис Годунов» был запрещен к печати.

ОСЕНЬ

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь.
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят.

С утра до вечера и всю ночь напролет не переставая шел дождь. Улица превратилась в болото. Ветер трепал мокрую солому на крышах убогих изб. Дубовый мелкий частокол, ощетинившись, окружал пустырь перед барским домом. Мимо окна в соседнюю церковь мужик без шапки нес подмышкой маленький некрашенный гробик...

За селом тянулась унылая безлесная равнина. В двадцати верстах по рекам, по дорогам стояли крестьянские заставы: по губернии гуляла страшная гостья — холера-морбус.

Он был один в Болдине, как на острове. Где-то в Москве ждала его невеста, с лицом мадонны, с умом и сердцем московской заурядной барышни. Он писал в Петербург своему издателю:

«Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты да и засесть стихи писать. Невеста пуще цензора язык и руки связывает... Что за прелесть здешняя деревня! Степь да степь, соседей ни души, пиши сколько вздумается... Осень чудная — и дождь и снег и грязь по колено...»

Ему было 30 лет, молодость кончилась, он собирался жениться

Он приехал в Болдино делиться с отцом и приводить в порядок имение. Вместо того он занялся своим поэтическим хозяй-

ством и производил раздел со своей молодостью.

Он привез с собою сюда все планы, все замыслы, все неоконченные стихи за 13 лет. Как бережливый хозяин, доставал из подспуда какой-нибудь еще бесформенный отрывок, несколько поэтических мыслей на обороте забытого письма или на страницах старой тетради. Под заунывный вой ветра, под неумолчное шлепанье дождевых струй,— в два утра, в три дня, в несколько ночей одно за другим рождались легкие прекрасные творенья.

Обедая картофелем и гречневой кашей, вспоминал он няню и пышные михайловские обеды и, раскопав на дне сундука нянину сказку про купца Остолопа, когда-то им записанную, в четыре дня написал «Балду».

Здесь — опять в деревенской глуши — распрощался он навсегда с Онегиным.

Чтобы не загрустить после расставанья с семилетним своим спутником или, может быть, вспомнив попутно графа Нулина, захотел он позабавиться между делом и написал октавами веселую и колкую повесть «Домик в Коломне».

Густой, тяжелый туман полз от полей, окружал дом, закрывал его от всего мира. Окна запотели — ничего нельзя было рассмотреть за ними. Поставив свечу у изголовья постели, он писал, усмехаясь:

«Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем!
Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем,
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон».

19 октября погода прояснилась, подморозило. Утром велел он оседлать себе лошадь и поскакал в Кистеневскую рощу. Вернулся поздно, голодный, обветренный, счастливый, приказал затопить печку в своей комнате. Сидя у огня, вдруг он вспомнил, что в этот час на берегу Невы, верно, уж собрались у Яковлева товарищи праздновать девятнадцатую лицейскую годовщину. У него не было ни стихов, ни даже вина, чтоб почтить издали память лицейских товарищей. Воспоминания нахлынули на него с силой. То вспоминал он живо раннее снежное утро в Михайловском, когда разбудил его колокольчик Пущина... То видел перед собой маленькую почтовую станцию, фельд'егерские тройки с арестантами, и худой и бледный, обросший бородой Кюхля бросался его обнимать...

Веселый, пьяный толстый Дельвиг читал стихи гусарам под зеленой лампой...

Сердце его сжалось. Он вскочил и стал ходить по комнатам, чтоб утишить сердечную боль, подошел к окну, прижался лицом к холодному, мокрому стеклу и — вдруг отшатнулся. В темноте померещилась ему за окном пустая площадь, пять виселиц чернели на ней. Страх напал на него, и он бросил в огонь тайные листы: шестнадцать еще никому не читанных строф — десятую главу «Онегина», славную хронику декабристов.

В этот день как будто простился он со своей молодостью.

Назавтра вновь он сидел за работой. Конец осени провел он в замке «Скупого рыцаря», в Мадриде — с Дон-Жуаном, в трактире «Золотого льва» — с Сальери и Моцартом. Осажденный холерой, писал он «гимн в честь чумы».

В начале ноября, окончив «Каменного гостя», он писал в Петербург Дельвигу:

«Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать... Доношу тебе, моему владельцу, что нынешняя осень была детородна и что, коли твой смиренный вассал не околеет от сарацинского падежа, холерой именуемого, то в замке твоем, Литературной газете, песни трубадуров не умолкнут круглый год».

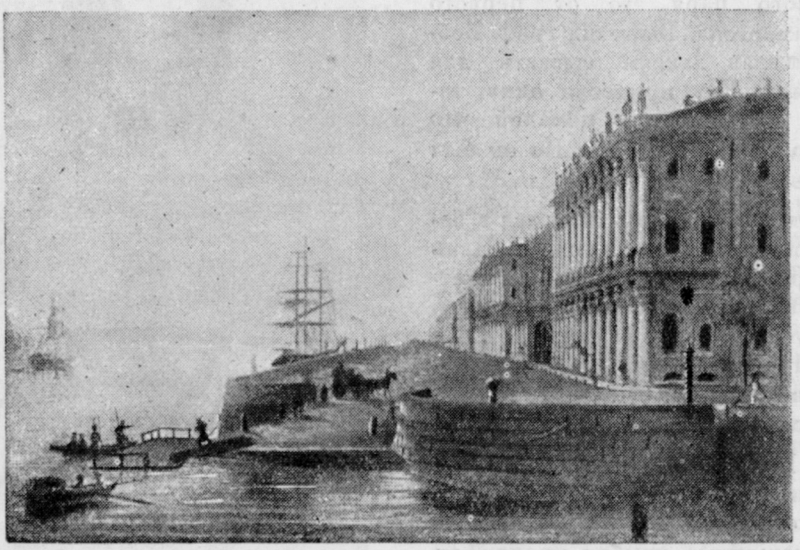
Он пытался выехать из Болдина несколько раз, но, задержанный холерными кордонами, вновь возвращался и снова писал. Только в декабре — ровно через три месяца — попал он в Москву.

«Вот что я привез сюда,— писал он оттуда своему издателю,— 2 последние главы Онегина, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400). Несколько драматических сцен или маленьких трагедий, именно: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» и «Дон-Жуан». Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все, написал я прозою 5 повестей, от которых Боратынский ржет и бьется...»

Теперь, когда все это было уже написано, он смотрел на плоды своего труда как на товар, собираясь продать повыгод-

нее. Деньги ему нужны были дозарезу: на погашенье старых долгов, на приданое невесте, на женитьбу.

«...Жениться! Легко сказать! Я жертвую независимостью, моей беспечной, прихотливой независимостью, странствованиями, уединением, непостоянством... Я никогда не хлопотал о счастье: я мог обойтись без него. Теперь мне нужно его на двоих, а где мне взять его?..»



Зимний дворец и дворцовая набережная в Петербурге. Рисунок М. Воробьева.

В ПРИДВОРНОМ МУНДИРЕ

...Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
— Чего тебе надобно, старче?
Ей с поклоном старик отвечает:
— Смилуйся, государыня-рыбка,
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою...

Поутру явился придворный лакей с предписанием: «Камер-юнкеру Александру Пушкину быть в 8½ часов в Аничковом дворце, ему — в мундирном фраке, жене — как обыкновенно».

Первая мысль была — не ехать, сказаться больным, как сделал недавно, в день царских именин, чтобы не представляться во дворец с другими камер-юнкерами, все молодыми людьми, среди которых он был смешон со своею седеющей головой. Он терпеть не мог свой придворный мундир, называл его шутовским полосатым кафтаном. Ему было неловко в нем. Всегда что-нибудь оказывалось у него не в порядке: то пуговицы не так пришиты, то являлся он в высоких сапогах, когда все были в башмаках,— и приходилось ехать домой, переодеваться. Он предпочел бы остаться дома.

Но пришлось покориться.

В 9 часов приехали они во дворец.

Он был в новом, необношенном и мешавшем ему камер-юнкерском мундирном фраке, в руках держал треугольную шляпу с плюмажем.

На лестнице Пушкины встретили старую графиню Бобринскую.

— Ага! — сказала она, увидев поэта, и тут же разахалась, заметив его треуголку. Он был опять «не по форме»: надобно было приехать в круглой шляпе. Раздраженный поэт ожидал уже головомойки, если не от самого царя, то от первого встречного камергера. Выручил граф Бобринский, приказав лакеям сыскать для Пушкина шляпу. Ему принесли одну, такую грязную и засаленную помадой, что страшно было взять ее в руки. Но он был рад и такой.

Бал уже начался. Царица была вся в белом, с бирюзовым убором на голове. Царь был в кавалергардском мундире. Как светская дама меняет на каждый выезд свой наряд, так русский царь являлся каждый день в мундире другого полка. Ему нравился этот маскарад, он был доволен собой, молодился и любезничал.

Появление Пушкиных было замечено. Толпа расступалась перед величавой красавицей, восхищенный шопот ее приветствовал. Насмешливые улыбки провожали ее маленького мужа. Немедленно должен был он ее оставить танцорам, наперерыв разбиравшим у нее кадрили и вальсы, и отправился бродить по дворцовым гостиным. Рассеянный, злой, потолкался он среди важных гостей, пряча за спину чужую грязную шляпу, перчатки у него промокли и пожелтели. Наконец, нашел он кого-то, с кем можно было отвести душу, обрадовался, оживился, попробовал шутить, как в молодости.

— Не правда ли,— сказал он, глядя на царя, танцовавшего в первой паре,—в нем много от прапорщика и немного от Петра Великого?

— Милый друг,— сказал ему осторожно собеседник,— здесь не место говорить об этом. Выберем какое-нибудь другое помещение.

Тогда он забился в угол и замолчал на весь вечер. Стоя у стенки, зевал он и потягивался. На придворных балах сидеть не полагалось.

Ничего больше не оставалось ему, как дремать в углу, есть мороженое да смотреть издали, как царь танцовал с его женою.

Наталья Николаевна Пушкина.
С акварельного портрета художника Гау.

Бал кончился в половине второго. Гости поспешно раз'езжались. Закутанная в бархатную шубку, с белым кружевом на голове, Наталья Николаевна стояла у входа, прислонясь к колонне, в ожидании экипажа. Военная блестящая молодежь окружала ее кольцом, рассыпаясь в любезностях. Гвардейский поручик Дантес особенно среди всех отличался.

Пушкин стоял поодаль, не принимая участия в веселом разговоре, зевая, нетерпеливо глядя в дверь.

На крыльце, наконец, закричали:

— Карету Пушкина!

— Какого Пушкина? Графа? — переспросил кто-то.

— Нет, Пушкина-сочинителя,— презрительно отвечал лакей.

Пушкин покраснел, стиснул зубы, быстро взял жену под руку и вышел с ней из дворца, не говоря ни слова.

ВЫЗОВ

Пора, мой друг, пора. Покоя сердце просит.
Идут за днями дни, а каждый день уносит
Частицу бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить. И глядь — как раз умрем.

Утром, 4 ноября по обыкновению лежал он в постели и читал «Слово о полку Игореве», которое собирался печатать со своими замечаниями. Он был не в духе, усталый от бессонных ночей, от балов, на которых больше не веселился, от денежных счетов, где не сходились концы с концами, от неустроенности домашней, от петербургских сплетен, от царских шпионов, которые не оставляли его даже в его кабинете, от царя, который как офицеришка каждый день по нескольку раз проезжал мимо окон его красавицы-жены.

За стеною, в детской, кричали и ссорились дети. В передней шумно вздыхал лавочник, дожидавшийся денег. В гостиной сестра жены, захлебываясь, рассказывала по-французски о вчерашнем бале. Он встал, натянул свой старый, закапанный чернилами халат, пошел затворить поплотнее дверь. Он уже не мог слышать имени Дантеса. Этот пустой выскочка—сын двух отцов и слуга трех правительств,—на балах делавший свою карьеру, равнодушный ко всему, кроме своих светских успехов, по пятам ходил за Наташей, а за ними катилась дурная молва, грязная сплетня, ком становился все больше. На балу, в театре, на улице поэт слышал злорадный шопот и смешки за своей спиной. Он оборачивался — его встречали настороженные, любопытные глаза. Интригой были заняты все придворные, родня, журналисты, сам царь: все ждали, что будет делать Пушкин.

В дверь постучали. Старый дядька принес письмо, доставленное по городской почте, которая только что была введена. Пушкин взял конверт. Он был надписан безграмотной, лакейской рукой, но бумага была отличная. Это был шуточный «почетный диплом», рассылкой каких в ту пору увлекались при венском дворе и образцы которых попали в руки петербургских великосветских сплетников. «Великие кавалеры, командоры и рыцари светлейшего ордена рогоносцев в полном собрании своем, под председательством великого магистра ордена, его превосходительства Нарышкина, единогласно выбрали Александра Пушкина коад'ютором (заместителем) великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена».

Нарышкин был муж известной красавицы, которой слишком много внимания оказывал царь Александр I.

Диплом был продолжением сплетен о Наталье Николаевне и намекал на ее отношения с Дантесом или даже с самим царем.

Он прочел. Губы его задрожали, глаза налились кровью, он был в эту минуту страшен, как его африканский сумасбродный дед.

Взбешенный, обдумывал он свое положение.

В это время к нему зашел приятель и рассказал, что получил на свое имя пакет, в котором оказался другой, адресованный Пушкину...

«Я уже знаю, что это такое,— прервал его поэт,— я уже получил такое же письмо. Это мерзость против жены моей. Вы понимаете, что я не могу обижаться безыменными письмами. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, дело моего слуги вычистить его».— Он говорил с достоинством и спокойно.

Но в течение дня он получил еще несколько экземпляров диплома. Разосланные его друзьям и недругам, вечером они стали известны всему Петербургу. Говорили, что министр народного просвещения много способствовал их размножению. Пушкин не мог показаться на улицу.

На другой день он послал вызов Дантесу.

Дуэль Пушкина. С картины художника Наумова.

ДУЭЛЬ

...Вот пистолеты уж блеснули,
В граненый ствол уходят пули,
Гремит о шомпол молоток,
И щелкнул в первый раз курок...

День был ясный. С моря дул сильный ветер. Морозу было градусов 15. На углу Невского проспекта, в кондитерской Вольфа, невысокий смуглый человек, похожий на африканца, светловолосый и курчавый, в медвежьей шубе, задумчиво глядел в окно. Под'ехали парные сани, вошел офицер, окликнул. Курчавый быстро выпил стакан лимонаду. Они вышли. Сани помчали их по Невскому, по Дворцовой набережной—к Троицкому мосту. В санях, под ногами, лежал ящик с пистолетами.

— Уже не в крепость ли ты везешь меня? — спросил Пушкин шутя, когда они выехали на Неву.

— Нет,— отвечал офицер,— через крепость на Черную речку самая близкая дорога.

На набережной встретили много знакомых. В этот день на островах петербуржцы катались с гор. Было около четырех часов дня — все возвращались с катанья.

— Что вы так поздно?! — прокричал им знакомый конногвардеец.— Все уже оттуда возвращаются.— Он думал, что эти двое тоже собрались кататься.

Внезапно за окном встречной кареты промелькнула перед ними гордая головка первой в Петербурге красавицы. Офицер с волнением обернулся к своему спутнику, но Пушкин смотрел в другую сторону. В карете их не заметили тоже: красавица была близорука.

Когда выехали за город, увидели впереди другие сани — по ветру бился белый султан гвардейского кивера: это был Дантес со своим секундантом.

Переехали по мосту Черную речку. Через полчаса были далеко от людных мест, за Комендантской дачей, за огородами. Остановились и те и другие, оставили сани у дороги, пошли в сторону, в сосновой роще нашли небольшую поляну, защищенную густым кустарником от глаз извозчиков и от ветра. Снег был по колено.

Секунданты принялись расчищать ногами снег, протоптали тропинку шириною в аршин, длиной в двадцать шагов. Дантес помогал им.

Пушкин сел на сугроб и спокойно смотрел на эти приготовления.

Отмерили по пять шагов от краев тропинки, положили шинели барьерами: одну в десяти шагах от другой. Дантес и Пушкин стали на разных концах тропинки друг против друга. Им подали заряженные пистолеты. Один из спутников махнул

шляпой. Пушкин быстро дошел до своего барьера. Дантес ступил четыре шага и выстрелил первый. Пушкин упал на шинель, лицом в снег. Падая, он сказал:

«Я ранен. Кажется, у меня раздроблено бедро». Пистолет выпал у него из рук, в дуло набился снег.

Спутники бросились к нему. Противник тоже. Но раненый вдруг приподнялся.

— Стойте,— сказал он,— у меня еще хватит силы выстрелить.— Он говорил по-французски.

Дантес вернулся на место, стал боком и закрыл рукою грудь. Раненому дали другой пистолет. Опершись левой рукой о землю, он стал прицеливаться. Кровь лилась из его раны. Он целился долго, метил противнику прямо в сердце. Выстрел, наконец, грянул.

Дантес пошатнулся и упал. Пушкин подбросил вверх пистолет, закричал «Браво!», снова упал и потерял сознание.

Очнувшись, он спросил:

— Убил я его?

— Нет, вы его ранили в руку.

— Странно,— сказал он,— я думал, мне будет приятно его убить, но чувствую теперь, что нет... Впрочем, все равно. Как только поправимся, снова начнем...

Он страшно побледнел, он истекал кровью. С трудом довели его до дороги и положили в сани. Ехали шагом, дорога была плохая, сильно трясло. Раненый не говорил ни слова. Перевязав руку носовым платком, противник в санях следовал поодаль один. От'ехав с полверсты, встретили чужую карету. Раненого перенесли в нее и повезли домой.

СМЕРТЬ

Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

Он лежал на своем привычном месте — на диване между книжными полками. Вторую ночь он не мог уснуть ни на минуту. В первую ночь—два или три часа — боль от раны была нестерпима — и он кричал так, что слышно было на дворе. Он велел слуге подать себе ящик с пистолетами: хотел сам прекратить свое мученье. Но один из друзей вынул пистолет у него из-под одеяла — и надо было терпеть до конца.

Днем он был спокойнее, хотя ему не давали покоя: мучили его бесцельно и бесплодно лекарствами, пиявками, промывательным. К ночи снова начался жар.

Доктор Даль, милый сказочник Даль, с которым вместе скакали они по Оренбургским степям записывать казацкие песни и рассказы про Пугачева, сидел теперь всю ночь около смертной постели. В соседней комнате, в креслах, дремали Жуковский, Вяземский — друзья.

— Который час? — спрашивал он поминутно.— Долго ли мне так мучиться? Пожалуйста, поскорее...

— Полно, мы все надеемся, не отчаивайся,— отвечал ему Даль.

— Нет, мне здесь не житье, я умру... да, видно, уж так и надо.

Но, как ребенок, брал друга за руку, держал, не отпуская.

— Дай мне воды,— просил он часто,— дай мне льду.

Сам брал стакан, сам тер себе лоб кусочком льда, приговаривал свое любимое словечко: «Вот и хорошо, очень хорошо...»

Пульс был напряженный, неровный, сердце работало плохо. Он закидывал руки за голову, просил поднять его, повернуть, поправить подушку, и сейчас же, не дав сделать того, что просил, останавливал.

— Ах, какая тоска,— повторял он,— какая тоска! Сердце изнывает.

Оборачивался к двери, спрашивал:

— Кто там у нас?

— Много добрых людей принимают в тебе участие.

— Ну, спасибо... Возьми меня за руку — вот так — теперь хорошо...

Так тосковал он и мучился до утра. Утром позвал жену, успокаивал ее нежно.

Потом долго говорил с Жуковским о делах, о царе, о жене и детях. Устал, сказал, задыхаясь:

— Я думаю, что сегодня умру. По крайней мере, я этого желаю.

В полдень попросил подать ему зеркало, посмотрелся в него и махнул рукой.

Больше не мучили его уже ничем, все знали: ничего нельзя сделать. И он сам чувствовал: идет смерть. Он закрыл глаза и стал ко всему безучастен.

В соседней комнате толпились люди, входили на цыпочках, говорили шопотом. Народу все прибывало. Все ждали.

У него уже стыли руки и ноги, пульс исчез. В два часа он открыл глаза и попросил принести ему моченой морошки: вспомнил любимое с детства лакомство.

— Позовите жену, пусть она меня покормит.

Она подошла и стала на колени перед диваном и давала ему ягоду с ложки. Он съел немножко, погладил жену по голове, проговорил с трудом:

— Ну, ну, ничего, все хорошо.

Снова всех отослал от себя, задремал, все держа за руку Даля. Вдруг сжал эту руку крепко, как в былые дни.

— Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше...

Открыл глаза.

— Мне пригрезилось, что я с тобою лезу вверх по этим книгам и полкам, высоко — и голова закружилась...

Вглядывался пристально, спрашивал:

— Кто это? Ты? Что это я не могу тебя узнать?..

Посмотрел вокруг, никого не узнавая.

— Спустите шторы, я спать хочу.

Все, кто был тогда там, вошли в комнату, стояли у постели, сжав руки, боясь пошевельнуться.

— Подымите меня,— сказал он внятно.

Доктора повернули его на бок, подложили подушку.

Вдруг он раскрыл глаза широко, как будто проснулся, взглянул живо. Лицо его прояснилось.

— Кончена жизнь,— промолвил тихо.

— Что кончено? — переспросил, не дослышав, Даль.

Тень улыбки прошла по лицу умирающего.

— Жизнь кончена, — выговорил он ясно,— тяжело дышать, давит...

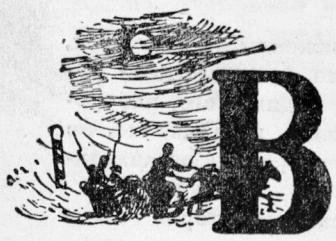
Дышал все медленнее, протяжнее, реже, все тише. Последний вздох был так тих, что его никто не заметил.

— Что он? — спросил через две минуты Жуковский с трепетом.

— Кончилось,— отвечал Даль.

ПОХОРОНЫ

Эй, пошел, ямщик! — Нет мочи,
Коням, барин, тяжело,
Вьюга мне слипает очи,
Все дороги занесло.



В лютую зимнюю пору, 3 февраля, в самую полночь, из Петербурга по Псковской дороге выехали три тройки. Впереди скакал на курьерских жандармский капитан, с ним трое жандармов, позади в почтовой кибитке дремал рядом с почтальоном, закутавшись в мех, важный петербургский чиновник. Посредине, в простой телеге, в соломе, старый дядька-дворовый придерживал обернутый рогожей гроб.

Вдоль дороги, с двух сторон, стояли молча ели да сосны. Бледная луна, как дозорный, бежала в сумрачном небе.

Лошади мчались во весь дух по снежной равнине. Проехали Гатчину, не останавливаясь. На станциях ждали крестьянские подставы, жандармы суетились на почтовых дворах, торопились перепрягать лошадей.

Перед Псковом обогнали еще тройку: камергер из Петербурга вез секретное письмо губернатору:

«...Имею честь сообщить Вашему превосходительству волю государя-императора, чтоб Вы воспретили всякое особенное

из'явление всякую встречу, одним словом, всякую церемонию...»

Мчались днем и ночью, как будто боялись погони.

Под гробом упала лошадь — загнали.

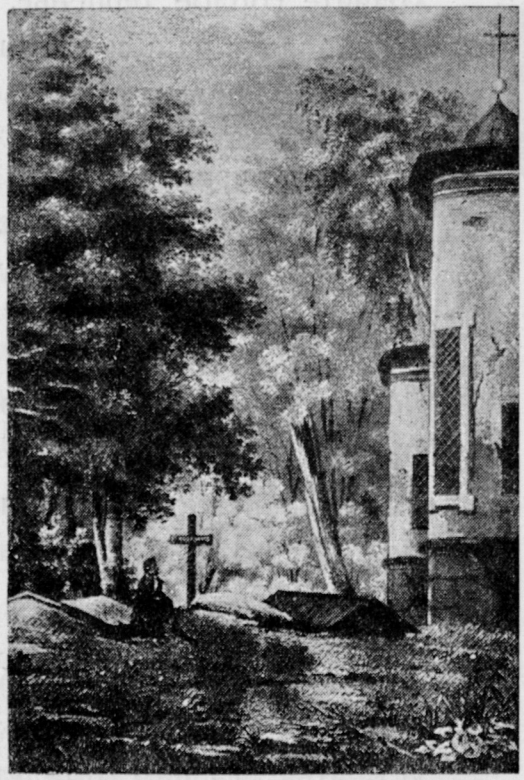
— Что это такое? — спросил на какой-то станции встречный проезжий у мужиков на почтовом дворе.

— А бог его знает — что! Вишь какой-то Пушкин убит — вот его и мчат на почтовых в рогоже да в соломе, прости господи,— как собаку.

В Псков приехали вечером, ночью помчались дальше — в Остров, потом за пятьдесят верст в глушь, в сосновый бор, мимо озер, покрытых снегом, в село Тригорское и дальше в Святогорский монастырь.

Гроб поставили в церковь, согнали окрестных мужиков копать могилу. Всю ночь, до рассвета, рыли песчаную промерзлую землю.

6 февраля, рано утром, вынесли гроб из церкви — те, что рыли могилу, на своих плечах. Жандармы провожали. Старый дядька плакал. Петербургский друг бросил горсть земли в могилу, выронил несколько слез и отправился в обратный путь...



Могила Александра Сергеевича Пушкина в Святогорском монастыре. Литография Иванова по рисунку Клюквина 1837 г.

К Сибири

А. С. Пушкин.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье.
Придет желанная пора,

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Ответ А. И. Одоевского на послание А. С. Пушкина

А. И. Одоевский.

И. И. Пущин.

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

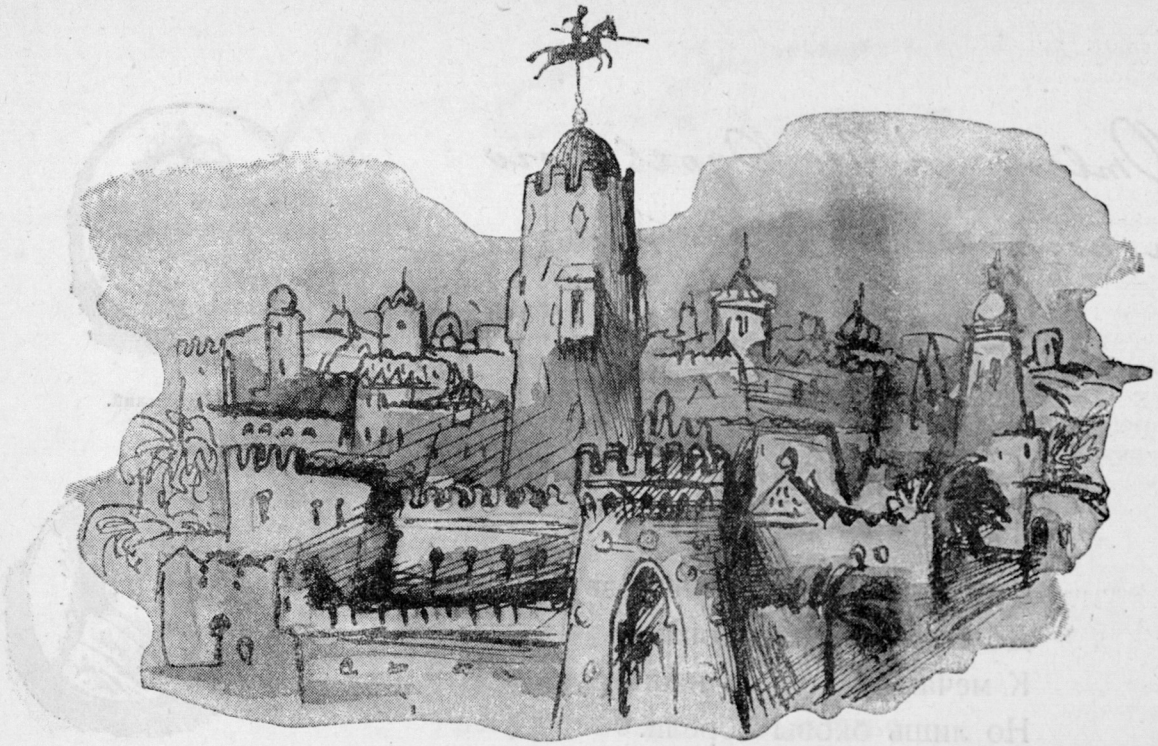
Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя, —
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы
И с нею грянем на царей, —
И радостно вздохнут народы.

Н. А. Бестужев.

С. Г. Волконский.



Легенда об арабском звездочете

Вашингтон Ирвинг

Перевел М. Гершензон *Рисунки Ю. Кискачи*

Американский писатель Вашингтон Ирвинг был современником Пушкина. Пушкин высоко ценил Ирвинга, автора чудесных сказок и легенд. Одну из них, испанскую легенду об арабском звездочете, Пушкин пересказал в одной из своих сказок, в какой, догадаетесь, прочитав эту легенду.

В давние времена, много сотен лет назад, жил мавританский король по имени Абен Хабуз, правивший королевством Гренады. Это был победитель в отставке, иными словами, воин, который дни своей юности провел в непрестанных набегах и грабежах, а теперь, ослабев с годами, жаждал отдыха и мечтал об одном: жить в мире со всем миром и беречь свои лавры.

Случилось, однако, что этому старому монарху, миролюбивому и беззлобному, пришлось иметь дело с юными соперниками, движимыми той же страстью, что владела некогда им, — жаждой славы и ратных подвигов. Молодые государи стремились расквитаться с ним за поражения своих отцов. Иные дальние области собственных его земель, испытавшие его тяжкую руку в дни, когда был он силен, также готовы были теперь поднять мятеж и грозились осадить его столицу. Враги угрожали ему отовсюду; а так как Гренада окружена дикими, скалистыми горами, под прикрытием которых неприятелю легко подойти незамеченным, злосчастный король пребывал в непрестанном страхе.

Напрасно строил он в горах дозорные башни и расставлял стражей у всех проходов, чтобы ночью огнем, а днем дымом подавали они весть о приближении неприятеля. Вопреки всем предосторожностям изворотливый враг прорывался каким-нибудь ущельем, под самым носом у короля, опустошал его земли, а там — с добычей и пленниками — исчезал в горах.

В то время когда все эти беды и тревоги терзали Абен Хабуза, к его двору

явился древний арабский лекарь. Седая борода его ниспадала до пояса, по всей видимости, он был очень стар; однако старик прошел пешком почти весь путь от самого Египта без чьей-либо помощи, с одним только посохом, покрытым иероглифами. Молва бежала перед ним. Звали его Ибрагим Ибн Абу Аджиб; говорили, будто живет он еще со времен Магомета, будто он сын Абу Аджиба, последнего из соратников пророка. Ребенком еще с победоносным войском Амру проследовал он в Египет, где провел много лет среди египетских жрецов, изучая тайны черной книжия и особенно тайны магии. Говорили также, будто он открыл секрет продления жизни, благодаря чему достиг возраста в два столетия слишком; но так как открыл он этот секрет уже в годы старости, то ему удалось сберечь навсегда только свои седины и морщины.

Почтительно беседовал с чудесным старцем король, который, как и всякий престарелый монарх, очень высоко ценил лекарскую науку. Он с радостью отвел бы лекарю покои у себя во дворце, но лекарь предпочел жить в пещере на склоне холма, возвышающегося над Гренадой, того холма, на котором впоследствии построена была Альгамбра. По просьбе старца, пещера была расширена так, что образовался просторный, высокий зал с круглым отверстием в своде; сквозь это отверстие, как из колодца, звездочет мог обозревать небо и наблюдать звезды даже среди дня. Стены этого зала покрыты были египетскими иероглифами, кабалистическими знаками и рисунками созвездий. А самый зал был уставлен всякими приборами, изготовленными, по указаниям звездочета, искуснейшими мастерами Гренады; тайные свойства этих приборов были известны, однако, ему одному.

В скором времени мудрый Ибрагим стал задушевным советчиком короля, и король прибегал к его помощи в каждой своей нужде. Однажды Абен Хабуз сетовал на несправедливость своих соседей и с грустью рассказывал о недреманной бдительности, с которой приходится ему следить за врагами, чтобы уберечься от их вторжений.

Когда король окончил, звездочет помедлил немного, потом ответил:

— О король! Когда я был в Египте, видал я там великое чудо, измышленное древней языческой жрицей. На горе, над городом Борса, над широкой долиной Нила, воздвигнута была фигура барана, а под нею — фигура петуха, обе из литой меди, и вращались они на стержне. Если стране угрожало нашествие врага, баран обращался лицом к неприятелю, а петух принимался кричать — и жители города знали, что опасность близка, знали, с какой стороны ждать набега, и вовремя готовились к обороне от врага.

— Велик аллах! — воскликнул мирный Абен Хабуз.— Какое счастье — иметь барана, стерегущего окрестные горы, и петуха, кричащего в минуту опасности. Аллах, аллах Акбар! Как покойно мог бы я спать у себя во дворце, если б на его макушке были такие сторожа!

Звездочет подождал, пока восторг короля улегся, и продолжал:

— После того как победоносный Амру (да покоится прах его в мире!) завершил покорение Египта, я остался среди древних жрецов этой страны, изучая обряды и церемонии идолопоклонников, в надежде овладеть тайным знанием, которым славятся они. Однажды сидел я на берегу Нила, беседуя с древним жрецом, и вдруг указал он мне на огромные пирамиды, подобно горам, возвышающимся над пустыней... «Все то, чему можем мы научить тебя,— сказал он,— ничто по сравнению с мудростью, схороненной в этих громадах. В глубине средней из пирамид есть погребальная комната, где заперта мумия верховного жреца, который помогал в сооружении этого великого могильника; вместе с ним погребена чудесная книга знания, содержащая все тайны магии и искусства. Эта книга дана была Адаму после грехопадения и переходила из поколения в поколение, до самого царя Соломона Мудрого; с помощью этой книги построил он иерусалимский храм. Как досталась книга строителю пирамид, об этом знает один только всеведущий аллах».

Когда услыхал я эти слова египетского жреца, в сердце моем загорелось желание овладеть чудесной книгой. Я воспользовался услугами солдат нашей победоносной армии и помощью нескольких безумцев-египтян; я принялся с ними за работу и пробивал массивную глыбу пирамиды, пока с великим трудом не проник в один из ее внутренних, сокровенных проходов. Этот проход привел меня к страшному лабиринту; я углубился в лабиринт и добрался до самого сердца пирамиды, до погребальной комнаты, где

долгие века пролежала мумия верховного жреца. Я взломал наружные футляры мумии, развернул ее пелены и бесконечные ленты, в которые она была укутана, и, в конце концов, нашел у нее на груди драгоценную книгу. Дрожащей рукой я схватил ее и кинулся прочь из пирамиды, бросив мумию в ее темном безмолвном склепе.

— Сын Абу Аджиба! — воскликнул Абен Хабуз.— Ты был великим странником и видел дивные вещи; но к чему мне она, эта тайна пирамиды, и вся премудрость царя Соломона?

— Слушай, о король! Изучая эту книгу, я познал искусство магии; в моей власти вызвать духов, которые помогут свершению моих планов. Мне ведома тайна талисмана Борсы, и я могу сделать этот талисман талисманом величайшей силы.

— О мудрый сын Абу Аджиба!—вскричал Абен Хабуз.— Такой талисман лучше всех дозорных башен в горах и стражей у границ. Дай мне такую охрану, и все сокровища моей казны в твоей воле.

Звездочет тотчас же принялся за дело, чтобы исполнить желание своего властелина. Он велел воздвигнуть высокую башню на крыше королевского дворца. Башня сложена была из камней, привезенных из Египта, и говорят, будто камни эти взяты были в одной из пирамид. В верхней части башни был круглый зал с окнами на все стороны света, а перед каждым окном стоял стол, на котором, как на шахматной доске, расставлены были конные и пешие воины, выточенные из дерева, а также деревянные фигурки предводителей. При каждом столе было маленькое, не больше шильца копье, и на нем выгравированы были халдейские буквы. Этот зал всегда был закрыт медными воротами с большим стальным замком, ключ от которого хранился у короля. На макушке башни укрепленная на оси стояла бронзовая фигура мавританского всадника со щитом в одной руке и поднятым копьем в другой. Всадник был обращен лицом к городу, словно стоял на страже; но лишь только у границы покажется враг — всадник повернется в ту сторону, откуда грозит опасность, и опустит копье, как бы готовясь к бою.

Когда талисман был готов, Абен Хабуз горел нетерпением испытать его силу; он мечтал теперь о вторжении врагов так же пылко, как прежде вздыхал о покое. Вскоре желание его сбылось. Как-то ранним утром часовой, наряженный следить за башней, донес, что лицо бронзового всадника обратилось к горам Эльвира и копье его направлено прямо на ущелье Лопе.

— Пусть барабаны и трубы призовут войска к оружию и вся Гренада будет настороже! — сказал Абен Хабуз.

— О король,— ответствовал звездочет,— незачем тревожить твой город, незачем призывать к оружию воинов; нам не надобно войска, чтобы избавить тебя от врагов. Отпусти свою свиту и подымемся вдвоем в заповедный зал твоей башни.

Престарелый Абен Хабуз взошел по лестнице наверх, опираясь на руку еще более престарелого Ибрагима Ибн Абу Аджиба. Они отперли медную дверь и вошли. Окно, глядящее на ущелье Лопе, было отворено.

— С этой стороны грозит опасность,— сказал звездочет.— Подойди ближе, о король, и ты увидишь чудо на этом столе.

Король Абен Хабуз приблизился к столу, похожему на шахматную доску, где расставлены были маленькие деревянные фигурки, и вдруг, к своему изумлению, увидел, что все они движутся. Кони прыгали и вставали на дыбы, воины потрясали доспехами, слышались тихие звуки барабанов и труб, звон оружия и ржание коней; но все это было не громче, не явственней чем гуденье пчелы или мухи, которое сквозь дрему доносится до слуха спящего в полуденной тени.

— Смотри, о король,— сказал звездочет,— вот доказательство, что враги твои сейчас еще не покинули поля брани. Они приближаются через те вон горы, ущельем Лопе. Если хочешь привести их в смятение и обратить в бегство, никого не губя, поражай эти фигуры древком волшебного копья; а хочешь резни и кровопролития, бей их острым концом.

Багровая тень пробежала по лицу мирного Абен Хабуза; дрожа от радостного волнения, схватил он крошечное копье и заковылял к столу; седая борода его развевалась.

— Сын Абу Аджиба,— воскликнул он,— пожалуй, мы прольем немного крови!

С этими словами он поразил волшебным копьем несколько фигурок, а по другим ударил древком, и первые мертвыми упали на доску, а остальные смешались в кучу в беспорядочной, братоубийственной схватке. Не без труда удержал звездочет

— *Сын Абу Аджиба,—воскликнул король,—пожалуй, мы прольем немного крови!*

руку миролюбивейшего из монархов и не дал ему полностью уничтожить всех его врагов; но, в конце концов, он убедил короля покинуть башню и выслать разведчиков в горы ущелья Лопе.

Они воротились с донесением, что христианское войско проникло в самое сердце Сиерры и было уже вблизи Гренады, когда раздоры вспыхнули среди его отрядов; они обратили оружие друг против друга и после кровавой схватки отступили через границу.

Абен Хабуз был сам не свой от восторга, когда убедился в чудодейственной силе талисмана.

— Наконец-то,— сказал он,— я смогу жить покойно: все враги мои будут в моей власти. О мудрый сын Абу Аджиба, чем наградить мне тебя за это счастье?

— Желания старца и мудреца просты и немногочисленны, о король! Помоги мне только превратить мою пещеру в достойную обитель — и больше мне ничего не нужно.

— Как благородна умеренность истинных мудрецов! — воскликнул Абен Хабуз, в глубине души обрадованный тем, как дешево будет ему стоить награда. Он позвал своего казначея и распорядился, чтобы тот предоставил Ибрагиму все, что потребуется для устройства обители.

Тогда звездочет приказал высечь комнаты в крепкой скале, чтобы ряды покоев окружали его астрологический зал; он велел обставить эти покои роскошными оттоманками и диванами, а стены увешать драгоценными дамасскими шелками.

— Я старик,— говорил он,— и жестко моим дряхлым костям на каменном ложе; сыростью веет от непокрытых стен.

Он велел устроить ванны и снабдить его благовониями и ароматными маслами всякого рода.

— Омовение, — говорил он,— необходимо в старости, чтобы размягчить оцепенелые члены и вернуть свежесть и гибкость телу, изможденному размышлением.

В его покоях повешены были бесчисленные серебряные и хрустальные светильники, наполненные душистым маслом, которое изготовил он по рецептам, найденным в могильниках Египта. Масло горело, не сгорая, и разливало нежное сияние, подобно умеренному свету дня.

— Солнечный свет, — говорил он, — слишком резок и ярок для глаз старого человека, и сияние светильников больше подходит для занятий мудреца.

Казначей Абен Хабуза стонал: так велики были суммы, потребные на устройство обители,— он обратился с жалобой к королю.

— Нужно иметь терпение,— сказал Абен Хабуз.— Все имеет конец — кончится и работа по устройству его обители.

Прав был король: в конце концов обитель была готова — великолепный подземный дворец.

— Теперь я доволен,— сказал Ибрагим Ибн Абу Аджиб казначею,— я запрусь в моей келье и отдам все мое время размышлению. Больше ничего мне не нужно — ничего, кроме небольшого развлечения для отдыха после умственного труда.

— О мудрый Ибрагим, проси, чего тебе надо, я готов доставить все, нужное тебе в твоем уединении.

— Мне хотелось бы только несколько танцовщиц,— ответил мудрец.

— Танцовщиц? — повторил в изумлении казначей.

— Танцовщиц!—серьезно ответил звездочет.— Мне не нужно много, потому что я старый человек и мудрец, мои привычки просты и желания скромны. Пусть будут они все же юны и приятны для глаз, ибо созерцание юности и красоты освежает в старости.

Пока звездочет Ибрагим Ибн Абу Аджиб так мудро проводил время в своей обители, миролюбивый Абен Хабуз продолжал у себя в башне вести яростные битвы с фигурками. Для человека преклонного возраста, с тихим нравом, замечательным делом было вести столь легкую войну, развлекаться у себя в комнате, сметая целые армии, как стаи докучных мух.

Некоторое время увлекался он этим в милосердии своей души и даже искушал и обижал своих соседей, чтобы побудить их вторгнуться в его пределы; но постепенно соседи устали от вечных поражений, и никто уже больше не отваживался выступать против него. Много месяцев бронзовый всадник неподвижно стоял над мирной страной с копьем, вознесенным к небу, и добрый старый государь стал уже тосковать по привычной своей утехе и сетовать на докучную тишину.

Но вдруг однажды вещий всадник повернулся и, опустив копье, твердо уставился им на горы Гуадикса. Абен Хабуз поспешил в свою башню, но волшебный

стол в той стороне не оживлен был ничьим движением; ни один воин не шевельнулся. Озадаченный этим, король послал конный отряд, чтобы обрыскать горы и произвести разведку. Всадники воротились после трехдневной отлучки.

— Мы обшарили все горные перевалы,— сказали они,— но нигде не мелькнуло ни пики, ни шлема. Все, что нашли мы,— это христианская дева невиданной красы; она спала в полуденный час у ручья, и мы захватили ее в плен.

— Дева невиданной красы? — воскликнул Абен Хабуз, и глаза его загорелись волнением.— Пусть предстанет она пред мои очи.

Прекрасную деву привели, как велено было, пред его очи. Она одета была со всей роскошью, принятой среди испанцев в пору арабского завоевания. Жемчуга ослепительной белизны вплетены были в ее косы, черные, как воронье крыло; драгоценные камни искрились у нее на лбу, соперничая с сиянием ее глаз. Через плечо у нее висела золотая цепь, а к цепи привешена была серебряная лира.

Взгляды черных ее лучезарных глаз, как искры огня, пали на увядшее, но все еще пылкое сердце Абен Хабуза.

— Прекраснейшая женщина, — вскричал он,— кто ты и как тебя звать?

— Я дочь одного из испанских государей, который недавно еще владел этой страной. Войска моего отца какой-то волшебной силой уничтожены были в горах; отец мой проводит свои дни в изгнании, а дочь его взята в плен.

— Берегись, о король,— прошептал Ибрагим Ибн Абу Аджиб,— может статься, это одна из тех северных колдуний, что принимают обольстительный вид, дабы искушать легковерных. Сдается мне, я вижу волшебные чары в ее глазах и колдовство в каждом ее движении. Конечно, она и есть тот враг, приход которого возвестил талисман.

— Сын Абу Аджиба,— ответствовал король,— ты мудрый человек и маг, насколько я знаю; но ты мало смыслишь в поведении женщин. В этом деле я никому не доверюсь, будь то хоть сам Соломон Мудрый, имевший тысячу жен. Никакой беды не принесет эта дева; она прекрасна и радует мой глаз.

— Послушай, о король,— ответил звездочет.— Я подарил тебе много побед при помощи моего талисмана, но ни единого разу не участвовал в разделе добычи. Отдай мне эту пленницу, чтобы она утешала меня в моем одиночестве своей серебряной лирой. Если это и впрямь колдунья, у меня найдутся чары, которые поспорят с ее волшебством.

— Как,— вскричал Абен Хабуз,— мало у тебя танцовщиц, чтобы услаждать твой отдых!

— Танцовщицы есть у меня, это правда, но у меня ведь нет певиц. А мне хотелось бы немного музыки, которая освежала бы мой ум, когда он устанет от ученых трудов.

— Будет с тебя, ненасытный отшельник! — нетерпеливо сказал король.— Эту деву я оставлю себе.

Дальнейшие уговоры и настояния звездочета вызвали еще более резкий ответ Абен Хабуза, и расстались они в сердцах. Мудрец заперся у себя в обители, чтобы предаться своему гневу; однако перед уходом он еще раз предупредил короля, чтобы тот остерегался своей опасной пленницы. Но видано ли, чтобы влюбленный старик внимал советам? Абен Хабуз бозоглядно отдался своей страсти. Единственное, о чем он помышлял,— как бы стать привлекательным в глазах испанской красавицы. Молодостью, правда, не мог он ослепить ее, зато у него было богатство. Лучшие шелка, драгоценности, самоцветные камни, тончайшие благовония — все, что привозят дорогого, редкого из Азии и Африки,— все расточалось в угоду принцессе. Для ее развлечения устраивались всевозможные зрелища: состязания певцов и пляски, турниры и бои быков. Непрерывным хороводом потянулись в Гренаде празднества. Испанская принцесса смотрела на все это великолепие как человек, привыкший к роскоши. Она принимала все как должное, приличествующее ее сану или, вернее, ее красоте. При всем своем рвении, при всей своей щедрости влюбленный старец не мог тронуть ее сердца. Правда, она никогда не глядела на него хмуро, но зато ни разу и не улыбнулась ему. Стоило ему заговорить о своей страсти, она ударяла по струнам лиры. В этих звуках была таинственная сила: король мгновенно впадал в забытье, дрема охватывала его, и малопомалу он погружался в сон. Между тем вся Гренада потешалась над ним, как над одержимым, и роптала, видя, как он расточает свою казну.

В конце концов, над головой Абен Хабуза грянула гроза, никак не возвещенная талисманом. Возмущение вспыхнуло в самой столице; дворец короля окружен был вооруженной толпой, которая угрожала жизни Абен Хабуза и жизни его чаровницы. Искра былого воинственного духа зажглась в груди короля. Во главе горсти своих телохранителей он сделал вылазку, обратил мятежников в бегство и подавил восстание в самом зародыше.

Когда спокойствие было водворено, он призвал к себе звездочета и обратился к нему со словами примирения.

— О мудрый сын Абу Аджиба,— сказал он,— справедливо предсказал ты, что эта пленная красавица принесет мне беды. Ты, издали зрящий опасность, научи меня, как мне избегнуть этих бед.

— Расстанься с пленной девой, причиной всех несчастий.

— Я готов скорее расстаться с моим королевством! — вскричал Абен Хабуз.

— Боюсь, что тебе придется расстаться и с королевством и с девой,— ответил астролог.

— Не будь так жесток и резок, о мудрейший из мудрых; внемли печали короля и влюбленного, укажи, как защититься от бед, которые мне угрожают. Мне не нужно величия, мне не нужно власти, я мыслю об одном лишь покое; все, что мне нужно, — это тихое убежище, куда я бы скрылся от мира, от всех его забот и треволнений, чтобы остаток дней моих посвятить отдыху и любви.

Звездочет поглядел на него из-под густых своих бровей:

— А что дашь ты мне, если я укажу тебе такое убежище?

— Выбирай себе сам награду, и какова бы она ни была, если это в моей власти, я дам тебе ее, клянусь душой.

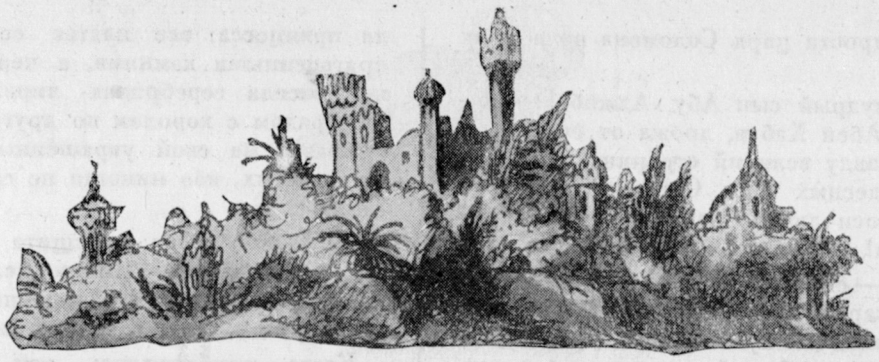
— Слыхал ли ты, король, о саде Ирема, одном из чудес счастливой Аравии?

Я видал и дворец и сад собственными глазами. Вот послушай, что было со мной, ибо это имеет отношение к тому, о чем ты просишь.

В юности моей, когда я был простым арабом пустыни, я присматривал за верблюдами моего отца. Во время перехода через Аденскую пустыню один из них отбился от нашей стоянки и пропал. Я искал его несколько дней, но тщетно, пока, утомленный и слабый, не лег как-то в полдень и не уснул под пальмой у скудного источника. Проснувшись, я очутился у ворот города. Я вошел и увидел красивые улицы, площади и рынки; но всюду царила тишина, ни живой души не было в этом городе. Я бродил там, пока не дошел до пышного дворца с садом, с фонтанами и прудами, аллеями и цветниками, с фруктовыми деревьями, отягченными дивными плодами; но и тут не было видно ни души. Удрученный этим запустением, я поспешил прочь и, выйдя из ворот города, обернулся, чтобы взглянуть на это место, но все исчезло с глаз — одна только безмолвная пустыня расстилалась предо мной.

Вскоре повстречался мне престарелый дервиш, знающий предания и тайны этой страны; я рассказал ему, что приключилось со мной. «Это,— поведал он мне,— славный сад Ирема, одно из великих чудес пустыни. Он является от поры до времени какому-нибудь путнику вроде тебя, радуя его глаз своими башнями и дворцами, деревьями, гнущимися под тяжестью плодов, а потом исчезает, и ничего не остается на его месте кроме голой пустыни. И вот история этого сада. В давние времена король Шеддад, сын Адда, основал здесь великолепный город. Когда город был выстроен и увидел король Шеддад величие его, сердце его исполнилось гордыни и строптивости, и решил он возвести королевский дворец с такими садами, которые затмили бы небесный рай, описанный в коране. За эти дерзкие помыслы и постигла его небесная кара: сам он и его подданные сметены были с лица земли, а прекрасный город, дворец и сады зачарованы были вечным заклятием, которое скрывает их от человеческих глаз; только изредка становятся они зримы, как вечное напоминание о прегрешении короля Шеддада».

Этот рассказ, о король, и чудеса, которые довелось мне увидеть, навсегда запали мне в душу; и позже, когда я был в Египте и овладел книгой мудрости царя Соломона, я решил возвратиться туда и вновь посетить сад Ирема. Я сделал это, и сад открылся моему искушенному оку. Я завладел дворцами Шеддада и провел несколько дней в его земном раю. Духи, стерегущие это место, послушны были моим чарам и открыли мне заклятия, сделавшие этот сад незримым. Такой дворец и такой сад могу я создать для тебя, о король, хотя бы здесь, на горе над городом. Разве не ведомы мне все заклятия? Разве



Рядом с королем на белом скакуне ехала принцесса.

книга мудрости царя Соломона не в моих руках?

— О мудрый сын Абу Аджиба! — воскликнул Абен Хабуз, дрожа от счастья,— ты и вправду великий странник и знаешь много чудесных тайн. Сотвори мне такой рай и проси любую награду, хоть полкоролевства!

— Ох,— сказал звездочет,— ты знаешь, я старый человек, скромный мудрец, многого мне не нужно; если хочешь наградить меня, обещай мне в награду первое животное, которое войдет в волшебные двери дворца,— первое животное с его ношей.

Король охотно согласился удовлетворить такую скромную просьбу, и звездочет принялся за дело. На вершине холма, прямо над подземной обителью, он велел возвести большие ворота, открывающие проход под висячей башней. Перед этими воротами воздвигнута была высокая арка, а под аркой — портал с массивными дверями. На камне, замыкающем свод портала, звездочет собственноручно начертал изображение большого ключа; а на камне, замыкающем свод арки, высоко над порталом, он высек гигантскую руку. Это были могущественные талисманы, над которыми прочитал он много заклятий на неведомом языке.

Когда вход этот был готов, мудрец на два дня заперся в своем астрологическом зале, верша таинственные чары. На третий день взошел он на холм и весь день провел на его вершине. Поздно вечером спустился он вниз и предстал перед Абен Хабузом.

— Наконец, о король,— молвил он,— мой труд окончен. Там есть пышные залы и галлереи, чудесные сады, прохладные источники и бассейны, полные благовоний. Одним словом, вся гора обращена в рай. Подобно саду Ирема, она заворожена могучими чарами, которые скроют ее от глаз и от поисков смертных.

— Отлично! — с радостью вскричал Абен Хабуз.— Завтра, с первым светом дня, мы подымемся туда и поселимся в этом раю.

Счастливый государь мало спал этой ночью. Едва заиграли лучи солнца на снежной вершине Сиерры Невады, сел он на коня и в сопровождении немногих избранных телохранителей стал подыматься по крутой и узкой тропе, ведущей на холм. Рядом с ним на белом скакуне ехала принцесса; все платье ее искрилось драгоценными камнями, а через плечо у нее висела серебряная лира. Звездочет шел рядом с королем по другую сторону, опираясь на свой украшенный иероглифами посох, ибо никогда не садился он в седло.

— Такова тайна и защита убежища,— сказал звездочет.— Ничего нельзя узреть, пока не пройдешь зачарованные ворота и не вступишь во владение этим местом.

Когда приблизились они к воротам, звездочет остановился и указал королю на тайные знаки — руку и ключ,— высеченные на портале и арке.

— Это,— сказал он,— талисманы, охраняющие вход в этот рай. Доколе эта рука не опустится и не возьмется за ключ, никакие волшебные чары не одолеют хозяина этой горы.

Пока, разинув рот, в безмолвном изумлении глядел Абен Хабуз на эти чудесные талисманы, конь принцессы прошел вперед и пронес ее в глубину портала.

— Смотри,— крикнул звездочет,— вот обещанная мне награда: первое животное, которое войдет в волшебные двери дворца, первое животное с его ношей!

Абен Хабуз усмехнулся, приняв это за шутку, но, когда понял он, что звездочет не шутит, седая борода его затряслась от возмущения.

— Сын Абу Аджиба,— сказал он строго,— что это за насмешка? Тебе известно, что обещано было в награду. Возьми самого сильного мула, какого найдешь в моих конюшнях, навьючь его лучшими драгоценностями моих сокровищниц,— и все это будет твоим. Но и в мыслях не смей посягнуть на нее, на радость моего сердца!

— А к чему мне богатства? — презрительно вскричал звездочет.— Разве нет у меня книги мудрости царя Соломона, разве не подвластны мне все сокровенные клады земли? Принцесса принадлежит мне по праву; твое королевское слово было дано; и теперь я требую обещанной награды.

Принцесса со своего коня бросила на них надменный взгляд, и легкая улыбка скользнула по розовым ее устам, при виде того, как два седобородых старца оспаривают друг у друга обладание юностью и красотой. Гнев короля взял верх над его сдержанностью.

На великолепном диване сидел звездочет, в полудреме кивая головой под звуки серебряной лиры.

— Жалкий сын пустыни! — вскричал он.— Тебе подвластны многие чары, но господин твой — я, и не смеешь ты шутить над своим королем!

— Мой господин,— усмехнулся звездочет,— мой король! Уж не думаешь ли ты, монарх кротовой кучи, что подвластен тебе тот, кто владеет талисманами царя Соломона? Прощай, Абен Хабуз; властвуй в своем королевстве, будь счастлив в раю дураков; а я,— я буду смеяться над тобой в моей подземной обители.

Молвив так, схватил он скакуна под уздцы, ударил своим посохом о земь и вместе с испанской принцессой исчез в недрах земли. Земля затворилась за ними, и ни следа не осталось на этом месте.

Абен Хабуз долго стоял, оцепенев от изумления. Придя в себя, повелел он тысяче рабочих кирками и лопатами рыть землю там, где скрылся звездочет. Они рыли и рыли, но тщетно: кремнистая грудь холма сопротивлялась их усилиям; а если сколько-нибудь проникали они в глубину, земля заполняла яму быстрей, чем они выгребали ее. Абен Хабуз искал входа в пещеру у подножия холма, но и этот вход исчез. Там, где прежде был вход, теперь простиралась незыблемая гладь скалы.

После того как скрылся Ибрагим Ибн Абу Аджиб, исчезла и сила его талисмана. Бронзовый всадник оставался неподвижен, с лицом, обращенным к холму, с копьем, направленным на то место, где земля поглотила звездочета,— точно там и сейчас таился злейший враг Абен Хабуза.

От поры до времени звуки музыки и отголоски женского голоса доносились — чуть слышимы — из недр холма, и однажды крестьянка принесла королю весть, что минувшей ночью нашла она расселину в скале, проползла по ней и заглянула в подземный зал, где сидел звездочет на великолепном диване, в полудреме кивая головой под звуки серебряной лиры, на которой играла принцесса, завораживая его своими чудесными чарами.

Абен Хабуз искал расселины, но она затворилась снова. Он опять сделал попытку дорыться до своего соперника, но все было напрасно. Волшебная сила руки и ключа была слишком велика, чтобы мог с нею спорить смертный. А вершина горы, где должны были быть и дворец и сад, оставалась нагой и пустынной: то ли волшебные чары скрыли от глаз пресловутый рай, то ли рай этот был только вымыслом звездочета.

Вдобавок ко всем горестям Абен Хабуза соседи, которых прежде дразнил он, подзадоривал и громил в часы досуга, совершали теперь набеги на его земли со всех концов, так что миролюбивейший из монархов доживал свой век в непрестанных тревогах.

В конце концов, Абен Хабуз умер и был похоронен. С тех пор прошли века. На холме, видавшем столько удивительных событий, построена была Альгамбра — и в известной мере воплотились в ней сказочные красоты сада Ирема. Зачарованные ворота и по сей день стоят, охраняемые, надо думать, таинственной рукой и ключом. Это главный вход в крепость, носящий ныне название «Врата справедливости». Говорят, что под этими вратами и поныне живет в подземном зале старый звездочет — сидит на диване и дремлет, зачарованный серебряной лирой принцессы.

Старики-инвалиды, несущие стражу у «Врат справедливости», слышат порой в летние ночи ее пение и, послушные усыпляющей силе этих звуков, мирно дремлют на своих постах. И впрямь, дремотные чары так властны в этом месте, что даже те, кто несет караул среди дня, дремлют обычно на каменных скамьях портала или спят в тени соседних деревьев, так что поистине это самый сонный военный пост на свете. Древние легенды говорят, что сон этот будет длиться из века в век. Принцесса попрежнему будет томиться в плену у звездочета, а звездочет, убаюканный волшебными чарами принцессы, будет дремать в забытье до последнего дня, пока таинственная рука не возьмется за роковой ключ и не спадут заклятия с завороженной горы.

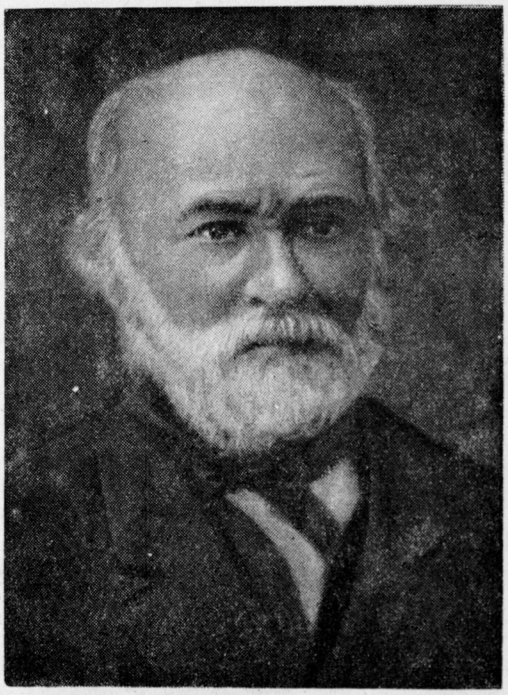
□ □ □

Убийца Пушкина

Сукин сын Дантес!
Великосветский шкода.
Мы б его спросили:
— А ваши кто родители?
Чем вы занимались
до 17-го года?—
Только этого Дантеса бы и видели.

В. Маяковский

(Юбилейное)



Знаменитый врач и ученый Николай Иванович Пирогов, основоположник русской хирургии.

Инженеры человеческого тела

Д-р О. П. Червонский,
старший врач московской станции скорой помощи

Пришлось разобрать забор, чтобы сани могли под'ехать к тому месту, где лежал раненый Пушкин. Данзас с помощью д'Аршиака и извозчиков бережно усадил его в сани и, приказав извозчику ехать тихо, сам пошел рядом.

Это происходило 27 января 1837 года, в пятом часу вечера, у Черной речки, на окраине Петербурга.

Было 15 градусов мороза. Дул сильный ветер. С полкилометра ехали по очень скверной дороге. Сани сильно трясло, но Пушкин страдал не жалуясь. У комендантской дачи его пересадили в карету и повезли дальше. Раненый чувствовал сильную тошноту и жгучую боль в животе, говорил прерывистым голосом, просил пить. Несколько раз останавливались, потому что тряска была невыносима, и Пушкин то и дело терял сознание.

К шести часам вечера его привезли, наконец, домой, внесли в кабинет, раздели и уложили на диван. В нижней части живота была видна небольшая черная ранка. Пуля вошла в тело и не вышла.

Телефонов тогда не было, и Данзас на лошади отправился за доктором. Никого из знаменитых в то время хирургов: ни Арендта, ни Саломона, ни Персона—он не застал дома. Оставив им записки, он поехал в Воспитательный дом, где надеялся найти хоть какого-нибудь врача. У ворот Воспитательного дома он встретил доктора Шольца. Но Шольц был акушер. Он только пообещал поскорее привезти к Пушкину другого доктора.

Только к семи часам на рану Пушкина была наложена первая повязка.

Пушкин прожил еще около двух суток после дуэли. Он очень сильно страдал. Лечивший его царский хирург Арендт с без-

жалостной откровенностью об'явил ему о том, что положение его безнадежно. Это была жестокость не только ненужная, но и вредная: всякий врач обязан знать, что нельзя отнимать у больного жизненную энергию и бодрость, которые ему так необходимы для борьбы с болезнью.

29 января, в 2 часа дня, больной впал в забытье. Но вскоре очнулся, попросил поднять его повыше и повернуть на правый бок. Потом широко открыл глаза и сказал:

— Кончена жизнь... Тяжело дышать, давит...

Это были его последние слова.

В 2 часа 45 минут Пушкин скончался.

Можно ли было вылечить Пушкина?

С тех пор прошло 100 лет. За это время медицина, и особенно хирургия, сделала гигантские успехи. Мы производим такие операции, какие и не снились врачам—современникам Пушкина. Что было бы, если бы нам, с нашими знаниями, пришлось лечить Пушкина?

Пушкин умер (так показало вскрытие его тела) не от самой раны, но от воспаления брюшины.

Никакие важные для жизни органы не были задеты, даже кишечник не был пробит.

А что, если бы сразу после ранения ему смазали рану иодом и наложили обеззараженную, стерильную, как говорят, повязку.

Может быть, этого воспаления и не случилось бы.

А как его лечили? Ему дали касторку, которая вызывает усиленную работу сокращения кишечника.

Потом касторки показалось мало: Пушкина стали мучить «промывательными», как называли в то время клизму.

А при всяком ранении в живот требуется прежде всего полный покой.

Врачи знают даже много случаев, когда раненые в живот, оставшиеся неподобранными на поле сражения, выздоравливали только потому, что несколько дней не ели, не пили и лежали неподвижно.

Но, может быть, вернее всего можно было спасти Пушкина немедленной операцией? Не такой, какие делались тогда, а настоящей, современной операцией.

Операции, которые убивали

В то время операции в животе делались чрезвычайно редко и почти всегда кончались смертельно. Хирурги боялись таких операций. И даже через десять лет после смерти Пушкина гениальный русский хирург Пирогов писал так: «Ни один защитник шва, верно, не полезет в брюхо зашивать кишечные раны». Страх перед вскрытием живота был настолько велик, что, например, при завороте кишок заставляли больного пить целыми кувшинами металлическую ртуть, чтобы она своей тяжестью расправила кишечник: только бы не оперировать!

Почему же хирурги так боялись брюшных операций, и почему больные от них умирали?

Потому, что хирургия того времени не располагала еще двумя мощными средствами, благодаря которым операции сейчас почти безопасны.

Средства эти — обезболивание и антисептика.

Что такое обезболивание, само собой, понятно. Это способ сделать операцию так, чтобы больной не чувствовал боли.

Но во времена Пушкина операции делались без всякого обезболивания. В книгах по истории военно-полевой хирургии можно видеть картинку: солдат стоит на одной ноге, прислонившись к забору, а другую ногу ему отпиливают. Только исключительно крепкие люди могли выдерживать такие операции. Очень многие погибали от так

называемого болевого шока — остановки сердца вследствие сильной боли. Умирали или после операции или в самый момент ее. Вот как описан один из таких случаев у Пирогова:

«...Оперированный страшно мучился, кричал и рвался так, что едва можно было прижимать бедренную артерию. Во время отпиливания кости вдруг крик перестал, лицо страшно побледнело, глаза выпятились из орбит, зрачки расширились, все тело окоченело, и смерть непосредственно последовала за этими явлениями».

Хирурги понимали, конечно, что так работать нельзя. Нужно было что-то придумать для уменьшения болей. Пробовали даже водку. Напаивали больного до потери сознания и оперировали.

Но вот в 1848 году, во время кавказской войны, знаменитый Пирогов, первый во всем мире, стал применять эфир для усыпления раненых. Вскоре был открыт и хлороформ.

А теперь врачи уже знают так много обезболивающих средств, что боль, можно сказать, совершенно изгнана из наших операционных. Все можно сделать больному безболезненно!

Если нужно усыпить больного, можно применить хлороформ, эфир, хлорэтил, хлорал-гидрат, гедонал и много других средств.

Если усыплять не нужно, можно сделать местное обезболивание. Для этого стоит только впрыснуть в самое место операции какое-нибудь обезболивающее вещество. Чаще всего впрыскивают новокаин.

А если впрыснуть обезболивающее средство в канал спинного мозга, откуда выходят главные корешки чувствительных нервов, тогда целая половина тела, а иногда и все тело сразу теряет болевую чувствительность. Человека можно резать, сколько угодно, он в полном сознании, он разговаривает, он может пить чай, а боли никакой не чувствует.

Благодаря этому великому завоеванию современной хирургии случаи болевого шока при операциях теперь уже никогда не встречаются. А во времена Пушкина они были правилом.

Невидимые убийцы

Так вот представим себе, что какой-нибудь очень сильный и здоровый человек тридцатых годов прошлого столетия благополучно перенес серьезную операцию и сердце у него не остановилось от боли. Его сняли с операционного стола, перенесли в палату и уложили на койку. Иногда больных клали на койку, только что освободившуюся после другого, например больного рожей. Тогда не знали, что так делать нельзя.

И вот к вечеру у счастливца, перенесшего операцию, начинается озноб, жар, на другой день при перевязке видна уже зловещая краснота вокруг операционной раны, а еще через день—два он умирает от общего заражения крови.

Перенести столько ужасных страданий от хирурга, незнакомого с обезболиванием, только для того, чтобы погибнуть по милости того же хирурга, незнакомого с обеззараживанием, с антисептикой!

Никто еще не знал тогда, что хирургические инструменты, перевязочный материал, белье, матрацы, койки, одежда и руки врачей — все это кишит миллиардами крошечных невидимых убийц — гноеродных микробов.

Даже у гениального Пирогова, который чутьем понял, что надо отделять гнойных и рожистых больных в особые палаты, — даже у него сколько людей погибало от заражения крови! Пирогов сам в своей «Военно-полевой хирургии» приводит такие цифры: после операции вылущения плеча умирало 65 из 100 больных, после ампутации бедра 94 из 100, а после вычленения бедра не выживал почти никто.

«Если я оглянусь на кладбище, — говорит Пирогов,—где схоронены зараженные в госпиталях, то не знаю, чему больше удивляться: настойчивости ли хирургов, занимающихся еще изобретением новых операций, или доверию, которым продолжают пользоваться госпитали у правительства и общества».

Только в 1867 году знаменитый английский хирург Листер стал делать то, что теперь делают все врачи: при операциях и перевязках он стал пользоваться карболовой кислотой, убивающей микробов.

Открытие антисептики (то есть обеззараживания) произвело целый переворот в хирургической науке. Хирурги, наконец, поняли, что страшна часто не самая рана, а ее заражение.

После этого хирургия стала развиваться прямо со сказочной быстротой. В каждом номере врачебных журналов писали о новых смелых операциях, о спасениях безнадежных больных. На помощь антисептике пришла асептика. Недостаточно бороться с заражением ран: нужно предупреждать заражение! Антисептические средства хотя и убивают микробов, но они отравляют и ткани тела, задерживая тем самым заживление ран. Асептика учит обеззараживать заранее все, что соприкасается с раной: кипятить инструменты, стерилизовать белье, бинты, халаты, руки хирурга и его помощников.

Лучи Рентгена

Но как узнать, что за болезнь гнездится во внутренних органах человека? Нужно ли его оперировать? Есть ли в мозгу опухоль или нет? Где застряла шальная пуля? Поражено ли легкое туберкулезом? Нет ли в желудке язвы?

На все эти вопросы ответит чудесный, зеленоватый луч Рентгена, делающий человеческое тело прозрачным как стекло. Рентгеновские лучи свободно проходят через мягкие ткани, но ткани более плотные отражают их. Скелет, камни в почках, застрявшая пуля видны на рентгеновском экране как нарисованные.

Ну а как быть, если надо посмотреть, что делается в органах сплошь мягких, например в желудке? Это тоже просто. Нужно только наполнить желудок какой-нибудь массой, не пропускающей рентгеновских лучей. Накормить, скажем, человека кашей, смешанной с висмутом. Такая каша расстилается по стенкам желудка, и их контуры делаются видимыми.

Но гораздо труднее найти опухоль в мозгу. Это — очень тяжелое заболевание, вызывающее иногда у человека полную слепоту. Черепная коробка плотна и лучей не пропускает, а внутри все мягко и прозрачно. Как же тут воспользоваться рентгеновскими лучами?

Теперь уже и эта задача разрешена. И это — одно из самых последних и замечательных завоеваний науки.

У человека в мозгу есть маленькие полости. Их называют желудочками.

Так вот, если надо узнать, есть ли в мозгу опухоль, желудочки с помощью иглы наполняются так называемой контрастной, не пропускающей рентгеновских лучей жидкостью. И тогда стенки желудочка становятся под лучами Рентгена видимыми, так же как стали видимыми контуры желудка после того, как человек поел каши с висмутом. Теперь врач смотрит, изменилась ли форма желудочков и как изменилась. По этому он может уже судить, есть ли в мозгу опухоль и где она.

Замечательные операции

Нож в руках современного хирурга бесстрашно прокладывает себе путь в глубину брюшной полости, в толстые стены черепного мозга, к раненому, окровавленному, замирающему сердцу.

Какому хирургу пушкинских времен пришло бы в голову зашивать сердце? Еще не так давно эта операция считалась большой редкостью. А теперь почти каждая большая больница имеет в своем почетном архиве такие случаи.

Больной бледен, руки и ноги холодны как лед. Лицо покрыто липким потом, пульс быстро слабеет.

Нельзя терять ни минуты!

Эфирная маска ложится на лицо. Больной неподвижен: он усыплен.

Смелым ударом ножа оператор выкраи-

вает на груди четырехугольный лоскут. Ребра и грудинная кость рассекаются костными ножницами. Дверь к сердцу открыта... Но где же сердце? Его не видно. Оно утонуло в крови. Рука хирурга смело погружается в кровавый прибой, захватывает сердце и вытаскивает наружу. Вот оно лежит на руке, живое, трепетное, истекающее кровью. А вот и рана на нем. Скорее зажать ее пальцем.

Давайте шолк!..

. . . . . .

Рана зашита, кровь и сгустки удалены, «дверь» в грудную клетку наглухо закрыта, повязка наложена.

Но как бледен больной! Пульс еле прощупывается. Потеряно слишком много крови. Но в наше время это не страшно: под рукою всегда есть свежая или консервированная кровь. Больному немедленно делается переливание крови. И все резко меняется. На глазах врача щеки больного с каждой минутой все розовеют. А через неделю— другую этот, спасенный от верной смерти человек так же здоров, как был до ранения.

Долгое время хирургия в царской России отставала от иностранной. Больницы были бедны, скудно оборудованы. Хирургические инструменты выписывались из-за границы. Русские ученые, даже такие, как гениальный Пирогов, работали в очень тяжелых условиях. Средства на науку царское правительство отпускало по грошам, как милостыню. И все же русские хирурги изобретали новые операции, разрабатывали научные вопросы, устраивали с'езды.

А сейчас никакое правительство не заботится о науке так, как советское правительство. И советская хирургия — одна из первых в мире. Наши больницы по оборудованию не уступают лучшим больницам мира.

Появилось много институтов, где разрабатываются самые важные научные вопросы.

В Институте переливания крови делаются всевозможные опыты с кровью. Там всегда есть запас свежей крови для снабжения больниц, родильных домов и т. д.

В Институте ортопедии и протезирования занимаются штопкой, шитьем и кройкой человеческого тела. Здесь можно приобрести новый нос из реберного хряща, заделать дыру в черепе, починить губу, ухо, челюсть, получить искусственные зубы, ногу, руку, глаз.

У института неотложной помощи им. Склифасовского полный гараж автомашин. В несколько минут они доставляют пострадавших от несчастных случаев и внезапно заболевших. Здесь день и ночь дежурят врачи всех специальностей.

Теперь представим себе, что в институт им. Склифасовского доставлен больной с огнестрельной раной живота. Он привезен каретой скорой помощи через 10 минут после ранения. Первая повязка уже наложена. Впрыснут морфий, чтобы предупредить болевой шок. В то время как раненого раздевают, моют и готовят к операции, дежурный хирург и его помощники моют руки, надевают стерильные халаты, шапочки и марлевые маски на рот и нос. Сестра кипятит инструменты и шолк. Если пуля застряла в теле, тут же делается рентгеновское просвечивание. В тот момент, когда все приготовления окончены, больной уже тихо спит на операционном столе. Он весь скутан стерильными простынями и салфетками. Открыт только небольшой участок живота, густо смазанный иодом.

Вскрывается брюшная полость. Все раненые органы зашиваются, пуля удаляется. Брюшная полость промывается теплым солевым раствором. Операционная рана зашивается наглухо.

Вся операция в среднем отнимает 30— 40 минут. За это время больному успевают уже влить свежую кровь в вену руки.

Больной просыпается в палате, в чистой постели. На животе у него пузырь со льдом — он не чувствует боли, только просит пить.

Через немного дней этот больной встанет с постели.

Были ли подобные случаи?

Вот два примера.

19 декабря 1936 года в институт им. Склифасовского был доставлен школьник 16 лет, раненый в грудь пулей (несчастный случай). Рентгеновское просвечивание показало, что пуля прошла из груди в брюшную полость и застряла у позвоночника.

Усыпили раненого. Вскрыли ему живот по середине во всю длину. В брюшной полости оказалось много крови — больше литра. Кровь лилась из разорванной селезенки. Когда ее удалили, кровотечение прекратилось. Стали смотреть дальше по ходу пули. Обнаружили дыру в диафрагме (мышечной перегородке между грудью и животом). Дыру зашили. Пошли дальше. Левая доля печени оказалась простреленной насквозь. Оба отверстия: входное и выходное — зашили. Живот закрыли наглухо. Наружное отвер-

стие на груди тоже зашили. Сделали вливание крови в вену руки.

25 декабря, когда я кончаю этот очерк, опасность уже миновала: больной выздоравливает.

Вот другой случай.

20 сентября 1936 года доктор П. А. Карташов на заседании Ивановского хурургического общества показывал больную, которой он полтора месяца назад зашил раненое сердце.

Он зашил на живом, продолжавшем биться сердце глубокую рану около 2 сантиметров длиной. Больная осталась жить, потому что врач не потерял ни одной минуты. Больную привезли в больницу через 30 минут после ранения, а еще через 15 минут она уже лежала на операционном столе.

Высокая техника современной хирургии позволяет без риска оперировать почти каждого больного с огнестрельным ранением. Смерть больного после искусной и своевременной операции — самое редкое исключение.

Враги хирургии

Работа хирурга трудна и опасна. Она требует глубокого знания анатомии, величайшей точности и быстроты при операциях. Малейшая ошибка, минутное опоздание, лишний миллиметр разреза грозят роковыми последствиями больному.

Острый глаз, верная рука и пристальное внимание нужны не только хирургу, но и людям других профессий. Нужны они, например, часовщику и художнику, рисующему миниатюры. Но когда работает часовщик или художник, их «операционное поле» не затопляется кровью. Медлительность для них не вредна, а иной раз и полезна. Ошибки в работе всегда можно исправить, а в крайнем случае пропадут часы или картинка.

Работа над живым человеком—совсем иное дело, потому что нет в мире более ценной вещи чем здоровье и жизнь человека.

Есть в человеческом организме такие места, куда и сейчас ножу хирурга проникнуть очень трудно. Операции в таких местах всегда очень опасны для больного. Опаснее и труднее всего операции в мозгу и в легких.

Вот над хирургией мозга и легких сейчас главным образом и работает хирургическая мысль.

Другой важный вопрос, стоящий перед нынешней хирургией, — это борьба с величайшим бичом человечества — злокачественными опухолями (раком, саркомой и др.). Точная причина злокачественных опухолей до сих пор еще не известна. В каком-нибудь месте тела неожиданно начинается быстрое и безудержное размножение клеточек тела — кожных, соединительно-тканных, железистых или каких-либо других. Эти клеточки растут, множатся, распадаются и снова растут, образуя большую опухоль. Нет никаких преград для роста этой опухоли. Она прорастает в мышцы, кости, мозг, кровеносные сосуды и все разрушает на своем пути. По кровеносным сосудам и лимфатическим путям эти страшные клеточки разносятся по телу, и в других местах начинают расти новые опухоли. Они отнимают все питательные соки организма. Человек быстро худеет, слабеет и, в конце концов, умирает.

Единственное средство спасения при злокачественной опухоли — операция. Операция как можно раньше, пока опухоль не успела вырасти и размножиться. Но даже и после операции нельзя быть уверенным в том, что какой-нибудь кусочек страшной опухоли не остался и она не вырастет снова или не появится в другом месте.

Хирурги всего мира сейчас бьются над тем, чтобы найти верное средство борьбы с злокачественными опухолями. Нужно думать, что такое средство удастся найти. Сейчас, для того чтобы добить остатки вырезанной опухоли, применяют лучи Рентгена и лучи радия, разрушающие больные клетки.

Современный хирург умеет сделать многое. Люди с такой раной, какая была нанесена 100 лет назад Пушкину, сейчас уже обычно не умирают. А завтра хирурги смогут сделать еще больше.

Приключение на границе

Повесть Р. Фраермана *Рисунки В. Цельмера*

I

Ти Суеви был только младшим сыном шкипера Суеви, но и младшим сыном можно гордиться, если он ходит в школу, рисует тушью на фанере и стальным пером пишет на бумаге все, что он хочет сказать другим.

Одно было плохо: в школу приходилось ходить далеко, через Фазанью падь, мимо мыса Трех братьев, в колхоз Большой Тазгоу.

От деревни, где жил Ти Суеви, туда вели две дороги: верхняя и нижняя.

Если Ти Суеви хотелось поесть вареных ракушек, которые так вкусно умела готовить его мать, он шел по нижней дороге, по берегу океана. Если же ему хотелось видеть друзей, то он шел по верхней, через тайгу, мимо колонии прокаженных и пограничной заставы.

Но какую бы дорогу Ти Суеви ни выбрал, он всегда шел по ней редким шагом не торопясь и не отдыхая, как ходят люди, привыкшие к долгому пути,—охотники и красноармейцы.

А между тем Ти Суеви был только мальчиком, сыном рыбака, и как все корейские дети носил штаны из небеленой ткани, перевязанные у щиколотки черной ленточкой.

В то утро шел дождь. Ти Суеви почувствовал это еще спросонья по запаху дыма, через трубу вгоняемого обратно в фанзу.

Ти Суеви открыл глаза и поднял голову с подушки, набитой мякиной. Под котлом горел огонь. В котле кипела вода. Мать просеивала муку для пампушек. Она делала это каждое утро с тех пор, как отец Ти Суеви стал шкипером на шаланде номер три.

Как ни мало лет было Ти Суеви, но все же он знал, что муку просеивают те, у кого ее много.

Поэтому несмотря на дождь, стучавший в дверь фанзы, Ти Суеви проснулся с легким сердцем, вполне довольный тем, что ему предстоит: во-первых, хорошо поесть, во-вторых, пройти семь километров до колхоза Большой Тазгоу.

Ти Суеви встал и вышел из фанзы. Перед ним, почти у самого порога, лежало море. Ни одна шаланда еще не вернулась с ночного лова: нигде не видно было парусов. Вода легко плескалась в океане.

И Ти Суеви подумал:

«Будет хороший день».

Он вернулся в фанзу и сел на теплые нары, на кан.

Мать поставила перед ним чашку с рисом и рыбой и положила палочки для еды.

— По какой дороге пойдешь ты сегодня?—спросила она.—Если пойдешь по нижней, то надень новые ботинки: там много острых камней. А если пойдешь по верхней, не надевай: там грязь и глина у Фазаньей пади.

Ти Суеви прожил на свете уже двенадцать лет, но никогда не мог понять этих странных существ, которые называются женщинами.

Если им жалко ног, то не надо жалеть ботинок. А если им жалко ботинок, то не надо бояться острых камней.

Поэтому Ти Суеви ничего не ответил матери.

Зато он с'ел все, что ему дали, и попросил еще. Затем сунул в сумку с книгами две пампушки, кусок сахару и потуже затянул на щиколотках черные ленточки от штанов. Соломенные же туфли его и без того сидели на ногах крепко.

Ти Суеви вышел из фанзы.

На море все еще не видно было парусов. Но дождь уже стих. И теперь слышно было шипенье отлива, слышно было, как журчала вода, стекая с плоских камней.

Ти Суеви обогнул фанзу и пошел по мокрому песку против ветра.

Ти Суеви не был любопытен, но считал, что если перо, оброненное птицей, красиво, то стоит нагнуться, чтобы его поднять, стоит даже ради этого пройти лишний километр.

Поэтому Ти Суеви, прежде чем выйти на дорогу, отправился к тому месту, где вот уж третье утро подряд меж двух небольших камней, у самой границы прибоя, он находил утиное яйцо.

На этот раз яйца там не было.

Это огорчило Ти Суеви. Яйца, которые он находил, были красивые, большие и зеленоватые, как спинка морского окуня.

Ти Суеви постоял в раздумье над камнями, даже попробовал приподнять один из них. И под камнем ничего не оказалось.

Тогда Ти Суеви решил, что если он не нашел тут утиного яйца, то нашла его, наверное, русская девочка Натка—дочь шкипера Миронова, с которой Ти Суеви никогда не враждовал.

Он оглянулся на фанзы, стоявшие в ряд на берегу. Еще было рано. Еще не кричали свиньи в загородках. Еще не открывались двери фанз, чтобы пропустить внутрь, к очагу, хоть немного ветра.

И нигде не было видно Натки.

Теперь уже Ти Суеви не было никакого смысла идти по берегу океана.

Что мог он найти там, на берегу? Несколько устриц, забравшихся слишком далеко на отмель, или стеклянный поплавок, оторвавшийся от рыбацких сетей. Или, наконец, немного белой пены, заброшенной приливом на камни.

Правда, из этой пены Ти Суеви мог, как из мыльной воды, выдувать большие лазоревые шары, красиво блестевшие на солнце. Но ведь это не больше, как пузыри, лопающиеся от одного лишь дыхания.

И Ти Суеви решил пойти по верхней дороге.

Он оглянулся еще раз на море, на фанзы, на русский дом шкипера Миронова, где жила Натка, и стал подниматься по тропинке на лесистую сопку.

Он шел меж кустов по ползучим травам, цеплявшимся за каждый его шаг.

И когда поднялся наверх, было уже настоящее утро. Ветер внезапно уснул. Наступила тишина. И Ти Суеви показалось, будто слышно стало, как шагает туман по кустам, как шуршит он, как трясет листьями.

А внизу, под ногами Ти Суеви, точно груда углей курился после дождя океан.

II

Ти Суеви вошел в тайгу. Он спустился в Фазанью падь и снова поднялся на другую сопку, где лес был сумрачней и ели так же широки, как кедры.

На ветвях их висели капли дождя и не падали вниз.

Ти Суеви шел не торопясь и, чтобы не было скучно в пути, громко бранил толстые корни, улегшиеся посреди дороги, или свистом отвечал на свист проносившихся белок, или кидал мягкие шишки в траву, где с зари до полудня паслись и хлопали крыльями ушастые фазаны.

Ти Суеви никогда не скучал на этой дороге, хотя никого не встречал на ней, кроме прокаженных из колонии. Они иногда украдкой, таясь от врача, собирали в лесу малину. Их Ти Суеви обходил.

Но зная, как не любят они людей, показывающих перед ними свой страх, Ти Суеви обходил их недалеко.

Иногда он даже останавливался и смотрел им вслед. И случалось, что прокаженный старик, всегда стоявший у ворот колонии, видя мальчика, смело идущего по дороге мимо, улыбался ему раздутыми от проказы губами.

И Ти Суеви издали кивал старику головой.

Однако каждый раз, приближаясь к этому месту, Ти Суеви испытывал страх.

Мог же и ветер, пробегавший по деревьям, принести с собой проказу.

Но ветра не было.

И среди молчания леса подавала свой голос только вода, бегущая по дну оврага.

Вдруг Ти Суеви прислушался. Сквозь ровный шум ручья почудился ему звук приближающихся шагов.

Он прислонился к тонкому дереву. Это была молодая ольха, закачавшаяся под его тяжестью. Несколько капель, висевших на ее листьях, упало вниз, на затылок Ти Суеви. От внезапного холода он присел на корточки. Это дало ему возможность скрыться в высокой траве и увидеть спускавшихся с косогора на дорогу людей.

Их было двое: женщина, по-корейски одетая в белую одежду, и мальчик.

Они вышли на дорогу и огляделись вокруг.

Ти Суеви смотрел на них с изумлением.

Женщину он узнал. То была старая Лихибон, жившая в Тазгоу одиноко. Но мальчика никогда не видел Ти Суеви ни в своей, ни в чужой деревне. На нем была китайская курма, разорванная во многих местах.

Лицо его было темно от пота, ноги покрыты тиной; грязь и тина виднелись даже на его висках. Он шел, должно быть, по болоту.

Мальчик был мал ростом, не выше самого Ти Суеви.

Но странно, когда Ти Суеви смотрел на его сухие ноги,—мальчик казался ему стариком, когда же смотрел на затылок, — мужчиной.

— Кто это?

Ти Суеви поднялся на ноги.

Снова тонкая ольха закачалась под его рукой, и на слабый шум ее листьев тотчас же обернулся мальчик.

Ти Суеви увидел его глаза и отступил перед их взглядом. То был взгляд маленькой гадюки.

— Не подходи! — крикнула Ти Суеви женщина.

— Разве он безумный? — громко спросил Ти Суеви.

— Проходи, проходи! — снова крикнула Лихибон. — Он прокаженный.

Но Ти Суеви не тронулся с места.

Мальчик шагнул к нему, размахивая длинными рукавами курмы. И в руке его—или это только показалось Ти Суеви—блеснуло железо.

Лихибон схватила его за плечо.

— Отойди! — сказала она Ти Суеви в третий раз. — Разве ты не видишь, что ветер дует в твою сторону?

Ти Суеви снял свою шапку и заглянул в нее.

— Здесь, — сказал он старухе, — во всей тайге, найдется не больше ветра чем в моей шапке.

Тогда старуха начала браниться.

— Ты умрешь от проказы, — сказала она Ти Суеви, — и мать твоя будет бояться тебя.

— Мать моя никого не боится,—сказал Ти Суеви.

А мальчик все время молчал.

— Ты умрешь за свое упрямство,—повторила старуха, — и мать никогда не возьмет тебя ни за плечо, ни за руку.

Ти Суеви рассмеялся и надел шапку. И старуха с мальчиком двинулись дальше, часто оглядываясь назад.

А Ти Суеви шел за ними следом. Он не бранил теперь толстых корней, улегшихся на лесной дороге, не свистел белкам, не кидал шишек в траву, где цвели уже голубые ирисы. Не напрасно ли растут они в этом глухом лесу?

Но Ти Суеви не думал об этом. Другое занимало его: ему хотелось узнать, кто был этот безумный мальчик, который готов был убить его, не проронив при этом ни слова.

Так прошли они еще полкилометра, пока впереди, между черных стволов даурских елей, не засветился вдруг белый забор.

Глубокий овраг, наполненный громом воды и шумом серебристых ясеней, отделял его от дороги.

И над этим громом и шумом царил еще какой-то странный звук, отдаленно похожий на человеческий голос.

За оврагом начиналось то место, которое Ти Суеви, как все здешние рыбаки, называл по-якутски домом «ленивой смерти».

Проказа — «ленивая смерть»! Ждешь ее долго, сгниешь весь, а она не приходит!

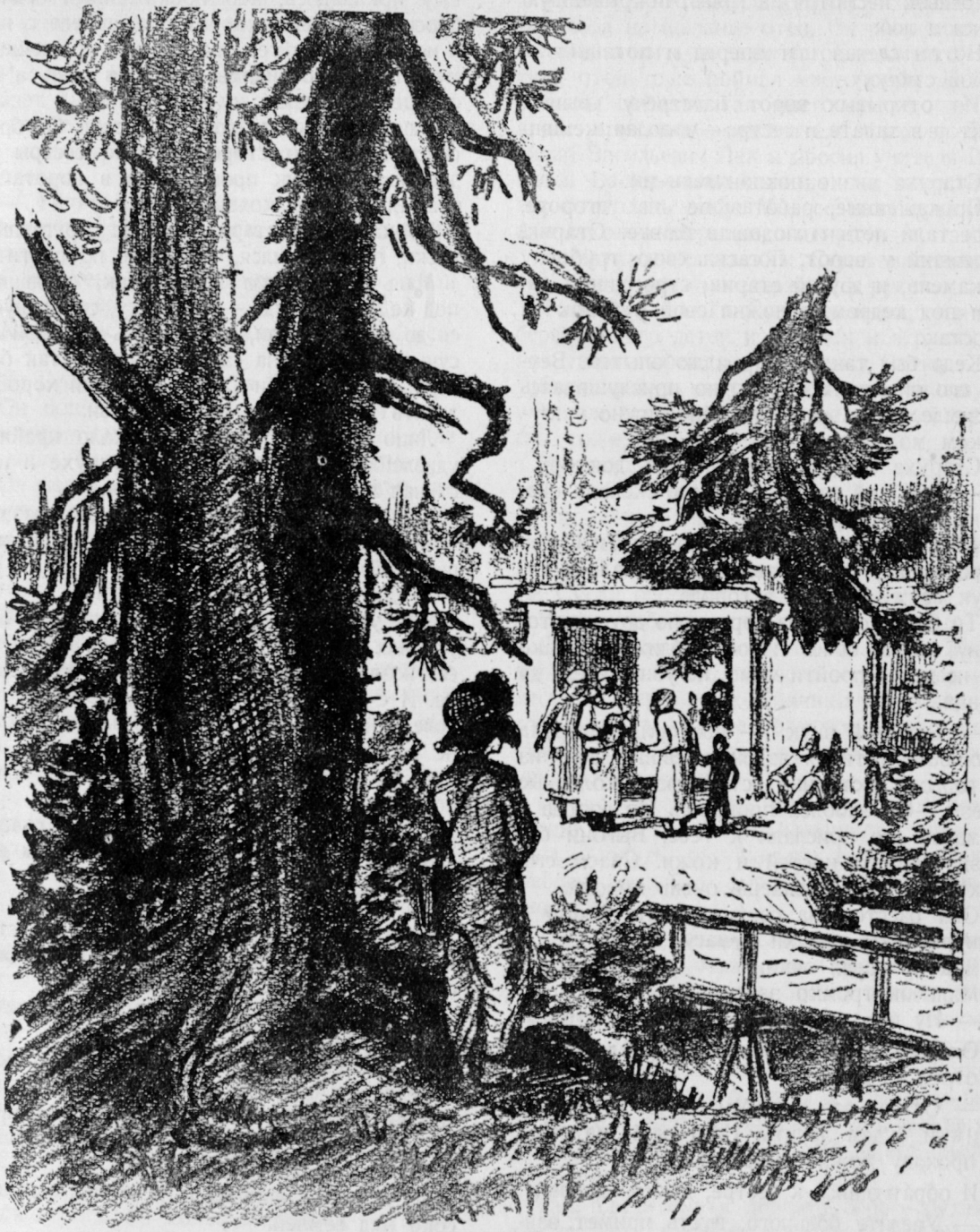
Как много страшных рассказов слышал о ней Ти Суеви!

Он мало верил им.

Он часто ходил по этой дороге и видел, что даже знакомый старик, в чьих костях уже много лет прочно сидела болезнь, не ждал ее — этой «ленивой смерти». Лицо его было неподвижно, и веки уж никогда не смыкались, но все же он очень охотно грелся на солнце у ворот и курил медную трубочку, сжимая ее, как пойманную птицу, в своих изуродованных ладонях.

Не ждали ее, должно быть, и другие больные: дома их были светлы, крыты волнистым железом, и у порогов, посыпанных морским песком, росли высокие цветы — те самые голубые ирисы и мак.

А поближе к дороге, направо, тянулись огороды — длинные грядки, засаженные



— *Это мой внук... Спасите его, доктор.*

японским редисом, где с утра до вечера прокаженные тяпками уничтожали лесные и сорные травы.

При этом они пели.

И Ти Суеви знал, что они любят труд не меньше, чем любит его даже отец Ти Суеви, слывший лучшим шкипером от Малого до Большого Тазгоу.

Они пели. Но из глоток их, пораженных проказой, вместо песни вырывался только свист.

Вот это-то пение услышали старуха и мальчик, идя над оврагом, и слышали сейчас, стоя на мосту, у ворот колонии.

Старуха, трясясь от страха, попятилась назад. Задрожал и мальчик, и лицо его ста-

по белым, несмотря на грязь, покрывавшую щеки и лоб.

Но он сделал шаг вперед и потащил за собой старуху.

Из открытых ворот навстречу вышел доктор в халате и сестра—молодая женщина.

Старуха низко поклонилась им.

Прокаженные, работавшие на огороде, перестали петь и подошли ближе. Старик, сидевший у ворот, погасил свою трубочку о камень, и другой старик, строгавший доски под кедром, положил свой рубанок на верстак.

Кедр был также стар и любопытен. Ветви его висели низко, точно прислушиваясь к земле, а сам он стоял неподвижно в глубоком молчании.

Старуха еще раз поклонилась доктору.

— Это мой внук, — громко сказала она, показав на мальчика.

«Так вот кто это», — подумал Ти Суеви и вспомнил, что вправду он слышал, будто внук ее жил где-то в городе.

Ти Суеви стоял на дороге, по другую сторону моста, боясь подойти ближе. Однако он не хотел пройти мимо, не узнав всего до конца.

— Это мой внук, — повторила старуха Лихибон, вытирая ладонью свои глаза, из которых постоянно струились холодные слезы.—Он заболел проказой. Из города с бумагой его прислали к тебе. Выгони болезнь из его костей и кожи. Спаси его, доктор! Ты это делаешь очень хорошо.

Она расстегнула свою грязную кофту и вынула из-за пазухи бумагу.

Доктор надел очки.

Мальчик громко заплакал.

— Ну что ж, старая,—сказал доктор.

Он уже прочел бумагу, повертел ее, посмотрел на печать.

— Оставь его тут. Мы сейчас его осмотрим и будем лечить. Не горюй, мальчик, и проказу можно вылечить.

И обратившись к сестре, доктор добавил:

— Уведите больного, пусть примет ванну, и дайте ему поесть, он грязен и, наверное, голоден.

Сестра поманила мальчика пальцем.

— Пойдем за мной,—сказала она.

Но мальчик остался на месте.

— Пойдем за мной, — повторила сестра и протянула к нему руку.

Мальчик вдруг закричал и отскочил в сторону, оглянувшись назад.

Ти Суеви отбежал и спрятался за кустом. Ему показалось, что прокаженный сейчас бросится прочь от ворот, собьет его с ног и исчезнет в тайге, как те злые крошечные мухи-гнус, что видимы только в тени, а на солнце пропадают.

Однако мальчик этого не сделал. Он бросился в другую сторону. Мимо сестры и доктора мальчик прошмыгнул в ворота и вбежал во двор колонии.

Прокаженный старик, прежде стругавший доски, посторонился, чтобы его пропустить.

Мальчик вскочил на верстак, стоявший под кедром, оттуда — на ветку, свесившуюся до самой земли, и, цепляясь одеждой за сучья, забрался на самую вершину так быстро, что даже Ти Суеви, умевший хорошо лазать по деревьям, был удивлен.

Лицо доктора также выражало крайнее удивление. Он повернулся к старухе и постучал пальцем по своей голове.

Старуха снова вытерла ладонями глаза и помолчала, словно ее холодные слезы мешали ей говорить.

— Да, — сказала она, наконец, — ты всегда угадаешь правду. Он безумный. Его укусила белка, когда он доставал орехи из ее гнезда, мы жили тогда на кедровой сопке. И с тех пор тьма поселилась в его голове. Он не слезает с деревьев. Он никому не позволяет притронуться к себе, ни от кого не принимает ни воды, ни хлеба, только от меня.

— Значит, у него две болезни, — сказал доктор. — Но как же тогда мы будем его лечить?

— Ты доктор, — сказала старуха, — ты должен знать, как это сделать, а я стара, я ничего не знаю. Но я буду приходить сюда и приносить ему рис и мясо.

Старуха подняла голову и крикнула вверх по-корейски:

— Слезь! Это я говорю тебе, Лихибон.

Ветви на вершине кедра закачались, посыпались вниз остья прошлогодней хвои, и Ти Суеви, не спускавший глаз с дерева, снова увидел мальчика.

Он поднялся еще выше и теперь был высоко над землей.

А внизу, у подножья кедра, окружив его со всех сторон, стояла толпа прокаженных.

Их львиные лица, покрытые буграми, были обращены вверх. Они кричали, но голоса их были так сиплы, что Ти Суеви ничего не разобрал. Он слышал только, как старик, выколачивавший свою трубочку о камень, сказал:

— Я видел это много раз. Никто по сво-

ей охоте не ступит на порог дома, где живет «ленивая смерть». Он лучше разобьется о землю.

И верно. Казалось, что мальчик вот-вот упадет с высокого кедра на доски и тогда не потребуется для него драгоценного масла шольмогры[1], которым доктор лечил от проказы.

— Уйдите все! — сказал доктор. — Он сам спустится вниз, когда никого не будет вокруг.

Прокаженные разошлись и снова взяли тяпки в руки.

А мальчик остался один на вершине кедра.

Ти Суеви тоже не стал более ждать.

Он пошел дальше, по дороге в Тазгоу, как ходил по ней обычно, не торопясь и не отдыхая, потому что было уже поздно.

Он мог бы еще заглянуть на заставу, где у него были друзья — молодой красноармеец Сизов и медвежонок Личик.

Но Ти Суеви не стал этого делать. Дорога за мысом Находка была трудная: чернозем и глина,—а Ти Суеви был в соломенных туфлях, скользких как змеи.

Ти Суеви обогнул пограничную заставу и свернул налево, где начинался дубовый кустарник. Он рос на камнях, болел от туманов, и листья на нем всегда были сухие, багровые, но так крепко сидели на своих длинных черенках, что ни ветер, дувший с океана днем, ни ветер, дувший ночью с суши, не мог их сорвать.

III

Как ни старался Ти Суеви придти вовремя, все же опоздал бы в школу, если бы в то утро колхоз Малый Тазгоу и колхоз Большой Тазгоу не поймали так много рыбы.

Еще вверху, на дороге, Ти Суеви видел, как входили в бухту кавасаки и шаланды спускали паруса.

Едва Ти Суеви успел сойти вниз по тропинке на берег, как увидел Натку. Она шла в башмаках по соленым лужам, и море шипело у самых ее ног.

Она подошла к Ти Суеви и смеясь сказала ему:

— Здравствуй!

Ти Суеви был очень удивлен: как успела она придти раньше его в Тазгоу?

— Разве ты ночевала здесь? — спросил он.

— Нет, — ответила Натка, — меня привез сюда на шаланде отец. Он рано кончил сегодня ловить и поймал очень много. И твой отец тоже поймал много рыбы. И все бригады поймали так много иваси, что в класс приходил председатель колхоза Василий Васильевич Пак и просил учителя Василия Васильевича хоть на час отпустить нас отцеплять рыбу. Мы все тоже просили. А в школе теперь никого нет.

И Натка показала Ти Суеви маленькую скамеечку, которую держала в руках.

Только тогда Ти Суеви заметил, что на берегу много детей и женщин и в руках у них такие же скамеечки, как у Натки.

Он взглянул на узкую бухту, лежавшую у засольных сараев, и увидел старый кунгас, тоже полный детей и женщин.

Кунгас собирался отчалить.

— Ого!—радостно сказал Ти Суеви.—В самом деле поймали много рыбы.

И, подхватив с земли плоский камень, который мог бы заменить ему скамеечку, Ти Суеви бросился бежать к кунгасу.

Натка побежала за ним.

Они едва успели вскочить на корму. Женщины потеснились немного и уступили им место, а перевозчик Лимчико, ленивый человек, отдал им свое кормовое весло, единственное весло, заставлявшее двигаться этот просмоленный ящик.

И русская девочка Натка, и Ти Суеви, и еще трое корейских мальчиков с криком начали юлить, раскачивать тяжелое весло, шевелившееся за кормой кунгаса, точно хвост чудовища.

Ленивый Лимчико смеялся, потому что всегда был рад отдать свое весло другому. Смеялись Натка и Ти Суеви, потому что, как бы там ни было, что бы ни говорил учитель Василий Васильевич Ни, но раскачивать тяжелое весло, потом сидеть на скамеечке у воды под солнцем и отцеплять рыбу от сети гораздо приятнее, чем выводить тушью на бумаге знаки этой самой рыбы, сети и воды.

Так плыли они к другому берегу бухты, где гудели кавасаки и скрипели шаланды, уткнувшись носом в песок. Небо после ночного дождя было совершенно открытое. Бухта была мелка и прозрачна. Когда Ти Суеви, раскачав тяжелое весло, заглядывал в воду, то видел в глубине, на черном гравии, обрывки сгнивших канатов и старые консервные банки, блестевшие на дне, точно клад.

И Ти Суеви так сильно раскачивал весло, что минут через десять он был уже на дру-

[1] Шольмогра — очень редкое индийское растение.

— А у нас по утрам петухи поют.

гом берегу и сидел рядом с Наткой, отцепляя рыбу от сетей.

Рыба успела уже уснуть в сетях, но тело ее еще было холодное, а жабры наполнены кровью.

И куда бы ни поглядел Ти Суеви: направо ли, налево ли—по берегу стояли женщины и склонившись, как жницы над полем, перебирали полные сети.

А носильщики с криком и шутками торопили их.

Веселое утро было в Тазгоу. Такое веселое, что Ти Суеви забыл о прокаженном мальчике и даже об утином яйце, которого не нашел он сегодня на своем берегу.

Однако, взглянув на Натку, в ее светлые глаза, блестевшие, как мокрые камешки, Ти Суеви все же вспомнил о нем.

— Это ты взяла утиное яйцо? — спросил он у Натки.

— Я, — ответила Натка. — Ты ведь сам показал мне это место. Я встала очень ра-

но и взяла. Может быть, это наша утка снесла яйцо?

Ти Суеви, вздохнул: «Ну что ж, все это могло быть правдой».

— Ничего! Бери, бери!—сказал он Натке, потому что никогда не враждовал с ней.

Он знал, что раньше, до того как отец Натки шкипер Миронов приехал к ним, в Малый Тазгоу, она жила где-то далеко, на другом конце земли, где нет тайги, где места ровные, а море, хотя и мелкое, но на берегу его, в песке, больше рыбьей чешуи, чем песчинок.

И чтобы Натке не было скучно в Тазгоу, чтобы край этот казался ей приветливее и богаче другого, он разрешал Натке брать все, что она видит.

Он приносил ей даже орехи, доставая их из норок лесных мышей, и собирал для нее среди камней чилимчиков, не требуя благодарности.

Но если правду сказать, то все же Ти Суеви хотелось, чтобы Натка при этом говорила ему:

— Хорошо тут у вас жить, Ти Суеви.

Натка же этого не говорила.

Она высыпала в подол себе чилимчиков, с'едала орехи и говорила:

— А у нас там, на бахчах, арбузы растут.

За такие слова Ти Суеви желал ей провалиться на месте.

И сейчас, сидя рядом с Наткой, на скамеечке у воды, Ти Суеви не забывал похвалить океан и нежную рыбку иваси, которую он так ловко отцеплял от сети.

Смеясь он показывал Натке на кучи рыбьей чешуи, высохшей и блестевшей под солнцем как медь.

Ветер слегка ворошил эти кучи, ставил чешую на ребро, катил ее по твердому песку и сбрасывал в море.

— Смотри, смотри!—говорил Ти Суеви.

Но это была знакомая для Натки картина: море везде одинаково, только берег не тот.

— Посмотри же, что тебе стоит?—попросил еще раз Ти Суеви.

И, заслонив ладонью глаза от блеска неподвижной воды, Натка посмотрела на скалы, торчавшие из моря, взглянула направо, на лесистую, всегда черную сопку, где просеки словно трещины сбегали по склону вниз, и сказала по обыкновению своему не то, что ожидал Ти Суеви:

— А у нас по утрам петухи поют.

— Петухи? — переспросил удивленно Ти Суеви. — Разве у нас нет петухов?

— Я никогда не слыхала их.

— Как же, есть, — сказал твердо Ти Суеви.

И тотчас же над океаном раздался крик петуха.

Ти Суеви и Натка обернулись и увидели старуху, темную, морщинистую, зобатую Лихибон. Гоня перед собой птицу, она шла по краю дороги, в гору, где одиноко стояла ее фанза, слепленная из дерна и глины.

«Вот женщина, у которой внук болен проказой»,—хотел сказать Ти Суеви.

И он сказал бы это громко всем, если бы в этот момент не увидел свиней, плывущих через узкую бухту.

Запах рыбы заставил их покинуть кучи мусора, лежавшие позади фанз, и войти в море.

Одинаково черные, жирные, подняв рыла над гладкой водой, они подплывали уже к другому берегу бухты, когда Ти Суеви заметил их.

Он со смехом показал на них Натке и женщинам, сидевшим на низких скамеечках у сетей. Женщины поднялись на ноги и закричали.

Свиньи уже вышли на берег. С громким хрюканьем разбежались они по песку и по гравию, подбирая рыбу, раздавленную ногами неуклюжих носильщиков.

Свиньи подходили к самым сетям, шныряли среди детей, рыли даже воду, где на мелком дне лежала оброненная ловцами мертвая рыба.

Жадность их приводила в удивление людей. Ловцы перестали выбирать сети из шаланд, с лямками на плечах остановились носильщики, и сам председатель колхоза Тазгоу Василий Васильевич Пак с изумлением молчал, открыв свой беззубый рот. И на его седой и редкой бороде блестели рыбья чешуя и слизь.

Не так уж велик был бы для колхоза убыток, если свиньи досыта наелись бы иваси. Но мясо их будет пахнуть рыбой.

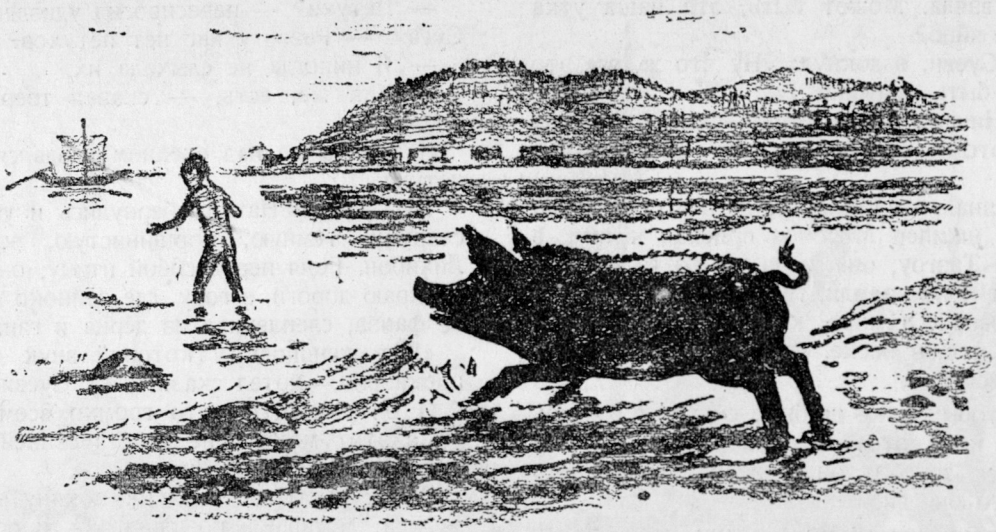
И женщины закричали еще громче.

Дети бросились разгонять свиней.

Ти Суеви набрал полную горсть крупной гальки. Широко расставив ноги и прищурив глаз, он швырял камни направо, налево и вперед, не сходя со своего места.

Он считал, что ради свиней не стоит сходить с места. И без того ни одна из них не могла спастись от его метких ударов.

Но неожиданно, обернувшись назад, он увидел недалеко от себя Натку. Она раз-



Вслед за Ти Суеви свинья кинулась в мелкие волны.

махивала над головой своей скамеечкой и с криком медленно пятилась назад, к самой воде.

Так же медленно, как она, подвигалась к ней с яростным пыхтеньем огромная свинья. Длинное тучное тело ее было еще мокро от моря, щетина на ней блестела, и блестели желтые зубы, когда она открывала рот.

Ти Суеви нагнулся, чтобы лучше разглядеть свинью: не та ли это самая, что совсем недавно укусила Пака, и увидел ее глаза — две крошечные, едва прикрытые ресницами ямки, на дне которых горел огонь. Тогда Ти Суеви бросился к Натке. Он не отстранил ее, не стал на ее место, но обежал вокруг и сзади ударил раз'яренное животное камнем.

Свинья повернулась к нему.

Ти Суеви сделал шаг назад и метко швырнул еще один камень.

Животное завизжало и бросилось на Ти Суеви.

Он отскочил и помчался вдоль берега к тому месту, где галька у гряды прибоя была особенно крупной и скользкой.

Здесь Ти Суеви остановился. Свинья бежала тяжело, ноги ее подгибались. Из-под копыт со звоном выскакивали мокрые, скользкие камешки и катились вниз, в воду.

Ти Суеви смеялся. Он сбросил свои соломенные туфли, снял одежду и вошел в теплое море.

А свинья, трясясь от собственной тяжести, все бежала. Каждый шаг по камням утомлял ее. Но ярости в ней еще оставалось так много, что вслед за Ти Суеви она кинулась в мелкие волны. И тотчас же все стадо, собравшееся на берегу и подгоняемое камнями и криками мальчишек, вошло в воду.

Оно поплыло назад, к другому берегу, над которым возвышались фанзы.

А впереди, далеко обогнав все стадо, плыл мальчик, голова его блестела от пены.

Он вышел на песок, взобрался на высокий камень и долго стоял там голый, как деревцо, лишенное всех листьев.

Вскоре перевозчик Лимчико привез Ти Суеви одежду. Привез он еще на своем неуклюжем кунгасе и всех детей, бывших на том берегу, потому что на крыльце школы стоял уже учитель Василий Васильевич Ни и, созывая школьников на ученье, стучал в медную доску.

Ти Суеви оделся. Он затянул на щиколотках черные ленточки, глубоко надвинул шапку на мокрую голову и затем только взглянул на детей, окруживших его.

Он увидел на лицах старших одобрение, в глазах младших восторг и даже зависть к своей смелости, но ни у кого в руках не увидел он своих соломенных туфель.

— Где же мои туфли?—спросил он.—Не забыли ли вы их на том берегу?

— Может быть, и забыли,—сказал Лимчико,—потому что все смотрели на тебя.

Но даже и эта высшая похвала—похвала старого человека—не развеселила Ти Суеви. Он стоял босиком на камнях, отыскивая глазами Натку.

Она пряталась позади всех.

— У меня твои туфли, — сказала она вдруг, — я не забыла их взять.

Натка подошла к Ти Суеви и положила его грязные туфли рядом, на камень.

Он обул их и посмотрел на Натку. Глаза ее еще блестели от испуга и слез.

И, вспомнив о свиньях, Ти Суеви почувствовал себя несчастным. Кто же мог знать, что свиньи, простые черные свиньи, пасущиеся сейчас на каменистом склоне, среди дубового кустарника, бывают здесь так злы.

И Ти Суеви подумал о том, что теперь уже Натка никогда не скажет: Хорошо тут у вас жить, Ти Суеви.

Печально пошел он рядом с Наткой в гору, на крутой берег, где виднелась школа.

Вместе взошли они на высокое крыльцо, и здесь каждый из них сделал по-своему. Натка переступила порог, принеся на своих башмаках мокрый песок и глину. Ти Суеви же вошел в школу, как входил он в собственную фанзу, оставив на пороге обувь.

IV

Как долог весенний день на берегу океана! Уже давно шаланды выгрузили рыбу и снова ушли в море, унося на мачтах паруса, а на палубах—сухие сети. Уже давно женщины вымыли после обеда котлы и снова развели огонь под ними, налили в них воды, положили луку, мяса и много красного перцу. Уже давно Василий Васильевич Ни обошел классы и отпустил Ти Суеви и Натку домой. И давно уж председатель Василий Васильевич Пак смыл с лица своего рыбью чешую и сказал ленивому перевозчику Лимчику.

— Ты бездельник, хотя и был когда-то шкипером! Еще вчера просил я тебя отвести на буксире эти пустые кунгасы в Малый Тазгоу. Они там нужны. Возьми свободный кавасаки номер два и сделай это. И, давно уж ленивый, Лимчико ответил: «Хорошо, я сделаю».

А день все стоял над океаном, не склоняясь ко сну, и был прозрачен и блестел, как те легкие пузыри пены, которые так ловко умел выдувать Ти Суеви на конце сухой тростинки.

И не верилось, что утром шел дождь.

Только западная стена школы, обращенная к сопке, напоминала об этом. В тени, куда не проникали солнце и ветер, она еще была темна.

И Натка, заметив это, спросила у Ти Суеви.

— Скажи, из чего сделана ваша школа? Крыша на ней не стеклянная, а блестит. Она мне нравится.

Если бы спросить у Василия Васильевича Ни или у Василия Васильевича Пака, из чего сделана новая школа в колхозе Большой Тазгоу, они бы ответили:

— Она построена из местных материалов.

Но Ти Суеви на этот вопрос ответил Натке не так.

Он повел ее по берегу моря и показал множество больших океанских раковин, сложенных и собранных в кучу на песке.

Ти Суеви был очень доволен, что хоть школа понравилась Натке.

Он повел ее дальше, в поле, спрятавшееся между двух холмов, и показал яму, откуда брали глину для стен.

Яма была глубокая, но солнце утром все же заглянуло в нее и даже постояло над ней немного. На дне ее, среди подсохшей глины, валялось много камешков, и черных и белых, удобных для игры, которую любила Натка.

Она сказала:

— Спустимся в яму. Я наберу камешков и научу тебя этой игре. Домой мы успеем. Я слышала, что перевозчик Лимчико собирается под вечер отвести на буксире в Малый Тазгоу пустые кунгасы. Мы сядем в кунгас и будем дома скорее чем пешком. Это сказал мне сам Лимчико.

Ти Суеви ответил:

— Это верно. Лимчико сказал мне то же самое.

И спрыгнул в яму. Натка сидела уже на дне ее и отбирала камни. Она выбрала пять камней: два белых и круглых из кварца, два гладких и черных из шпата, а последний камень выбрать было легче всего. Но когда она взяла его в руки, то увидела рядом другой камешек, не такой красивый и блестящий, как этот. Он был желт, грязен, тяжел для руки. Он совсем не годился для игры. Но всем своим грустным видом будто говорил Натке: «Возьми и меня». И чтобы камешек не обиделся, Натка взяла и его.

Потом она положила все камешки в кучку и показала Ти Суеви новую игру: она подбрасывала камешки вверх и ловила их по два, и по три, и даже все шесть сразу, хотя руки у нее были маленькие.

Ти Суеви попробовал сделать то же самое. Он был не так искусен в этой игре, как Натка, но и он ловил камешки и в горсть, и между пальцами, и в перевернутую ладонь.

Так играли они долго. А солнце шло своим чередом, не заглядывая больше в яму.

— Ведь это же Личик, медвежонок Личик, который живет на заставе!

Оно еще не садилось в море, но медленно катилось к западу, не спеша пройти последние три пяди, оставшиеся ему до конца. А мимо солнца тянулись вверх облака, и в их тени реяли белохвостые зоркие птицы—орланы. Они подолгу стояли на месте, словно впервые видели этот обширный край, волнистый от гор и черный от хвойных лесов.

Иногда же, будто утомленные высотой своего полета, орланы парами опускались вниз, на каменистое побережье, садились на белые чашечки телефонных столбов, убегавших к заставе, и отдыхали здесь в тишине. Но не надолго. Стоило только самцу повернуть голову, как самка расправляла крылья, склоняла тело вниз и над морем раздавался ее крик, похожий на хохот сумасшедшего.

— Кто это?—испуганно спрашивала Натка, на секунду прерывая игру.

Ти Суеви смеялся.

— Это птица,—ответил Ти Суеви.—Она, наверное, видит кого-нибудь.

— Кого? Может быть, она на нас кричит?

— Нет. Она кричит на зверя, или на птицу, или на рыбу. Мы же люди. На нас ей незачем кричать. Играй дальше. Твоя очередь.

Но Натка не успела подбросить камешки.

Над краем ямы послышался вдруг шум крыльев, похожий на свист кнута, затем слабое сопенье, возня — несколько комьев глины упали вниз, к ногам Ти Суеви.

Он поднял голову и вскочил.

Вместе с комьями глины на дно ямы, сложив лапы и подогнув голову, с визгом скатился маленький медвежонок.

Он медленно поднялся на ноги, фыркнул и, неуклюже перебирая толстыми лапами, попятился назад, к той стене, где прижавшись стояли дети. На этот раз Ти Суеви был так же испуган, как и Натка, хотя и не кричал, как она. Однако, пятясь назад, медвежонок поглядывал не на детей, а вверх, где над ямой кругами поднималась в небо белоголовая птица.

Крик орлана раздавался уже далеко.

В то же время совсем близко, рядом с ямой, кто-то громко позвал.

— Личик, Личик, куда ж ты пропал, шельмец!

Медвежонок повернул ухо в ту сторону, откуда раздавался зов, и, как щенок, припадая на передние лапы и мотая большой головой, два раза крикнул:

— А-ай, а-ай!

Тогда Ти Суеви пришел в себя. Он узнал медвежонка.

— Ведь это же Личик!—сказал он, обернувшись к Натке.

Но Натки уже не было рядом. Схватив в зубы край своего платья, чтобы легче было ползти, она на четвереньках старалась выбраться из ямы.

— Ведь это же Личик!—крикнул еще раз Ти Суеви.—Медвежонок Личик, который живет на заставе!

— Теперь я сама вижу, что это Личик,— ответила Натка, усаживаясь на краю ямы.

— Так вот куда люди забрались!—раздался позади Натки все тот же голос, который раньше звал медвежонка.

Натка обернулась: возле нее, шагах в двух, стоял красноармеец Сизов, держа в руках свою фуражку с зеленым верхом. Винтовка его висела на ремне, за спиной, голова была коротко острижена, а сам он смеялся.

— Здравствуй, красноармеец Сизов,— сказала Натка.

— Здравствуй, Сизов,—повторил за нею из ямы Ти Суеви.

А Сизов заглянул к нему в яму и сказал:

— Хорошее у вас вышло прикрытие. Особенно, если поставить тут пулемет.

И он спрыгнул вниз, к Ти Суеви, и как взрослому подал ему руку.

Они были друзья: корейский мальчик и красноармеец Сизов, стрелок пограничной охраны и сын уральского жителя из лесной деревни Пермяки.

А между ними вертелся медвежонок Личик — тоже друг.

И так как с друзьями всюду хорошо, даже в глубокой яме, откуда берут глину, то Натка также сползла вниз, не выпуская из рук своих камешков.

И тут втроем они поговорили.

Сизов сказал:

— Хожу я по своему участку и смотрю как будто хорошо, а, между прочим, вас не видел. Как в поле вышли, видел, а куда пропали, понять не могу. Чудесное, думаю, явление—эта пересеченная местность.

— А мы тут играли,—сказала Натка.

И она тряхнула своей сумкой, куда успела уже положить камешки, собранные ею для игры.

— Так, вижу, камешки, — сказал Сизов.—А все-таки вас бы я ни за что не нашел, если бы не Личик. Я его с собой брать не хотел. Сам отвязался, за мной прибежал и бежит и бежит, все к одному месту. Значит, думаю, друзей почуял или шмелиное гнездо нашел. Он мед любит. И был он все время веселый, пока не обидели.

— Кто же это его обидел, Личика?— спросил Ти Суеви.

Медвежонок, услышав свое имя, поднялся на задние лапы, ворча и горько жалуясь на свою обиду, он посмотрел вверх.

Посмотрели туда и Сизов, и Ти Суеви, и Натка: облака стали гуще, небо побелело, а под облаками попрежнему неподвижно стояли орланы.

И все рассмеялись.

А Сизов поднял медвежонка на руки и поставил его на край ямы.

— Отведи его на заставу,—сказал он Ти Суеви, а то сам не дойдет. Напугали его птицы.

V

Хорошо было Ти Суеви сидеть с Наткой в яме и играть в камешки, однако неплохо было и пройтись с медвежонком на заставу.

Там жили начальник Бойко, и стрелок Сизов, и другие люди, о которых ни один человек ни в Большом, ни в Малом Тазгоу не скажет ничего дурного.

Хотя дом их окружен забором и вдоль забора ходят часовые, но, как все люди, они сами себе чистят на обед картошку, а шелуху отдают женщинам для свиней.

Ти Суеви же и Натке они дарят иногда по яблоку. Да, по яблоку! Это редкий, невиданный плод!

Но разве дело только в яблоке?

Нет! Эти люди ходят днем и ночью по дорогам, и летают, и стоят на горах, как звезды, и спускаются в глубокие пади, где от воды черны деревья и даже черна трава.

И Ти Суеви никогда не приходилось спрашивать у них:

— Хорошо ли вам в нашем краю?

Сизов всегда сам говорит:

— Хорошо тут у вас жить, Ти Суеви.

И при этом он еще отлично умеет подражать голосам зверей и птиц. Он берет в рот маленький манок и лает как лисица или кричит как скворец.

Он подолгу стоит над травой и камнями. Он срывает листья и прикладывает их к лицу, чтобы приласкаться к ним.

И за эту привязанность к лесу Ти Суеви ставит его высоко над людьми. Он ставит его даже выше чем Натку, которая, по совести говоря, причиняет Ти Суеви немало огорчения.

Вот и сейчас она не пошла с ним на заставу, а стоит под горой, на тропинке, и машет его сумкой, которую Ти Суеви оставил ей, и кричит:

— Скорей, Ти Суеви! Лимчико собирается отплывать!

И Ти Суеви у поворота остановился. Он спустил Личика на землю, и повернулся к заставе.

«Дойдешь ли ты, Личик?—подумал Ти Суеви.—Тут совсем близко. А меня зовет Натка. И если она зовет, надо идти, потому что я никогда с ней не ссорюсь».

Но Личик не хотел идти сам: он лег на дорогу и смотрел в другую сторону, он смотрел в лес, где ели стояли тихо и где ничего не было видно.

А с другой стороны, за поворотом, по шоссе приближалась лошадь. Она звонко и мерно ступала по щебню, точно капля за каплей, падала с утеса вода; а скрипа колес не было слышно.

И Ти Суеви подождал, не покажется ли всадник. Это мог быть только начальник заставы. Он один ездил по этой дороге верхом.

И верно. Доехав до поворота, начальник сказал (Ти Суеви хорошо слышал его голос):

— Василий Васильевич, ты старый партизан. Душу из себя надо вынуть, а его найти. Он где-то здесь перешел, в твоем районе.

И Ти Суеви увидел Василья Васильевича Пака. Он держался за стремя, а лицо его темное, как кожура кедрового ореха, было поднято вверх.

— Хорошо говоришь, — сказал он начальнику. — Душу из себя вынем, а его найдем.

Василий Васильевич Пак сошел с дороги и зашагал по тропинке к морю. И шаг его был проворен, точно старость вовсе не мешала ему.

Начальник тихо повернул лошадь назад. И она вдруг заржала так, что мороз побежал по спине Ти Суеви. Должно быть, неспокойно было на заставе.

Ти Суеви посмотрел вниз, на тропинку, где у ног его еще секунду назад лежал медвежонок Личик.

«Куда же он девался, глупый?»

Ти Суеви заглянул под кусты волчьего лыка, раздвинул траву, в ней было много донника и росли еще другие на длинных стеблях желтые цветы.

Но Личика не было.

Тогда Ти Суеви подумал: «Что скажет Сизов, если пропадет Личик? Он так любит его. Нет, пусть Натка на этот раз поедет на кунгасе одна».

И Ти Суеви направился в ту сторону, где ели стояли тихо и ничего не было видно. Там послышался ему треск сухих ветвей.

Он бежал по лесу, огибая старые деревья. Ти Суеви кричал:

— Личик, Личик!

Потом Ти Суеви пошел тише. Он увидел, наконец, след. Медвежонок забирался в чащу, но теперь уж, все равно, он не уйдет от него.

И Ти Суеви зашагал еще медленней меж молодых и взрослых елей, стирая паутину с лица.

Он тихонько оглядывался. Он любил глухой лес. Когда по вершинам его шла буря,—он напоминал Ти Суеви море: так же качался он и шумел. И в тихую погоду любил его Ти Суеви. Тогда сосны скрипели, как барки, и всегда по стволам кедров, точно зверек, снизу вверх и сверху вниз

пробегал легкий треск. Лес никогда не был спокоен и тих: он жил. И если Ти Суеви хотел, то мог слышать даже дыхание его.

Но теперь странная тишина царила в лесу. Как стена стояла она вокруг. Не было слышно ни шума крыльев, ни голоса птиц. И перед этой стеной остановился даже Личик, пораженный глубоким безмолвием. Он дальше не пытался бежать.

Весь в паутине, он стоял, подогнув задние ноги и прижавшись к кусту ежевики.

Ти Суеви тихо зачмокал губами. Медвежонок подошел к нему и лег, положив лапу на солюменные туфли Ти Суеви.

— А-ай, а-ай!—крикнул два раза медвежонок.

Ти Суеви поднял его на руки и стер с его глаз паутину.

Паутина была и на одежде и на лице Ти Суеви.

Как много ее в лесу! Она спускалась с вершин до земли, где под мхом сосны грели свои старые корни. Она висела меж ветвей, прогибаясь, и голые ели были закутаны ею. И даже вечернее солнце, бродя по самым высоким верхушкам, было все в паутине. Оно кротко горело в ее тонких сетях. И, скользя вниз, по нитям, освещало на их концах волосатых гусениц. Груды об'еденной хвои лежали у подножья сосен. И в тишине хвоя падала сверху, на паутину.

Медленно отступал перед этим мертвым лесом Ти Суеви. Крепко держа медвежонка, он прошел согнувшись под низкими ветвями лиственниц и не слышал ничего, кроме шума своих собственных шагов.

И Ти Суеви был рад, когда вышел, наконец, к дороге, на опушку. Тут он увидел ольху и ясень и услышал живой мелкий шопот их листьев. Ти Суеви посмотрел на солнце. Оно прошло еще две пяди, и до края горизонта оставалось ему только одна. Это не так уж много, чтобы успеть вернуться на заставу и засветло придти домой, в Малый Тазгоу.

Ти Суеви вытянул правую руку, прищурил левый глаз и собственной маленькой пядью, как учил его в море отец, измерил путь, оставшийся солнцу до заката. Да, только пядь с небольшим! А каждая пядь— это час.

Ти Суеви пустился бежать, прижимая к себе медвежонка.

Кто-то окликнул его.

Сизов возвращался с обхода. Лицо его было в пыли. Он шел мерным, но уже отяжелевшим шагом. Слишком много ходил он сегодня, слушал, глядел. А травы цепки на каменных тропинках.

Ти Суеви подождал его на краю дороги и приветствовал его по-военному и медвежонка Личика заставил сделать то же, притянув его лапу к уху. Пусть красноармеец Сизов посмеется и покажет, как кричат дрозды.

Но красноармеец Сизов на этот раз не посмеялся, не показал, как лает лисица и как кричит дрозд.

Он даже хорошенько не взглянул в лицо Ти Суеви, а смотрел на его штаны, перетянутые ленточкой, и на рубашку, где клочьями висела паутина. Потом протянул руку и снял со спины медвежонка такой же клок паутины и черную гусеничку в ней. Паутину он сдунул, а гусеницу положил на ладонь.

Мерцая волосатыми кольцами, она поползла на ладони вверх. Он посадил ее на палец, она снова поползла, поднимая блестящую головку. Это была подвижная тварь.

— Нехорошо,—сказал Сизов.

Он завернул гусеницу в бумажку, спрятал в шапку и посмотрел на деревья вокруг, послушал.

Ти Суеви тоже послушал.

Лес потихоньку звенел, жаловался, тряслись на осинах листья. Но паутины здесь не было. Лишь кое-где сверкала она вдруг, как нож.

— Там ее много, — сказал Ти Суеви.

— Где?—спросил Сизов.

— Там.

Ти Суеви показал в ту сторону, откуда недавно пришел, в самую глубину, где над лесом царили ели.

Сизов сменил под винтовкой плечо и пошел в лес. А Ти Суеви остался его ждать. Он долго слушал, как шумно ступает Сизов по валежнику, потом сел и поставил медвежонка меж ног. Но ждать пришлось недолго: вскоре вернулся Сизов. Он уже не трещал валежником, он шел осторожно, словно отходил от постели больного.

— Пойдем скорей, — сказал он.

И Ти Суеви снова побежал. А Сизов пошел широким шагом, быстро.

— Плохо нашему лесу, — сказал он вдруг.

— Очень плохо разве? — спросил Ти Суеви.

И тревога его была так велика, что ему захотелось плакать. Но он был мальчик и бежал, а на бегу трудно плакать. Потом

еще мешал медвежонок, и рядом шел красноармеец Сизов.

Взгляд Сизова был беспокоен, веки пыльны и в руке дымилась цыгарка. Когда же он успел закурить?

Ти Суеви ждал, не скажет ли еще что-нибудь красноармеец Сизов: хотя он и молод, но все же старше Ти Суеви, и не годится младшему ни спрашивать первому, ни говорить.

Но Сизов долго шагал молча.

— Страшный враг—эта гусеница,—сказал он, наконец.—Сам знаю! Я из уральской деревни, вместе с лесом рос и знаю: страшная тварь! На двести верст вокруг обгложет ели, догола разденет лес. И упадет он. Спасать надо, если не поздно.

Сизов погасил в руке цыгарку. Уже близко были ворота заставы.

Ти Суеви спустил медвежонка на землю, и тот вбежал в ворота, мимо часового, который посмеялся ему вслед.

А из ворот вышел начальник заставы, его лошадь шла за ним. Он был в форме лейтенанта, с серебряной дорожкой на петлицах, в черных сапогах. О таких высоких сапогах никогда не мечтал Ти Суеви.

Сизов подошел к лейтенанту и поставил ружье к ноге.

Лейтенант спросил его:

— Давно сменился?

— Давно, два часа назад, товарищ лейтенант.

— По какой дороге возвращался?

— Шел через Фазанью падь, поднимался на Черную сопку.

— Никого не встретил?

— На участке никого не встретил, товарищ лейтенант. Но в лесу появилась паутина.

Сизов снял шапку и показал забившуюся в угол бумажки гусеницу.

Начальник внимательно разглядывал ее, точно каплю воды, держа на согнутой ладони. И лошадь его смотрела на гусеницу.

— Я знаю эту дрянь по нашим лесам, по пермским. Хуже чем совка для ржи, товарищ лейтенант, — сказал Сизов.

— Я тоже знаю. Да, опасная дрянь! Еще третьего дня заметил ее на еловой просеке и сообщил уже в город. Примем меры. А сейчас пойдем со мной, Сизов,—сказал лейтенант.

Он ушел вперед, немного согнувшись.

И лошадь его пошла за ним, звеня стременами, и оба паха ее были мокры.

А Ти Суеви остался один у ворот заставы. Никто: ни Сизов, ни начальник — не предложил ему сегодня яблока. Никто не попросил поиграть с Личиком, которого дневальный уже привязал к кольцу.

Но Ти Суеви все стоял, размышляя об этих людях с удивлением. Кто же больше их любит и Малый и Большой Тазгоу, если даже о паутине в лесу думают они, и говорят, и слушают друг друга.

И больше чем когда-либо Ти Суеви хотелось сегодня войти во двор заставы, где по середине стояла деревянная вышка. Давно когда-то лесники наблюдали с нее пожары. Она разрушилась, доски на ней покрылись оранжевым мхом, но и теперь, поднявшись на ее верхушку, можно видеть далеко кругом. Можно видеть, как на мысах закипают под ветром леса, можно видеть море.

И иногда Ти Суеви это видел. Иногда же он не взбирался на вышку, а шел в дом к красноармейцам, в уголок, который они называли ленинским. Там был мягкий диван, тоже старый. Но Ти Суеви он казался странной вещью, чудовищем, набившим свое брюхо морской травой и железом. И Ти Суеви подолгу глядел на него, не решаясь присесть: ведь он никогда в жизни не сидел на мягком.

Он сидит на глиняных нарах, а спит на циновках и кладет под голову подушку, набитую жесткой мякиной.

Но вот и ворота заставы закрылись, не видно стало двора и вышки, не на что больше смотреть.

И Ти Суеви повернулся, начал спускаться к морю.

Да, долог был этот весенний день! Долог! Но и он кончался.

Удлинялись тени. В океане к закату поднималась зыбь. И светлый вечер опускался на беспокойную воду.

Ти Суеви посмотрел на небо, ставшее уже зеленым. В нем еще не было ни одной звезды. Но и орланы уж не стояли там.

Где же Натка? Наверное, давно уже Лимчико на пустом кунгасе отвез ее в Малый Тазгоу, домой.

И Ти Суеви вспомнил, что за весь этот долгий день, богатый для него событиями, он не нашел для Натки ничего: ни лесных орехов, ни устриц, ни морских ежей,—а несет только кусок паутины с гусеницей, которую так же, как красноармеец Сизов, Ти Суеви спрятал в свою шапку.

(Окончание в следующем номере)

Страна храбрых

Проф. Е. В. Тарле

Нашествие арабов

В Испании идет страшная гражданская война между испанским народом, который прогнал короля еще несколько лет назад и отстаивает свою свободу, и теми, кто хочет повернуть на старое — уничтожить эту свободу.

Народ победил бы уже давно своих врагов, если бы им не помогали фашистские Италия и Германия — две большие и сильные страны.

Мадрид — столица Испании — осажден врагами. Каждый день фашистские самолеты сбрасывают над Мадридом бомбы. Там убивают женщин, там убивают детей.

Но что бы ни делали фашисты, народ упорно сопротивляется, и чем дальше идет борьба, тем сильнее становится в Испании народная армия и тем больше растет уверенность в победе.

Испанцы упорны и храбры. Испания только на карте кажется маленькой, на самом же деле это большая страна, где с давних пор народ привык к тяжелой борьбе.

Еще в средние века в Испанию пришли арабы. Полчища их продвигались постепенно по Африке и захватили весь север ее, от Красного моря до Атлантического океана.

Арабы пришли к самому западному краю Африки, где совсем узкая полоска моря отделяет от нее Испанию. Арабы переправились через пролив.

На берегу пролива, на холме, арабы выстроили крепость, а так как холм по-арабски — Джебл или Гибл, а предводителя арабов звали Тарик, то и пролив потом был назван Гибралтар, что значит холм Тарика.

Арабы покорили испанцев, потому что были культурнее и гораздо лучше вооружены; у них было большое войско, которое строго повиновалось своему предводителю.

У испанцев же в то время не было одного общего государства: они жили разбросанно по своей большой стране, отдельными государствами, которые часто между собой ссорились и воевали. Поэтому дружного отпора арабам испанцы дать не могли, и арабы поочереди их всех победили.

Однако испанцы не слились с арабами в один народ. Спустя некоторое время испанцы начали упорную и тяжелую борьбу против арабов. Около

300 лет боролись они с арабами за свою свободу. Испанцы укрылись сначала на севере, а потом постепенно спускались к югу, выбивая арабов с занятых ими мест. И в конце концов выбили. Война была жестокая. Арабов оттеснили. Но и они не оставались в долгу: делали набеги на испанские деревни, забирали в плен мужчин, превращая их в рабов, вырезали стариков, женщин и детей.

Так прошло несколько столетий. И за это время испанцы приучились быть храбрыми. Люди рождались, росли, умирали, а война не прекращалась. Испанцы не знали, что значит жить без войны.

Только в конце 15-го века, пятьсот лет назад, испанцы освободились, наконец, от арабов. В Испании быстро развились торговля и мореплавание. Она стала первой державой в мире. И не кто иной, как испанцы, решились найти морской путь в Индию.

В то время Индия была самой богатой страной и манила к себе всех. Многие искали этот путь в Индию, но ничего не могли сделать: корабли в то время ходили вблизи берегов, не удаляясь в открытое море; люди не умели еще как следует плавать по морям, и долгое время им казалось, что если плыть на восток, — Африка загораживает все пути.

Колумб

Однажды к испанскому королю Фердинанду и к королеве Изабелле явился человек. Он был плохо одет, и про него говорили, что он сумасшедший. Его долго не пускали к королю. Но он все-таки добился, чтобы его выслушали. Он заявил, что земля, вероятно, круглая. А тогда этого еще никто не знал, да и сам Колумб никак не мог бы этого доказать. Но он знал, что некоторые географы уже высказали такую догадку, и сразу этому поверил. Он сказал, что если ему дадут три корабля и человек сто народу, он откроет новый путь в Индию; но поедет не на восток, куда все едут, а на запад, так как с этой стороны, по его мнению, доехать в Индию скорее и легче.

Этот человек был Христофор Колумб, происходивший из семьи одного ткача, из города Генуи.

Над ним смеялись. Его называли безумцем. Но Колумб стоял на своем. Тогда ему предложили изложить свою мысль перед учеными. В то время большинство ученых было из духовенства: священники, монахи, епископы. Они говорили, что земля не может быть круглой, потому что в евангелии и в библии об этом ничего не сказано. Эти ученые тоже сочли Колумба безумцем, смеялись над ним и даже не захотели выслушать его до конца.

Тогда Колумб сел на своего осла—он путешествовал на осле, как это до сих пор делают в горах Испании — и уехал из города. Сохранилось предание, будто в дороге осел его заупрямился и не захотел идти дальше. А Колумб был так измучен путешествием, что решил отдохнуть и лег спать.

В это самое время его догнал гонец королевы Изабеллы, которая, наконец, решила дать ему корабли. Колумбу дали три корабля. Команду же он набрал сам.

И вот 3 августа 1492 года из маленького городишка Палоса вышли парусные каравеллы Колумба. Никто тогда не знал, что из этого выйдет. Многие думали: «Колумб, может быть, и сумасшедший, но посмотрим, что он сделает».

Корабли плыли одну, две, три недели, месяц. А кругом все было только море да небо. Так далеко в открытом море никто еще не плавал до Колумба.

Матросы на каравеллах возмутились.

Они заявили Колумбу, что не хотят погибать, что море никогда не кончится, но Колумб упросил их подождать, и они согласились.

Шел уже второй месяц плавания. Прошла еще неделя, и матросы опять стали думать, что им делать. Они послали к Колумбу своих представителей, и те твердо заявили, что если он не повернет обратно, — они откажутся повиноваться ему.

Колумб растерялся, но у него был толковый помощник, который взялся уговорить матросов. Они сначала не хотели даже слушать помощника Колумба и упрекали его в том, что он держит руку капитана.

— Мы не хотим погибать, — волновались они. — У нас есть семьи, мы утопим тебя вместе с капитаном.

Но помощник Колумба спокойно возразил:

— Допустим, что вы бросите нас в море, но что вы будете делать без нас? Назад вы все равно не доедете, вы простые матросы и не знаете мореходного дела. Кто же вас довезет?

Он говорил еще, что проплыли они уже большую часть пути, а назад надо плыть опять полтора месяца и что такого путешествия они не выдержат, и, наконец, убедил их.

А каравеллы все плыли на запад.

Колумб почти не спал. Он все сторожил, не появятся ли какие-нибудь признаки земли. И вдруг кто-то из матросов увидел в море дощечку. Она ведь не могла упасть с неба, значит, она откуда-то приплыла. Потом показались птицы. Ясно было, что близко земля. И вот однажды вечером один из матросов крикнул: «Земля!»

Тут многие матросы расплакались, как маленькие дети, потому что давно уже потеряли надежду на спасение.

12 октября 1492 года каравеллы приплыли к острову. Совершилось великое событие: открыта была новая страна.

Спустя несколько лет географ Америго Веспучи описал эту страну, и по его имени ее назвали Америкой. Но открыл эту страну не он, и по справедливости назвать ее нужно было бы Колумбией.

Когда Колумб вернулся в Испанию, его встретили там с большими почестями. Однако вскоре Колумба оклеветали перед королем, и король отстранил его. После своего первого путешествия Колумб еще три раза плавал в открытую им страну. Но он думал, что это Индия, и так и умер, не узнав, что он открыл никому до тех пор неизвестную огромную землю, которая гораздо больше, чем вся Индия и вся Европа, взятые вместе.

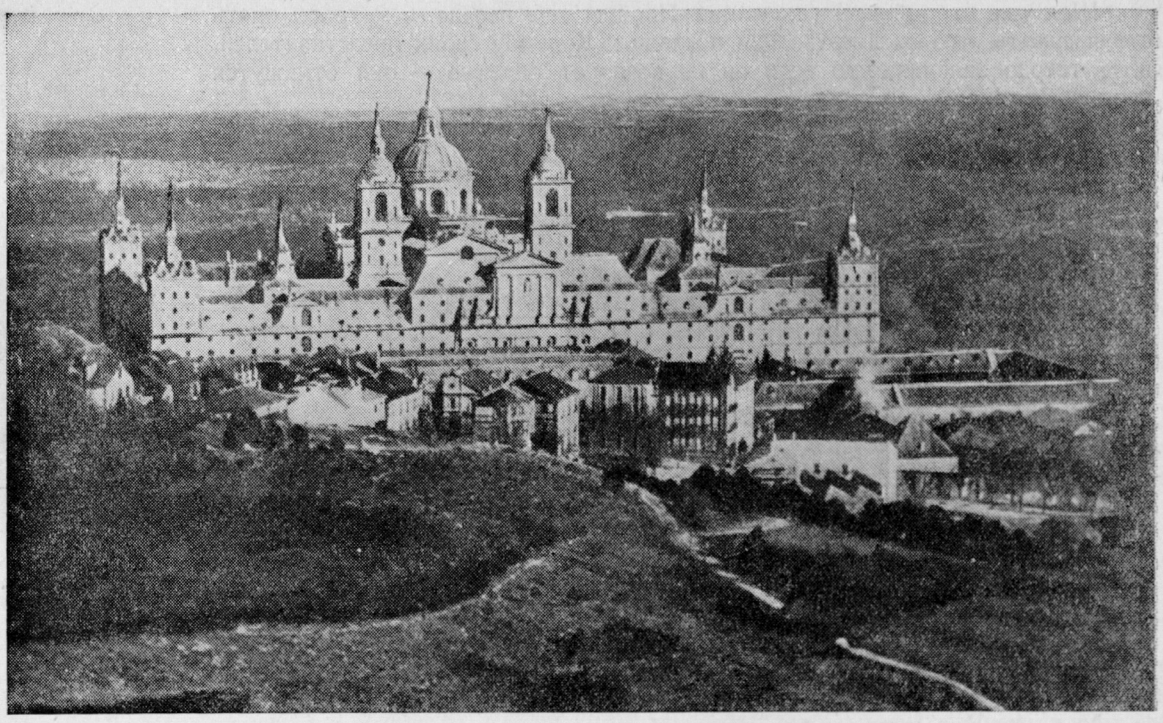
Новая страна была открыта. И так как это открытие было сделано на испанских кораблях, то Испания постепенно завладела лучшими землями Америки. С тех пор для Испании наступил период небывалого расцвета. В то время в большой цене было золото, так как его добывали мало. Известно, что в 17-м веке в Москве на пять золотых рублей человек мог питаться и хорошо жить почти полгода. Есть сведения, что один дьякон, приехав в Москву жаловаться на кого-то царю, писал ему: «Я сижу здесь с сентября, теперь подходит апрель, и я прожил уже пять рублей».

Вот как ценились тогда деньги. А испанцы нашли в новой стране столько золота, что грузили им целые корабли и перевозили это золото к себе.

Аутодафе

Испания стала богатой и сильной страной. Но всеми этими богатствами завладели король, помещики и духовенство.

Особенно сильна была в Испании власть церкви. Еще в те времена, когда испанцы боролись с арабами, влияние попов было огромно. Народ думал, что только вера в бога спасет его от арабов. И духовенство в эти трудные для Испании времена приобрело громадное влияние на народ. Но этого было мало. Чтобы еще более укрепить свою силу в государстве, церковь создала инквизицию: за малейшее отступление от учения церкви людей хватали, пытали страшными пытками и сжигали на кострах.



Эскориал — величайший в Европе дворец-монастырь в 52 километрах от Мадрида. Он построен испанским королем Филиппом II в 1584 году. Теперь Эскориал — важный пункт на мадридском фронте. Мятежники стремятся во что бы то ни стало им овладеть, но это им никак не удается.

Слово «инквизиция» значит расследование, розыск. Чтобы крепче держать народ в руках, духовенство преследовало всякую свободную мысль. Людей, которые интересовались наукой, попы считали наиболее опасными. Их пытали и часто приговаривали к смерти на костре, причем лживые и лицемерные инквизиторы говорили, что человек должен быть наказан без пролития крови.

Выходило, будто попы человеколюбивы. Они действительно не проливали крови... они сжигали людей на костре.

Устраивались эти казни так. На главной площади города ставилась трибуна. Она покрывалась коврами, на ней ставились бархатные кресла. На трибуне садились король, королева, весь двор, разряженные дамы в шолковых и бархатных платьях. Вокруг трибуны выстраивалась почетная стража. И это место обносилось канатом, укрепленным на кольцах. На площади, на широком пространстве, возвышаясь на метр от земли, лежали сложенные сухие дрова. Приводили приговоренных. На них надевали белые балахоны. Осужденных, связанных по рукам и ногам веревкой или проволокой, возводили на костер и поджигали дрова. Несчастные люди страшно кричали, но вскоре задыхались и замолкали. Когда они сгорали, толпа расходилась.

Эти костры назывались делом веры, по-испански «аутодафе», и попы внушали, что люди, которые не верят в бога, умирая на костре, очищаются огнем и тем спасаются. Все это делалось публично, и народ долгое время верил духовенству и не сочувствовал его несчастным жертвам.

Инквизиция существовала много веков и кончилась только в прошлом веке, да и то не совсем: еще в начале 19-го века кое-где в Испании сжигали людей.

Современем могущество Испании стало падать. Король и духовенство прибрали все богатства страны к своим рукам. Огромные владения, которые достались Испании благодаря Колумбу, хищнически разорялись, а испанский народ беднел.

Наполеон в Испании

Сто с лишним лет назад во Франции царствовал император Наполеон — великий полководец, который завоевал и подчинил своей власти всю Европу. Он был и в России в 1812 году. Он разбивал громадные армии — немцев, австрийцев, итальянцев. Он и русских бил не раз, только впоследствии потерпел неудачу в своем походе на Москву.

Почти все короли трепетали перед ним, многие целовали его руки, унижались, выпрашивали у него подачки, боялись даже одного сердитого взгляда страшного императора, а он царил над всеми. И вот Наполеон решил завоевать Испанию. Он думал, что Испания ослабела и если даже самые сильные государства боятся его, то что стоит покорить Испанию? И Наполеон послал туда свои войска.

Но нищие испанские крестьяне, оборванные, в лохмотьях, и бедные городские ремесленники — все встали на защиту родины, пошли против Наполеона с ножами, вилами и пиками. Наполеон считал, что этих оборванцев он сотрет с лица земли. И действительно, он занимал испанские города один за другим. Но испанцы не покорялись французам. Бывали случаи, что идет по улице занятого города французский солдат, к нему подходит старуха-нищенка, прячет лицо в платке и протягивает руку. Он хочет ей что-нибудь дать, а в это время старуха, которая оказывается вовсе не старухой, а молодой, сильной женщиной, выхватывает нож — и солдат падает.

Однажды французы схватили испанскую девушку, которая убила солдата, и повели ее расстреливать. Дорогой она смеялась. Ее спросили, почему она смеется. Она ответила: «Вчера я послала на тот свет четырех ваших французов предупредить, что скоро сама там буду». Ее тут же, на месте, расстреляли.

Наполеон не привык к такому сопротивлению и дал приказ своим маршалам «уничтожить испанцев как собак». Он хотел во что бы то ни стало покорить испанцев, но не тут-то было. Наполеон, например, приказал осадить Сарагоссу. Город долго не сдавался. Тогда Наполеон послал лучшего своего маршала и приказал взять город. Французы снова, уже во второй раз, осадили Сарагоссу. И после страшного кровопролитного боя, в котором погибло больше половины сарагосских жителей, войска ворвались в город. Испанцы отчаянно сопротивлялись. Нужно было драться за каждый дом. Французы врывались, занимали одну квартиру, а из соседней в них продолжали стрелять. Бывало, французы занимали только одну комнату в доме, а в другую войти не могли. И так три недели — дом за домом — французы занимали Сарагоссу. В ней было сорок тысяч жителей, а перебито было тридцать две тысячи.

Испанские дети приносили припасы и заряжали ружья отцам и матерям. И французские солдаты, врываясь в дом, убивали детей как бойцов. Это была страшная война. И когда французский маршал вступил в мертвый город, он вскоре послал Наполеону донесение: пусть тот делает с ним, что хочет, но маршал не останется здесь, так как с женщинами и детьми больше воевать не может.

Вот какие были испанцы уже сто лет назад.

Они боролись с Наполеоном без перерыва пять лет. Были и такие случаи. Однажды французский отряд занял испанскую деревню. Она была пустая: все жители спрятались по лесам. Солдаты вошли в одну избу и увидели молодую женщину, а на руках у нее ребенка лет четырех. Больше в избе никого не было. Они нашли здесь разные припасы: колбасу, ветчину и хлеб. Голодные французские солдаты готовы были тут же броситься на еду, но офицер удержал их. Деревня точно вымерла, в других избах не было ни крошки хлеба, а тут и хлеб, и колбаса, и ветчина. Это показалось ему подозрительным: офицер знал случаи, когда испанские крестьяне предлагали французам отравленное молоко. Тогда он приказал женщине самой попробовать пищу. Она отрезала кусок хлеба и с'ела. Он приказал ей с'есть кусок

Церковь на улице Мендизовал, в Мадриде. Церковь разрушена фашистами во время воздушной бомбардировки. Так мятежники разрушают города Испании!

колбасы. Она и это сделала. Солдаты уже хотели начать есть. Но офицер все еще не верил женщине. Он предложил ей накормить своего ребенка. Она и ребенку дала. Только тогда офицер позволил солдатам есть. Но не прошло и полутора часов, как все они в страшных мучениях умерли: и французы, и ребенок, и мать. Оказалось, женщина нарочно осталась в доме, чтобы истребить хоть нескольких неприятельских солдат, и отдала за это свою жизнь и жизнь своего ребенка.

Так отчаянно сопротивлялась Испания Наполеону. У него была армия в шестьсот тысяч человек. С помощью трехсот тысяч он держал в повиновении всю Европу, и только для покорения одной Испании должен был послать другую половину своих войск. Так до конца он и не покорил испанцев.

Народ-герой

С тех пор прошло сто лет. За это время испанский народ несколько раз поднимался на войну, но уже против своего собственного врага внутри

Бои на подступах к Мадриду. Быстро перебегая под прикрытием полуразрушенных стен, республиканские бойцы двинулись в атаку.

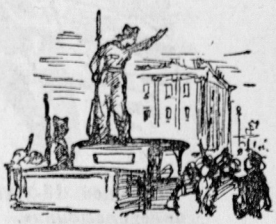
страны—помещиков и попов. Испанцы выдержали за последние сто лет четыре гражданских войны. И всякий раз это были отчаянные, кровопролитные войны, всякий раз война длилась по пять—шесть лет.

Гражданская война была в последний раз в Испании шестьдесят лет назад. Но тогда испанцы боролись против помещиков и попов не за республику, а за конституцию: они боролись за свободу печати, собраний, они требовали ограничить власть короля народным представительством. И в эту войну народ проявил чудеса храбрости. Случилось, что восставшие однажды засели в церкви. Тогда королевский генерал спросил священника этой церкви, можно ли ее сжечь, угодно ли это будет богу. Поп сказал, что церковь можно сжечь, — там сгорит столько грешников, что бог утешится. И генерал церковь сжег.

И вот сейчас испанский народ опять бьется за свою свободу.

И в нынешней войне испанцы показали себя такими же храбрецами, как и на протяжении всей своей героической истории. Испанцы—суровые, твердые люди. Такими их сделала история.

Республиканцы говорят, что они давным-давно закончили бы эту войну, если бы мятежникам не помогали фашисты—немцы, итальянцы, португальцы. Португалия—маленькая страна и сама ничего не могла бы сделать. Она помогает германским и итальянским фашистам тем, что предоставляет им свои порты. В особенности же много несчастий причиняют испанцам немецкие фашисты. Они не щадят даже детей. В Испании тепло, школьники там и поздней осенью и даже зимой завтракают во дворе. И именно этот час выбирают фашистские летчики и сбрасывают в школьные дворы бомбы. Совсем недавно около школы бомбой было убито двенадцать ребят.



Фашисты хотят довести испанский народ до отчаяния. Генерал Франко взял в плен сына председателя испанского правительства Ларго Кабальеро и расстрелял его. Фашисты варварски уничтожают памятники испанской старины. Они разрушают древние замки, построенные еще арабами.

Но республиканцы бьются бесстрашно, и можно с уверенностью сказать, что если с испанцами не справился даже сам Наполеон, то Гитлеру покорить их и подавно не удастся.

Письмо отцу на фронт

Жорж Дрейфус, французский журналист, сражается в Испании в интернациональной бригаде. Он прислал нам письма ребят к своим отцам, которые также сражаются в Испании против фашистов, и рисунки испанских ребят, напечатанные в испанской газете.

Мы печатаем здесь эти письма и рисунки.

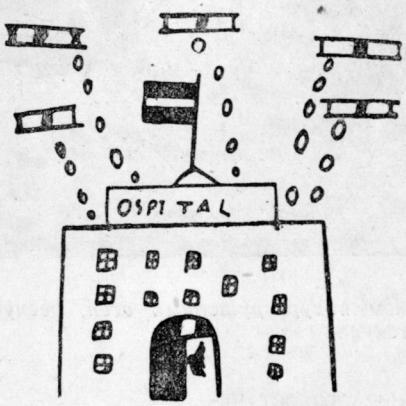


Рисунок Эмилио Сориа, мальчика 11 лет. На здании написано: «Госпиталь». С фашистских самолетов на здание сыплются бомбы.

Рисунок 14-летнего Х. Санчис «На поле сражения».

Альбасет, 6 декабря 1936 года.

Обозный интернациональной бригады только что роздал письма. Мне — ничего. Надо видеть радость тех, кто получил известия, их сияющие лица.

— Я получил письмо от своей дочки,— говорит мне высокий Марсель,— прочти-ка.

И я читаю.

«Рубэ, воскресенье 10 ноября.

Милый папа!

Я слушаюсь мамы. Мама думает о тебе и я тоже. Собака Кики укусила меня около глаза. Тогда мама, рассердившись, отдала ее. Мама хочет купить мне пальто. Она сделает все возможное, чтобы достать мне пальто к новому году. Птичка еще жива. Она поет для тебя, папа. В субботу мы пойдем в кино, а в воскресенье к тете с воздушным шаром. Мама не может спать. Я ее утешаю, но она думает о тебе. Папа, я работаю хорошо и дома и в школе. Я опять вышла на хорошее место: я четвертая в классе. Мама плачет о тебе и я тоже и птичка тоже. В письме есть карточка, ты ее береги. Женевьева, твоя дочка, посылает тебе крепкие поцелуи и мама тоже. Милый папа, я думаю о тебе, не давай себя убивать. Мы видели в кино, в хронике, Испанию, мы видели большого человека в остроконечной шапке, я подумала, что это ты. Папа, думай обо мне, твоей дочке, которая тебя любит, и о твоей любимой жене, которая тебя тоже любит. Мы храним карточки, которые ты нам присылаешь. Привет из Рубэ. В четверг я пойду к Луизе. Все думают о тебе.

Женевьева, которую ты любишь».

Каждый хочет поделиться своей радостью и своей гордостью со всеми товарищами, и письма детей передаются из рук в руки, как общая радость всей бригады добровольцев на фронте свободы. Вот еще два письма, которые заставляют нас улыбаться от волнения.

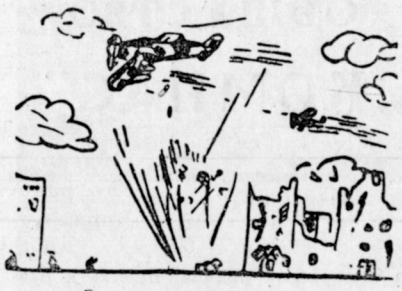
«Баньолэ, 29 ноября 1936 года.

Милый папа, вот новости о нас. Вчера вечером, в субботу, мы были как всегда на празднике. Входя на праздник, все подходили к моей мамочке, чтобы спросить об известиях от тебя, минутами она была очень тверда, она передала всем товарищам хорошие известия о тебе. Но я видела, как у нее тяжело на сердце. Минутами все шло хорошо, но когда она услышала музыку, слезы показались у нее на глазах. Я подошла к маме, чтобы ее поддержать, она

мне ответила: «Ты права, моя девочка». Праздник прошел хорошо. Милый папа, мне уже нечего больше рассказывать тебе, потому что мама пришла с письмами для Испании. Я думаю, что тебя порадует, что мама хлопочет о мире, о мире и о свободе. Не проходит ни одного вечера без разговора о тебе. Мама спрашивает каждый час: «Где-то сейчас папа?» Я слушаю ее, но не отвечаю.

Постарайся быть сильным и очень храбрым, чтобы уничтожить варварский и убийственный фашизм. Победа будет за нами, и мы скоро увидимся. Теперь я прощусь с тобой, посылая тебе самые нежные поцелуи.

Твоя маленькая Ивонна и твой маленький Анри, которые думают о тебе. Главное, пиши маме почаще».



Это воздушный бой. Рисовал Х. Санчис.

«Монтрей, 29 ноября 1936 года.

Милый папа! Бабушка благодарит тебя за твою открытку, которую она сегодня получила. Папа, я иногда бываю нехорошая с бабушкой. С тех пор как ты уехал, я ей даже лгала и я была нечестная. Бабушка была очень огорчена. Я ей обещала, что больше не буду. Вчера бабушка говорила с учительницей, которая ей сказала, чтобы я побольше читала, потому что у меня плохо по французскому, и хорошо по арифметике. Учительница недовольна мной из-за уроков. Я говорила, что мне ничего не задано. Теперь, папа, я хочу исправиться. Целую тебя крепко.

Твоя маленькая Жакелина».

Итальянский милиционер получил письмо от своего 12-летнего брата, который живет во Франции со своими эмигрировавшими родителями.

«Милый Сореро!

Я вернулся из деревни. Я с радостью узнал о твоей храбрости в решительном бою, твоей и всех наших, итальянских и испанских братьев, которые борются с героизмом против диких и трусливых зверей — врагов испанского народа. Предсказываю тебе полную победу над международным фашизмом. Я тебя уверяю, и я тебе обещаю следовать твоему примеру в школе. Я сделаю все, чтобы быстро выучиться и поехать на битву, которую вы ведете на фронте свободы. Несмотря на мой юный возраст я сделаю все для нашего идеала и чтобы обеспечить большую победу над этой бандой разбойников. Целую тебя крепко, сын большой семьи рабочих и крестьян всего мира

Роберт».

Эту картинку рисовал 11-летний мальчик Х. Бадца. Здесь все: и орудие, и самолет, и проволочные заграждения, и сестра, поднимающая раненого республиканца.

Дорогие друзья! Пожалуйста, пишите мне. Имейте сожаление к красному солдату, который не получает писем. Привет.

Жорж Дрейфус.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „КОМПАС“

Известия Географического общества читателей журнала „Пионер“ № 9

Велика наша прекрасная родина. Велика и разнообразна. Около двухсот разных национальностей живет на ее равнинах и горах, в лесах и степях.

Одиннадцать союзных республик об'единились для совместного строительства новой, счастливой жизни в могучий Советский союз.

В течение года мы расскажем вам о каждой из этих республик. В этом номере армянский писатель В. А. Ананян рассказывает о Советской Армении, о прекрасном Айастане, как называют армяне свою страну.

Цветущий Айастан

В. Ананян

Что видно с вершины Арагаца?

Чтобы увидеть Армению — этот счастливый и цветущий уголок нашего великого Союза, — я поднимаюсь на самую высокую из четырех вершин горы Арагац.

И вот мы на вершине, на высоте 4104 метров. Под нами вся страна, со своими глубокими ущельями, пенистыми реками, бирюзовыми озерами и пышными долинами.

Середина августа. У подножья горы, наливаясь сладостью в южном зное, зреет арбуз, а здесь, на вершине, мы дрожим от горных ветров. Ниже, на тропинках и в расщелинах северных склонов горы, белеют пятна нерастаявшего снега. Оттуда текут ручьи и дают жизнь вновь взошедшей траве и подснежникам. Да, подснежникам в августе. Еще ниже начинаются альпийская растительность и цветы, бесчисленные пестрые цветы на бархатных лугах.

Мы смотрим на север, на высоты Карахача и Спитака, на величественный Ахмаган, на окутанный фиолетовой мглой дальний Локи, Лалвар и Маймех, на старый Двал, через который перевалил Пушкин, проезжая в 1829 году в Эрзерум. Как много в горной Армении лугов!

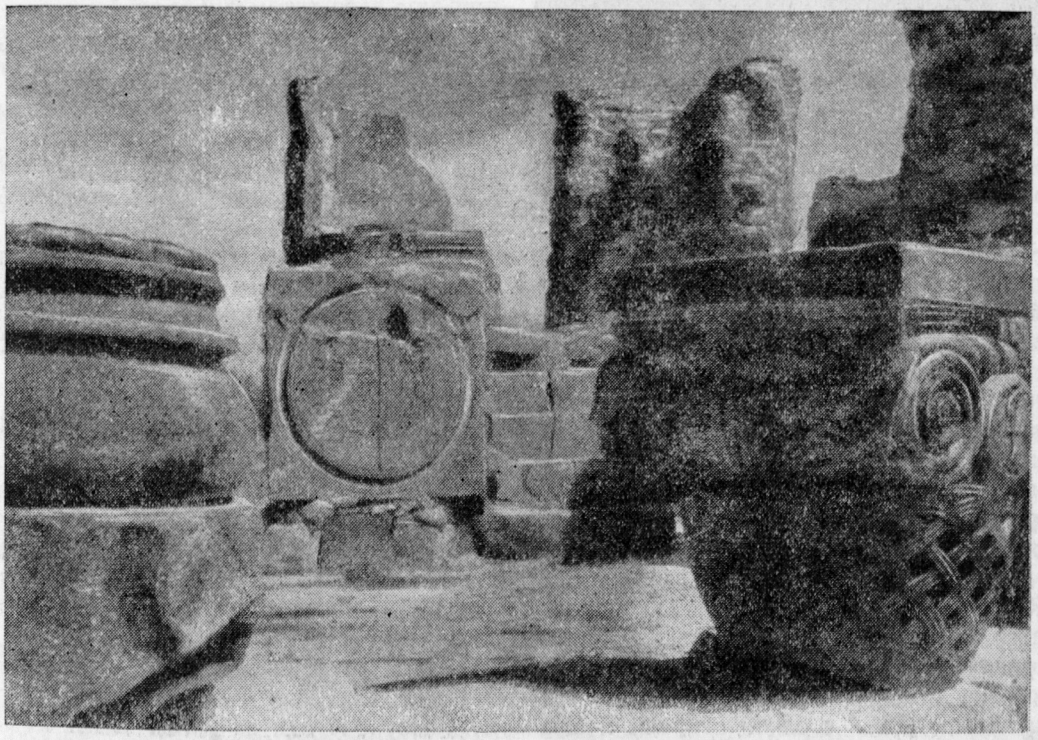
На севере, у границы с Грузией, светло-зеленая панорама альпийских пастбищ переходит в темно-зеленую. Там вековые леса на склонах тех гор, что подымаются по северным границам Армении, начиная от ее восточной части до западной—до самой долины реки Куры. В этих лесах, держа ухо по ветру, пасутся стройные косули.

На юго-востоке—большие леса Зангезура, где деревья ломятся под тяжестью диких груш, яблок, грецкого ореха и множества других плодов и где в неприступных ущельях под деревьями пожирает эти плоды медведь.

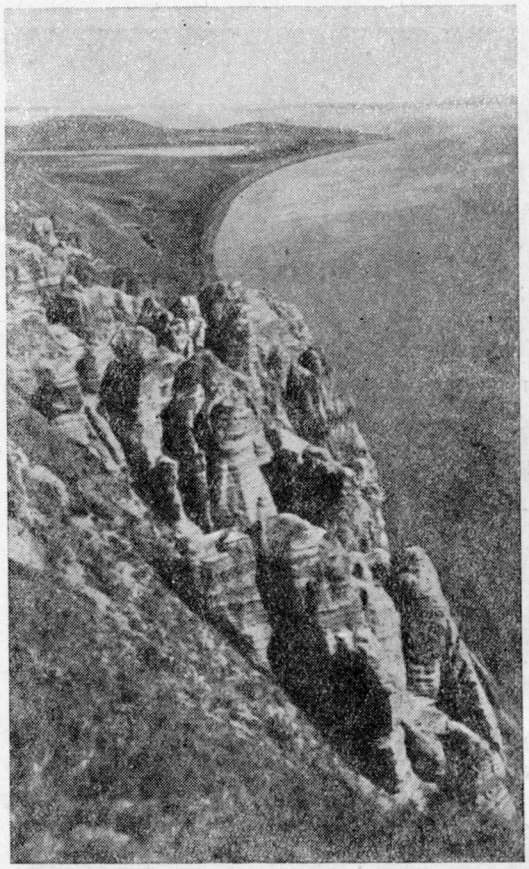
С запада на восток идут горы, лишенные лесов, но богатые цветами и травами. Эти горы в центральной части Армении смыкаются в круг и обнимают чудесное, улыбающееся озеро. Такого большого озера на такой высоте нет нигде в мире—1925 метров над уровнем моря. С вершины Арагаца оно виднеется, словно блюдо, наполненное расплавленным серебром,—это озеро Севан. Длина его — 75 километров, ширина — 35. Вода его прозрачна и вкусна, как вода источника.

Поэтому в озере живут форели, рыбы, привыкшие к проточным водам горных ре-

На прекрасных горных лугах Армении пасутся бесчисленные колхозные стада.



Развалины храма 7-го века в окрестностях Еревана. На камне высечены солнечные часы.



Саракалинский утес на озере Севан.

чек. Эти серебристые, с красными пятнышками рыбы занимают почетные места на столах даже в далеком Париже.

Сверкающий серебряный пояс тянется от озера вниз, на юг, к Араратской долине. Это Занги. По плоскогорью течет она спокойно, а затем, встречая скалы Арагаца, бешено несется, пенясь и гремя в ущельях.

Наш взор скользит вниз, по течению Занги, и задерживается на горной цепи. Эта голая и скалистая цепь напоминает Иранские горы. Я часто охотился на серн в этих неприступных теснинах, где много пещер, куда с трудом пробирается даже волк. Ниже, на травянистых склонах, пасутся стада диких овец.

Южнее этих гор, с запада на юг простирается Араратская долина, через которую, сверкая на солнце, протекает самая большая река Армении—Аракс. Она чертит границу между СССР с одной стороны и Ираном и Турцией—с другой. По берегам Аракса далеко в обе стороны желтеют камыши. В них кишат стада диких кабанов и шакалов, вьют гнезда дикие утки, гуси и множество других птиц.

А там, на равнине, местами блестят, точно лысины, солончаки и кое-где виднеются голые пятна, покрытые колючками. А неподалеку от них, подобно синим артериям, тянутся оросительные каналы и дают жизнь отвоеванной от степи земле, вновь посаженным садам, прозрачному винограду, золотистым полям и посевам риса, арбузам, дыням и другим южным плодам.

Итак, перед нашими глазами вся Армения. В этой маленькой стране вы найдете и пустыни Средней Азии, и цветущие, вечнозеленые сады Грузии, и скалистый знойный Иран, и бархатные луга Швейцарии, и густые леса великого Кавказа.

По-разному живут люди в горах и в долинах, в лесах и на лугах. Но везде: на знойных хлопковых полях под Араратом, на берегах Севана, в темных лесах Казаха, под шатрами курдов, в тюркских селениях, приютившихся среди утесов, под красными крышами молокан — везде чувствуется биение одного и того же сердца, звучит одна и та же жизнерадостная песня.

Страна тысячелетней культуры

Странно! Почему человек, стоя на высокой горе, всегда волнуется, стремится душой в незнакомые дали, уносится в глубь веков и думает о мире, расстилающемся под его ногами?

И вот я здесь, на вершине Арагаца, стою и размышляю...

Каких только бедствий не видала эта страна когда-то! Какую культуру она оставила за собой!

Я возвращаюсь на двадцать столетий назад и вижу сверкание бронзовых панцырей и слышу грохот мечей в Араратской долине. Это войска римлян вступают в скотоводческую страну армян. Вот историк Ксенофонт, следующий за этими войсками, входит в хижину, пьет пиво из большого глиняного караса и записывает, удивляясь, в свой дневник:

«Какое прекрасное питье приготовляют армяне... Они выращивают даже виноградную лозу... И откуда у них такая культура?..»

В этой долине лежали цветущие города

чудесной архитектуры. Вулканы, землетрясения и вражеские нашествия разрушили великолепные здания, и современный человек с восхищением любуется тем, что от них осталось.

Еще недавно я был в Гехарте. Над глубоким ущельем висит крепость, выстроенная 1700 лет назад, и у ее подножья грохочет река Азат.

Как только люди в те древние времена могли поднимать на такую высоту громадные камни, каждый из которых мог бы быть грузом не меньше чем для ста телег?!

Тут же находится храм, построенный в 13-м веке и не имеющий равного себе по архитектуре: он выдолблен в огромной скале и сделан из одного, цельного камня. Его стены, потолок, купола, величественные колонны—все это составные части одной и той же скалы. Поэтому храм стоит целые столетия, не разрушаясь. Ниже храма, в долине, на семи холмах, в давние времена была расположена столица древней Армении—Арташат. Она была разрушена землетрясением и нашествиями арабов и сельджуков. Развалины ее извлечены теперь из-под земли. Перед нами остатки великолепного здания, выстроенного в 6-м столетии. Оно держится на четырех громадных колоннах, и на каждой из них высечен орел с распростертыми крыльями, высечен так тонко и искусно, что скульпторы 20-го века могли бы позавидовать.

На расстоянии 3 километров отсюда находится древний армянский монастырь Эчмиадзин, выстроенный в 3-м столетии.

Мы входим в ограду монастыря, идем в музей и библиотеку и поражаемся ее богатству. Это одна из знаменитейших в мире библиотек. Сюда часто приезжают из Парижа, Лондона и других городов ученые, интересующиеся вопросами археологии, языка и старой культуры Армении. В ней и в Ереванском музее—до 22 тысяч древних рукописей. И какие рукописи! Мы пробуем поднять одну из этих старых книг. Это по своим размерам целый сундук, весом около 2 пудов. Сколько сот телят было зарезано, чтобы из их кожи сделать пергамент для этой книги! Сколько лет сидел неутомимый переписчик и выписывал эти красивые и ровные, как типографский шрифт, буквы! И какие великолепные рисунки умели делать в средние века для этих книг! Тогда умели приготовлять такие чудесные растительные краски, что через многие сотни лет эти рисунки кажутся нам только что нарисованными. Секрет составления этих красок теперь утерян.

И в какое бы ущелье Армении вы ни забрались, вы увидите остатки крепостей, и, на какую бы гору ни поднялись, памятники старины, развалины дворцов и храмов безмолвно расскажут вам о древней культуре этого народа.

Ее создал народ, создал для армянских, персидских, турецких, татарских и русских тиранов, а сам страдал и погибал в нищете.

Великий армянский бунтарь, демократический писатель середины 19-го века Микаэл Налбандян писал:

«Прошлое нашего народа печально. Из его исторических памятников текут слезы. Настоящее нашего народа жалко. В нем громко говорят рабство и нищета».

И кто только ни топтал армянский трудовой народ железным каблуком! Начиная от армянских деспотов-венценосцев Багратидской династии, полчищ Чингис-хана, персидских сатрапов и кончая кровавыми генералами Романовых — все, все пришли и прошли через эту страну, оставляя за собой дым сожженных городов, деревень, плач, раны, черепа и слезы... И только теперь весело зазвенели песни на берегах лазурного Севана.

Никто так близко не видел и так глубоко не почувствовал трагедию армянского народа, как Сталин! И никто так сильно не радовался разрушению цепей армянского народа, как Сталин!

Народ этот стоял на краю бездонной пропасти — Сталин своей могучей рукой удержал его от падения. Этот народ не видел ни капли радости, из его песен текли отчаяние и тоска — Сталин утешил сердце многострадального народа, и радость зазвенела в песнях.

Армянский народ своим национальным возрождением обязан великому Сталину и его партии. Это великий Сталин, соратник бессмертного Ленина, выковал первую большевистскую организацию Армении и Закавказья. Сталин организовал борьбу трудящихся Закавказья против самодержавия и капитализма и вывел армянский народ на путь свободы и счастья.

Сталин—знамя армянского народа, его вера, его гордость, его счастье, его неиссякаемый источник радости.

Вот почему даже безграмотные старики на своем образном языке желают Сталину солнца и бесконечной жизни.

Побежденная степь

В Араратской долине сверкает, как сказочное зеркало, озеро Айгр-Лич. Сотни лет солнце палит окружающие выжженные равнины. Они изнывают от жажды, а холодные ясные воды озера остаются равнодушными к немым просьбам этих равнин.

Веками мечтал человек пустить озерную воду на эти голые степи, но преградой тому был низкий уровень озера. Будь он немного повыше, хотя бы на десять метров, окружающая голая степь превратилась бы в цветущий сад.

Леон Абгарян только что приехал вместе с 1800 иммигрантами из Франции, из Лиона. Он дышит здесь полной грудью. Смотрит он на озеро, на пышные сады Самагарской равнины, и его лицо сияет улыбкой счастья. Он подходит ко мне и спрашивает:

— Простите, для какой цели построено это здание, и что это за провода висят в воздухе? Ведь я знаю, здесь поблизости нет гидростанции.

Здание, о котором он говорил, выстроено на берегу озера, на скалистом холме. Я хотел ответить, но в это время до наших ушей донеслись грохот и шум.

— Вода на холме!—вскричал иммигрант и бросился бежать к зданию.

Я оглянулся и увидел, что каналы на холме наполнились водой. Здание на берегу—водопод'емная станция, первая в Советском союзе. Турбины поднимают озерную воду на холм, а оттуда она идет в оросительные каналы. А энергию подает ереванская гидростанция за 30 километров отсюда, из Зангинского ущелья.

Вода сверкает и блестит в далеких полях, среди виноградников, хлопковых плантаций, зеленых лугов, засеянных клевером,—всюду оживляя когда-то бесплодную степь.

Леон Абгарян оказался страстным охотником.

Мы пошли вдоль русла реки Сев-Джур.

Вот и устье Сев-Джура, впадающего в реку Аракс. Здесь возвышается ряд водокачек. При помощи электрической энергии они поднимают воду и посылают ее на изнывающие от жажды равнины. Мы встретили тринадцать таких водокачек и подошли к оросительному каналу Эвджиляр. С теплым чувством вспомнил я те дни, когда мы, непосредственно после гражданской войны, голодные, раздетые и разутые, строили этот канал.

Какая радость была в день открытия канала! Все окружающие села собрались сюда. Еще вода не была пущена в канал, как начался праздник. Играли на старинном инструменте «паркапзук»—на свирели, на зурне, кровь волновалась от гула бубнов и барабана, а сердце томилось от сладких звуков тары и каманчи, и весь народ водил хороводы и плясал. А под ивами собрался митинг.

В это время вдали показалось несколько крестьян, шедших вдоль канала. Они замахали шапками и закричали:

— Идет, идет!.. Ура!

Вода приближалась, неся в своих струях багряное сиянье солнца.

Собравшиеся на митинге ораторы умолкли.

Вода зажурчала, зашумела—оратором была теперь она... Многие в народе ударили шапками о землю, а некоторые, не снимая одежды, прыгали в мутную воду, крича от восторга.

Мы с Абгаряном, продолжая путь, дошли до плотины, где бушуют воды Аракса, бешено бьют в стены и, укрощенные, поворачивают в сторону Сардарабадского канала. Официально он не был еще открыт, но уже отвоевал у степи огромные пространства, где в шахматном порядке стоят сотни тысяч молодых персиковых деревьев, похожих на детей из детского сада. В их кудрях на высоте всего одного метра от земли улыбаются желтые, пронизанные солнцем плоды, свежие и сочные... Первый урожай...

Здесь созданы садоводческие и плодовые совхозы. Человек, вооруженный советской техникой, победил степь. Вековые солончаки, эта ржавчина земли, исчезли, унесенные водой Аракса, и степь превратилась в цветущий сад.

Мы у остатков древнего города Арташата. Здесь тоже были пески. В поле слышен какой-то глухой шум, и мы идем по его направлению. Перед нами в тучах пыли шумит и фыркает какая-то огромная машина. На трактор она непохожа, повидимому, это плуг. Человек у его лемеха стоит будто у сверкающей стены. Этот лемех шириной в три метра, его резак—больше метра.

Громадный лемех разрывает грудь степи, с начала мира не видавшей плуга, жует землю, как сказочный дракон, движется с диким грохотом и поворачивает огромные коричневые глыбы, наваливая их друг на друга подобно морским волнам во время бури.

Мы смотрим на эту чудо-машину — электроплуг—и понимаем, что именно сюда воды озера Севан посылают по проводам свою энергию, при помощи которой будут раскапывать землю для будущих виноградников.

Перед моим мысленным взором встает согбенный человек, который со времен Ксенофонта копал землю на этой равнине и сажал виноградные лозы. Он копал дни, месяцы и годы, а дело его еле-еле подвигалось вперед. Теперь эту землю пашут 3 метра в секунду, 180 метров в минуту, и машинист Тигран сейчас с двумя своими товарищами обрабатывает столько виноградных плантаций, сколько могли бы сделать вручную 12 тысяч человек.

И в этот день, куда бы мы ни шли по Араратской долине, мы везде встречали цементные оросительные каналы, видели чудесные сады, видели нового человека, с песнями наступающего на вековые степи.

Вечером, когда мы с утками у пояса возвращались домой, проходя через селение Паракар, сплошь в садах, Леон остановился и удивленно сказал:

— Ведь дашнаки-мазуристы и беженцы сожгли эти сады. Было очень холодно. Здесь, в деревнях, сколько было плодовых деревьев и виноградных лоз, все порубили и предали огню... Я помню Араратскую долину всю в кострах, будто кочевники остановились здесь на отдых.

— Друг мой,—сказал я,—после того как отрезали руку разорителя, большевики до основания изменили эту страну. Вот ты видел разорение только этой долины, а я тебе расскажу, что были уничтожены три четверти всех плодовых садов Армении, т. е. 8500 гектаров. А из виноградных насаждений осталось только 50%. Осушая болота и ведя борьбу с пустынными землями, мы по сравнению с 1922 годом утроили площадь виноградников, а плодовых садов — удесятерили. Мы отвоевали у природы уже 120 тысяч гектаров орошаемых земель. Строятся грандиозные каналы. Одни каналы в Киррах отнимут у степи 56 тысяч гектаров новой земли, Малосардарабадский канал—22 тысячи гектаров, а будущий Большой Сардарабадский канал даст нам 113 тысяч гектаров великолепной земли под хлопок, виноград, абрикосы и персики. Будут выстроены другие каналы и осушены Зангибасарские болота, и не пройдет много времени, как наша страна превратится в чарующий сад.

История сохранила нам много рассказов об орошении страны.

Супруга сюнийского князя София ровно тысячу лет назад, в 936 году, провела оросительный канал из Базарчая в Даралагез, и на каменном столбе она велела выбить анафему той деревне, тому крестьянину, который осмелится оросить свое поле этой водой. Она выстроила в ущелье Гендеваза монастырь и предоставила только ему право пользования этой водой.

В 1900 году монахи Татевского монастыря в Зангезуре провели оросительный канал руками крепостного крестьянства и велели выбить на камне:

«Пусть пойдет в ад душа и исчезнет с лица земли род того, кто осмелится оросить свое поле этой водой».

Курьезный случай! Чтобы получить право на ремонт Эчмиадзинского оросительного канала, пришлось просить разрешения у царского правительства в течение многих лет, начиная с 1867 года. Только в 1911 году, через 44 года, последовало разрешение!

40 лет тянулось дело о получении разрешения на проведение питьевой воды в селение Карби, но из этого ничего не вышло. В прошлом же году эта вода была проведена в течение двух месяцев, и не только для Карби, но и для окружающих 23 деревень.

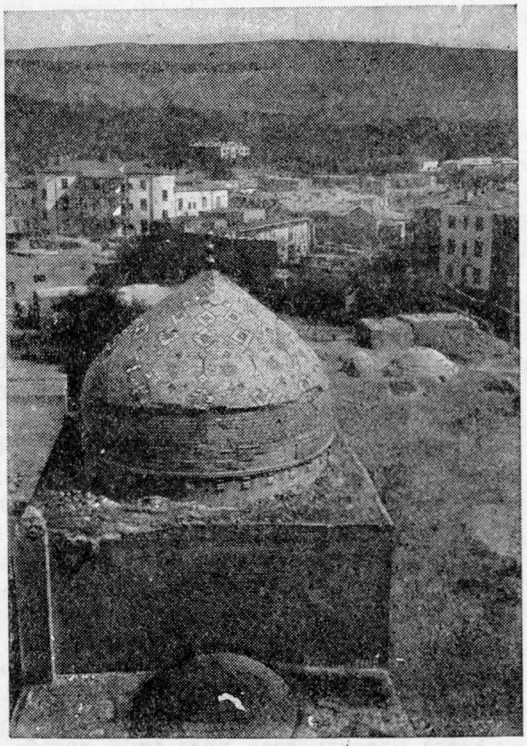
Мы стояли на холме, и перед нами тонула в багряных лучах заката Араратская долина. С колхозных хлопковых полей возвращались с веселыми песнями колхозники.

— Вот веселятся-то!—сказал мой спутник. — Видно, урожай хлопка у них хорош.

— Уж не знаю, хорош ли, только бригада орденоноски Забель Будагян дает стране больше хлопка, чем имела вся дашнакская Армения в 1919 году...

Там, где шумят горные воды

Интересным человеком оказался мой новый знакомый, Леон Абгарян. Для меня самые любимые занятия—охота и путешест-



На переднем плане старинная, полуразрушенная мечеть, а сзади новые многоэтажные дома.

ения. Оказалось, что они так же милы сердцу моего нового друга. Подобно человеку, только что вернувшемуся из ссылки, он загорелся желанием осмотреть все уголки Армении, до последнего кустика.

— Поедем в Зангезур на охоту,—попросил он меня однажды.

Я охотно согласился, так как Зангезур—самая красивая гористая местность в Армении и она богата дичью.

Наш автомобиль поднялся по вновь проведенным извилистым дорогам на склоне гор, миновал Даралагезский перевал и затем стремительно спустился вниз по зеленому ущелью. Вдруг мы услышали сильный шум и вскоре под'ехали к большому Шакинскому водопаду, где на миг нам показалось, что с огромных скал ниспадает поток лучистых алмазов. Волны грохотали под чудесным водопадом, и все семь цветов радуги играли в водяной пыли. Из здания, стоящего у водопада, тянулись электрические провода на юг, к далеким утесам, к неприступным скалистым склонам гор, где с незапамятных времен раскинулись зангезурские деревни.

Наш автомобиль помчался дальше, по сжатым полям, но вдруг неожиданно остановился.

— Что случилось?

— Мы над пропастью,—ответил шофер.

— Какая может быть пропасть на этой равнине?

Я слез с машины, прошел несколько шагов вперед и ужаснулся: под моими ногами, действительно, было глубокое ущелье. С его дна по бокам поднимались вверх остроконечные скалы, похожие на сахарные головы, словно природа, этот великий мастер, пропустила их все поодиночке через токарный станок—такие они были все одинаково гладкие и ровные. Ущелье было настолько глубоко, что в сумерках я еле разглядел его дно. В скалах этого ущелья были разбросаны сотни пещер с деревянными дверями. Некоторые из пещер были набиты сеном и соломой, а в других жили люди. Туда по узким тропинкам над пропастями пробирались люди и скот. В этих пещерах жило около тысячи семейств.

Здесь в былые века прятались преследуемые врагом люди. Они выгоняли медведей и горных коз из пещер и поселялись в них сами. Когда-то в пещерах находили приют храбрые сыны этой гористой страны—красные партизаны, защищавшиеся от нападения дашнаков.

Ошеломленный, смотрел я на эту сказочную «деревню», на эти фантастические скалы и пещеры и забыл на миг настоящее. Мне показалось, что я в восьмом столетии, в век лука и стрелы. Но шум молотилки поблизости отрезвил меня. Мы с удивлением заметили, что вытекающий из отверстия машины желтый пшеничный ручеек стекал в щель, зиявшую на краю гумна.

— Куда ссыпается эта пшеница?—спросил мой товарищ.

— В колхозный амбар,—ответил человек с обсыпанными пшеничной пылью ресницами.

— Какой же может быть амбар под землей?

Колхозник равнодушно улыбнулся и показал рукой вниз. Мы, держась за камни, спустились в ущелье. Под скалой мы нашли дверь, открыли ее, вошли и увидели тот же пшеничный ручей, лившийся сверху в этот огромный амбар-пещеру...

Много поразительного есть в Зангезуре. Мы в дальнейшем видели деревни, где было

множество таких же обточенных скал, похожих друг на друга, в которых жили люди. Но рядом с ними мы видели на равнине уютные, светлые новые здания — жилища нового человека.

Колхозная деревня выходит из горных пещер на равнину. Это символ того, что наша жизнь, культура и счастье, которые были закованы в темных пещерах, теперь могучей рукой партии Ленина — Сталина выведены на светлый и свободный путь...

Я думал об этом, сидя на остром обломке скалы и наблюдая резкие контрасты старого и нового: здесь медвежье логово, а там хорошенькие домики с красными крышами, молотилки, тракторы и огромный трансформатор на склоне горы, протянувший свои медные провода от скалы к скале. Два века рядом — пятый и двадцатый.

Со дна ущелья медленно поднимались вверх сумерки. Скалы исчезали в густой темноте. В пещерах зажглись электрические огни, и глубокое ущелье сделалось еще страшнее и фантастичнее.

Ошеломленные этой необычайной картиной, мы слушали доносящуюся из пещер душераздирающую мелодию восточной тары, симфонию радиоприемников и марши патефонов.

Потом, уже на лошадях, мы поехали по берегу реки Джрахор в сторону ущелий и высоких скал горы Хустуф, где орлы вьют гнезда и медведь глухо ворчит под орешниками на берегу реки.

Наконец, наши покрытые пеной лошади довезли нас до высоких скал Хустуфа, до дикого ущелья. Здесь одиноко живет в деревянном домишке мастер канала Али. Он наблюдает за плотиной и регулирует течение реки. Стоит ему опустить шлюз или вовремя не починить трещины в канале, как далеко отсюда, на медном руднике, перестанут работать молоты и остынет медь в плавильных печах.

Мы вместе с Али шагаем по берегу канала.

— Хорошо жить среди природы, не правда ли?—спрашиваю я у Али.

Он отвечает не сразу.

— Хорошо-то хорошо,—наконец, говорит он,—но газеты попадают сюда слишком поздно. А зимой мы совершенно оторваны от мира. Газетные новости узнаю я по телефону из Кафана. А потом медведи, братец ты мой... И нужно же было на вершинах этих гор строить гидростанцию! День и ночь у меня страх в сердце от этих проклятых медведей!

— Неужели так близко медведи?—спросил Леон.

— Какое там «близко», чудак! Дня не проходит, чтобы они не падали в канал. Ведь ущелье этой гидростанции было их обиталищем. Когда ее построили здесь, они рассердились, заворчали, ушли на верхние утесы и поселились там...

Наверху, совсем близко от нас, раздался ружейный выстрел.

— Ну вот, слышите? Это, верно, колхозный чабан в медведя стреляет.

В эту минуту кустарники зашевелились, раздался удаляющийся треск, и все замолкло. Вероятно, это удирал раненый медведь.

— Однажды, задумавшись, шел я по зеленому берегу,—заговорил снова Али,—и вдруг увидал огромного медведя, который с рычаньем шел на меня и в то же время все оглядывался на канал; подойдя к берегу, он стал окунать лапу в воду и завыл. Смотрю я—и что же вижу: по воде несется другой медведь, да не медведь, а целая скирда! Несчастный цепляется лапами то за один берег, то за другой, но выкарабкаться никак не может: цементные берега гладки. Я бросился в кустарник. В конце концов оба медведя очутились в бассейне электрической станции. Тамошний сторож выстрелил им прямо в лоб и двумя пулями распластал их в воде.

Вот в какой удивительной местности выстроена одна из гидростанций Армении!

Но потом мы увидели еще более поразительную гидростанцию.

На следующий день со шкурой медведя мы спустились с горы Хустуф и вернулись в Ереван; после однодневного отдыха мы отправились в ущелье Занги, недалеко от города.

Я захотел удивить своего приятеля постройкой гидростанции, но и сам был поражен.

Она находится недалеко от знакомой мне ереванской гидростанции и работает без помощи людей, автоматически. И что только ни делается у нас под носом, а мы часто не видим этого! Вот стоит оно перед нами, это серое здание, в зеленом ущелье, где Занги, ударяясь о базальтовые берега, делает красивый поворот. Милиционер—единственный человек, которому поручена охрана этой станции.

— Станция отпирается один раз в два

Курдянки в национальных костюмах.

месяца,—об'ясняет нам милиционер,—и то лишь для возобновления смазочного масла. В остальное время никто не видит в глаза эти машины, а только слышит их шум.

— А кто руководит машинами?

— Техник.

— Где же он находится?

— Вон на той гидростанции,—отвечает милиционер, показывая рукой по направлению ущелья.

— Простите, а если вдруг на станции случится какая-нибудь авария?

— Подумали и об этом,—улыбаясь сказал милиционер, — в таких случаях автоматически подается сигнал на верхнюю станцию: начинает гудеть сирена, точно призывая на помощь. При этом автоматически выключается турбина, вода меняет течение и станция моментально останавливается... Это единственная в своем роде во всем Союзе станция, — гордо заключил милиционер, прощаясь с нами.

В ущелье мы стреляем диких голубей, затем выгоняем из-под кустов зайца и преследуем его вверх по ущелью. Перед нами среди скал открывается черная пасть, откуда вытекает громадная река. Это тунель, настолько широкий, что по нему мог бы промчаться целый поезд. Один из самых длинных туннелей в Союзе—6 километров, прорытых в скалах...

Под утесами раздаются взрывы. Ущелье гремит, земля содрогается под нашими ногами. Последние удары. Канакирская гидростанция, этот гигант Закавказья, обладающий мощностью, в два раза большей чем все гидростанции Армении, взятые вместе, уже готова. Позже она будет давать энергии в 60 раз больше чем все гидростанции Армении до революции...

Канакирская гидростанция готова, и уже чувствуется во всей стране ее огромная революционизирующая сила. Это первая станция Севано-Зангинского каскада. В Зангинском ущелье начиная от озера Севан до Еревана будут выстроены еще девять таких гигантов. Экскаваторы уже работают на постройке Чирчиргэса. Если бы работа всех этих станций была произведена человеческой силой, то для этого понадобилось бы 17 256 тысяч рабочих, другими словами, в 60 раз больше людей, чем сейчас живет в Армении.

Прозрачные воды Севана, бесполезно дремавшие веками в об'ятьях гор, с огромной силой гонят ток по медным проводам во все стороны Армении.

Завтра он пробежит все Закавказье, присоединится к электростанциям братской Грузии, и его силой помчатся поезда через Сурамский перевал, по зеленым долинам Абхазии, по Лорийскому ущелью Армении. Базальтовые скалы в Ереване будут расплавлены. Давалинские крутые скалы превратятся в автомобильные камеры, покрышки и калоши. Электроплуги загудят на полях. Чабан Абель поднимет в гору свое стадо на трамваях, и житель зангезурской пещеры Ованим с помощью электрического прибора почистит свои ботинки и отправится в оперу...

Вот как Сталин претворяет в жизнь великий ленинский план электрификации даже в отдаленной Армении! Вот как он выдвигает вперед в прошлом угнетенную и растоптанную страну!

Страна одевается в броню

Куда бы мы с Леоном Абгаряном ни шли на охоту, в какие бы далекие уголки Армении ни заглядывали,—везде мы встречали человека, ведущего борьбу с природой. Мы видели воронежские сортировочные маши-

ны, перевозимые в разобранном виде на осликах по тропинкам Кафанских гор. Видели ростовские комбайны на возвышенностях Агбабы, на высоте в 3 тысячи метров над уровнем моря, где уже в августе бывают заморозки. Мы видели челябинские тракторы на берегу Аракса, а на другом его берегу, в Турции, стояли собравшиеся крестьяне и с любопытством разглядывали необычайных драконов. Ведь на том берегу пока господствуют сохи, серпы, нужда и грязь. Во всех уголках нашей страны мы видели дружественные руки других республик нашего великого Союза: РСФСР, Грузии, Азербайджана.

Мы продолжали странствовать с Леоном по стране, и где мы ни бывали, он не узнавал ранее виденные им места. Говорят, что в день своего приезда он не узнал Еревана, где провел свои юношеские и молодые годы. Не таким Ереван был раньше. В год от'езда Абгаряна заграницу здесь ютились толпы полуголодных, больных беженцев, об'ятых ужасом. Мать заражала сына, брат заражал сестру, сестра—соседку. Эпидемия схватила город за горло. Леон знал, что в эти годы в Армении умерло 40% всего населения—430 тысяч человек!

Теперь перед ним прекрасный город—с новыми заводами, красивыми зданиями, с драматическими и оперными театрами, трамваем, великолепными памятниками, с институтами, техникумами, с веселыми бульварами.

Леон знал из заграничных газет, что Ленинакан—второй по величине город в Армении — был разрушен землетрясением, и он был поражен, когда увидел вновь выстроенный вдвое больший город, со своими знаменитыми текстильной фабрикой и мясокомбинатом, которому может позавидовать Чикаго.

Наконец, мы побывали и на Алавердских медных рудниках, на Кироваканском химкомбинате, в замечательных домах отдыха на острове Севанского озера, на изумительных курортах Делижана и Арзни. Были мы на альпийских пастбищах, где пасутся колхозные стада овец и коров, где на зеленом фоне выделяются своими красными крышами заводы, вырабатывающие лучший швейцарский сыр, и всюду мы видели творения освобожденного человека с улыбающимся лицом, поющего веселые песни.

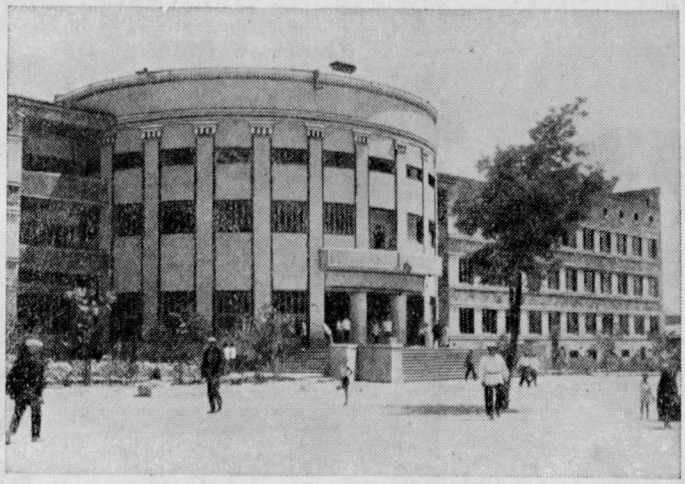
Мы видели страну, покрытую сетью школ, и узнали, что 96% населения грамотно. Видели, как деревни до основания строят заново и как всюду насаждают деревья и цветы.

Видели мы тоже, как братски помогают друг другу враждовавшие прежде народы: армяне, тюрки, грузины, курды, русские и ассирийцы.

Мы почувствовали, что всем руководит одна и та же рука, везде бьется один пульс и по артериям страны кровь течет жизнерадостно и обильно.

Вот почему иммигрант Леон от всего сердца сказал:

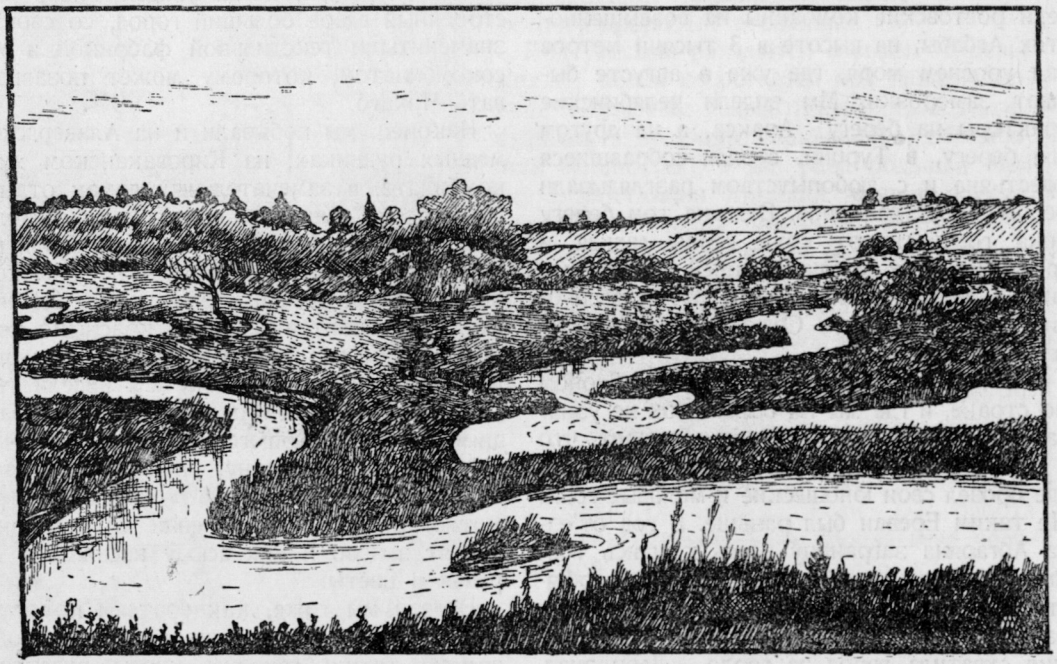
— Я оставил развалины, а нашел цветущий рай. Вот моя настоящая родина. Слава партии, воскресившей ее!



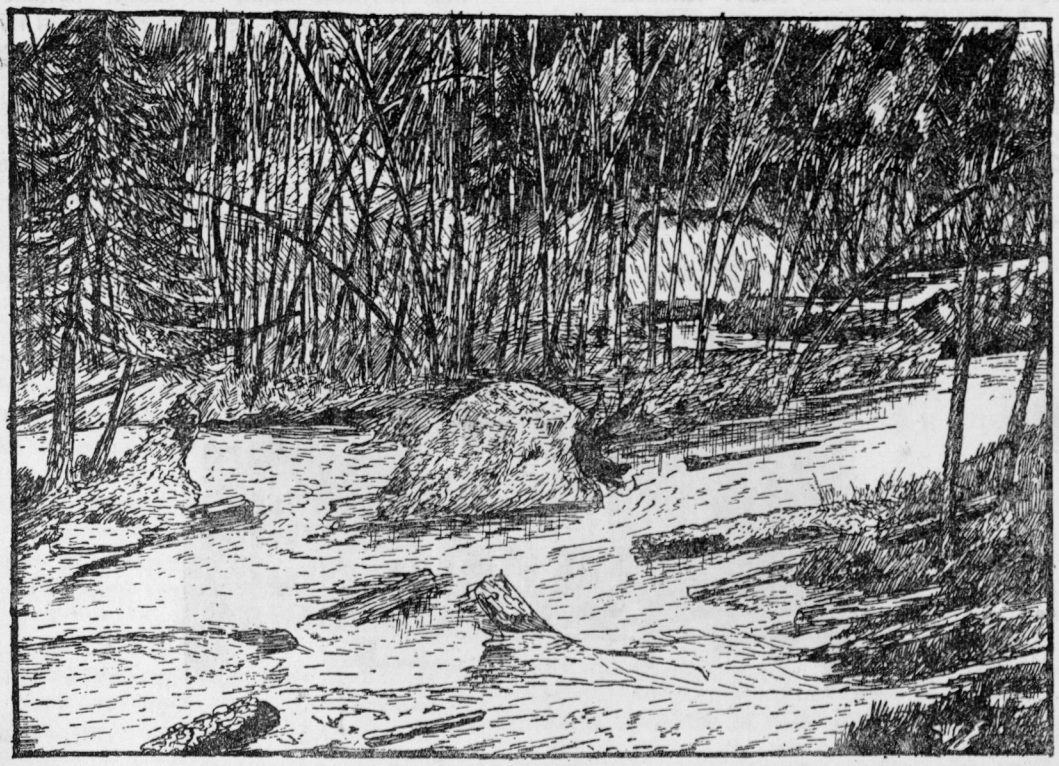
Ленинакан, разрушенный землетрясением, отстроился заново. На снимке: здание горсовета.

Конкурс на лучшие рисунки, карты и фотографии

Рисунки Юры Мазинга (г. Борисов, БССР)



Река Неманичка, среднее течение.



Верхнее течение той же реки.

Дерево—разрушитель гор

Фотография на конкурс

Этот снимок сделан мною в горах Тюлькубаса. На снимке — интересное горное растение арча. Оно растет на высоте в 500—1000 метров и очень неприхотливо. Вклиниваясь своими мощными корнями в щели скал, арча помогает разрушать горы.

Кроме того я сделал на конкурс карту Тюлькубасского района.

Для с'емки карты я выбрал 3 пункта, расположенных на большой высоте.

На карте показана долина, шириной около 20 километров.

Виктор Федорчук
Станция Тюлькубас, Казахстан

Конкурс продолжается

31 декабря наш конкурс на лучшие рисунки, карты и фотографии закрылся. Мы получили очень много интересных работ.

Жюри конкурса решило, что самые лучшие рисунки прислал Юра Мазинг из города Борисова (БССР). В своих рисунках, сделанных с натуры, Юра передает характерные особенности Борисовского района. Часть его рисунков мы поместили в этом номере журнала. Юра получает первую премию — фотоаппарат.

Вторая премия — готовальня или набор красок. Мы решили таких премий дать две. Одну из них получит Юра Коринец (Москва) за рисунки, сделанные на Кольском полуострове. Некоторые его рисунки вы видели в № 12 «Пионера» как иллюстрации к его же письму. Другая премия присуждена Вите Федорчуку (Тюлькубас, Казахстан) за фотографию арчи и карту.

Третью премию — полевую сумку с планшетом и компасом — получает Боря Свиридов (Челябинск) за хорошо составленную карту.

Четвертую премию — подписку на «Пионер» на год — за рисунок и карту, которые были помещены в № 11 «Пионера», получают Андрей Анохин и Витя Сазонов (станция Лоухи, Кировской железной дороги).

Пятую премию — подписку на «Пионер» на полгода — получает Боян Рябов (город Куйбышев) за серию фотографий «Жигулевская кругосветка».

Премии высылаются.

Конкурс закрыт, но мы продолжаем получать от ребят работы на конкурс. И поэтому мы решили его продлить до 1 мая. Условия конкурса остаются прежние. Они были напечатаны в № 9 «Пионера» за 1936 год.

Присылайте свои работы, ребята.

Ваши рисунки, ваши карты и фотографии показывают города, реки, озера, леса и горы нашей родины и помогают точнее, лучше узнать ее.

Байкал

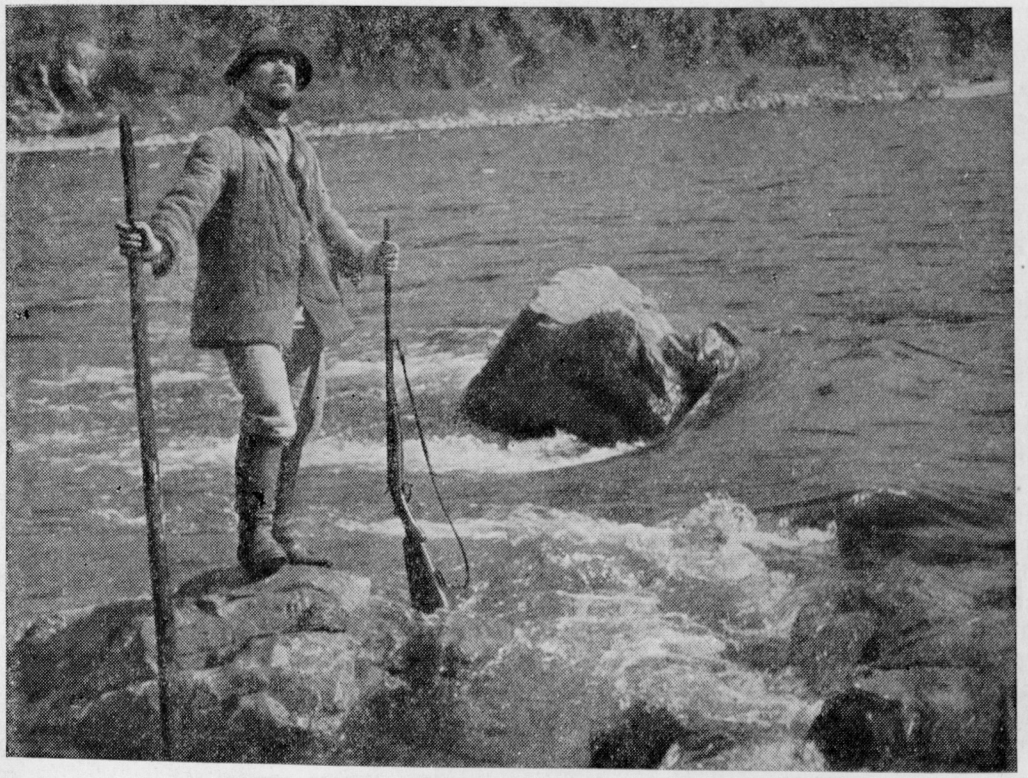
Очерк и фотографии Черемных и Ковригина

Огромен, как море, Байкал.

В народной песне поется «Славное море, священный Байкал». Китайцы, которым с древнейших времен был известен Байкал, называли его «Пэ-хой», что значит Северное море. Морем — «Далай-нор» — называли его и монголы.

И в самом деле, это озеро подобно морю: от берега до берега в ширину 70 километров; длина Байкала—623 километра, а глубина местами достигает почти 2 километров. По об'ему воды оно уступает только одному озеру, за которым еще прочнее утвердилось название моря, — Каспийскому. 336 рек впадают в Байкал и непрерывно пополняют его бассейн, и только одна Ангара забирает из озера излишек воды.

Над этим водным простором часто дуют



Охотник на реке Селенге, впадающей в Байкал.

страшные ветры. Особенно опасны для судов, плавающих по Байкалу, ветры «сарма» и «горная». Они налетают внезапно, часто в самые ясные дни, и достигают такой силы, что сбрасывают в воду лодки, вытащенные далеко на берег, и даже крупный рогатый скот.

Байкал — слово якутское. По-якутски «бай-коль» значит — «богатое озеро». Да, озеро очень богато, но скупо отдает оно свои богатства человеку. Суровая тайга и непроходимые горные кручи окружают холодные воды Байкала. Далеко разбросаны друг от друга селенья. Еще сравнительно недавно богатства Байкала почти не использовались. Только кое-где шли рубка и сплав леса, разработка полезных ископаемых. По многочисленным речкам в одиночку и артелями ходили старатели, разыскивая золотые песчинки.

Старатель на Байкале промывает золотоносный песок.

Только теперь, когда в нашей стране началось широкое использование природных богатств, пошло великое наступление и на Байкал. К озеру приехали геологи, инженеры, зоологи, ученые разных специальностей, чтобы разведать месторождения слюды, угля, нефти, железа, золота, изучить жизнь в озерных глубинах, построить гидроэлектростанции.

Село Яшкуль

Село Яшкуль стоит на берегу озера. Интересная особенность есть у этого озера: оно то переполняется и выходит из своих берегов, то высыхает. В озере водится рыба. Она появляется сразу же, как только озеро наполняется водой. Но куда же девается рыба, когда озеро высыхает? Этот вопрос меня и всех ребят очень занимает. Однажды мы пробрались на озеро, когда ушла вода, но ничего не нашли.

Берега озера густо заросли камышом. Камыши эти — как лес. В них водится множество зверей: волков, лисиц, зайцев. Еще больше птиц: уток, гусей, дудаков, нырков, куликов, цаплей, журавлей — гнездится в камышах.

Очень интересно у нас бывает осенью, когда начинается перелет птиц. Все небо покрывается огромными стаями. Каждые птицы кричат по-своему, и получается удивительный птичий концерт!..

В песчаных степях, которые лежат вокруг Яшкуля, можно встретить сайгаков. Это очень интересные животные. Они очень быстро бегают и ловко прыгают. Сайгаки делают прыжки по 3—5 метров.

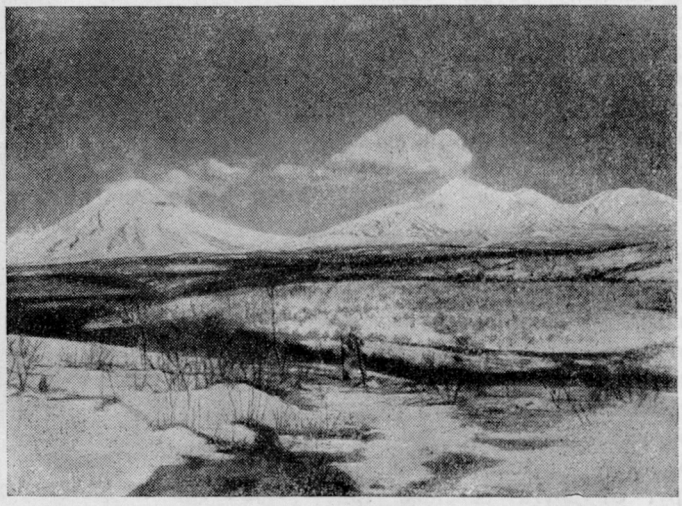
В пустыне трудно найти воду. Сайгакам приходится подолгу бродить в поисках воды. Зато они могут напиваться сразу надолго, на несколько дней. Благодаря своей выносливости и быстроте сайгаки и могут жить в пустыне.

Замечательный нос у сайгака: это коробочка, состоящая из очень тонких хрящей, покрытых шкурой; в коробочке запас воздуха. Поэтому сайгак не задыхается на самом быстром бегу и может бежать долго.

У сайгака красивая блестящая шкура, а мясо очень вкусное, как у кролика. Но охота на сайгаков теперь запрещена.

Арон Гольдварг
с. Яшкуль, Калмыкской ССР

Как я наблюдал извержение вулкана



Огнедышащие сопки курятся.

Среди цепей гор, опоясывающих Петропавловск на Камчатке, особенно выделяются своим величественным видом вулканы. На востоке в 50 километрах от города поднимаются Авачинская и Корякская сопки, на западе через бухту видны Вилюйская и Горелый. Часто над вершиной Авачи можно заметить маленький дымок, он то увеличивается, то уменьшается — это вулкан курит свою вечную трубку. Летом в июне—июле, когда горы пестрят цветами и зеленью, сопки-вулканы покрыты белым зимним покровом. Только конус попрежнему остается черным. Он похож на затверделую землю: горячие пары растворяют снег и не дают ему задерживаться на вершине.

Очень интересные вещи рассказывают старые жители Петропавловска о вулканах.

В 1928 году особенно бурно проявила свою деятельность Авачинская сопка. Весь Петропавловск и все в окружности на 60 километров было затянуто дымом, почва на 2 сантиметра покрылась пеплом, слышались взрывы, похожие на пушечные выстрелы; длинные языки пламени гуляли по вершине раз'яренной сопки.

Когда я был в Петропавловске на Камчатке, мне также посчастливилось наблюдать небольшое извержение одной из огнедышащих гор. 25 декабря 1935 года примерно в 2 часа дня, выйдя во время перемены на улицу, я увидел высокий столб черного дыма, который поднимался из кратера Горелого, находившегося в 70—80 километрах от нашей школы. Я быстро созвал ребят, и мы всей гурьбой стали наблюдать редкое зрелище. В воздухе носился легкий запах гари. Каждую минуту дымное облако над вулканом меняло свою форму.

Потом нам пришлось уйти на урок. Выйдя через час, мы увидели только маленький дымок, струившийся змеевидной лентой.

Спустя несколько дней нам удалось услышать от охотников, находившихся недалеко от подножья сопки, интересные сообщения. Они рассказали нам, что раскаленные камни падали близко от них и высокое облако поднялось на 4000 метров. К счастью, это извержение не причинило никому бедствий и обошлось без жертв.

Вилли Сандеров
Москва, 2-я Тверская-Ямская, 38, кв. 39.

Вулканы

Физическая жизнь нашей планеты не кончилась. Дождь, ветер, грозы, наводнения, землетрясения продолжают менять ее лицо. Вилли Сандерову удалось увидеть одно из самых грозных явлений природы — извержение вулкана. Оно буквально на глазах меняет местность. Да еще как меняет!

В апреле 1872 года в Италии, вблизи Неаполя, было извержение вулкана Везувия. Оно началось раскатами подземного грома. Вскоре главный кратер стал выбрасывать камни, а затем потоки жидкой лавы. Пары над вулканом сгущались все больше, они стали похожи на крону сосны-пинии. Эта «сосна» была около 400 метров высоты. Потом люди, наблюдавшие извержение, увидели, как из главного кратера к югозападу двинулся по склону поток лавы. Ни на ми-

нуту не затихали оглушительные раскаты подземного грома. Морской залив взволновался. Рыбы беспокойно метались возле самого берега и даже подскакивали в воздух. Растения свертывали листья и высыхали от сильного жара. Впереди и по краям потоков лавы шла кайма все пожиравшего огня.

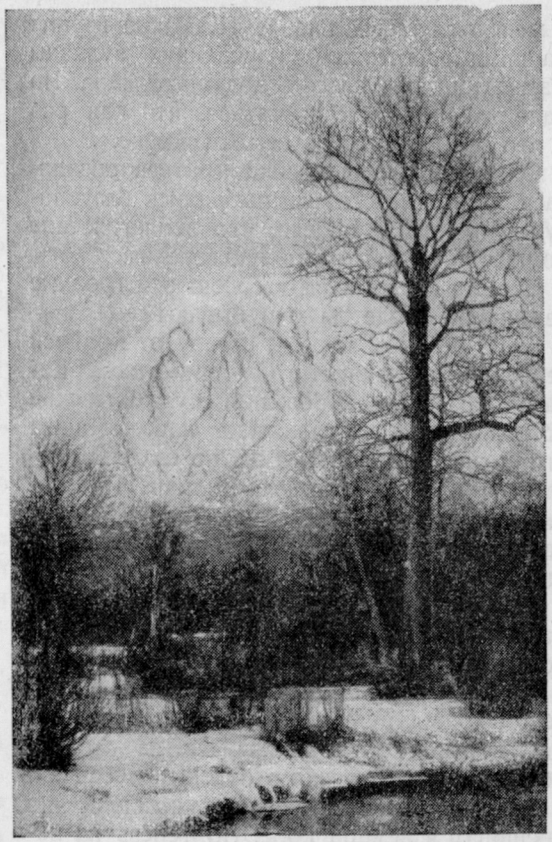
28 апреля улицы Неаполя на целый сантиметр покрыл слой пепла. Пепел продолжал падать, к нему примешивались зерна песку и камешки (лапилли). Временами сквозь пепел прорывались потоки совершенно черного дождя.

А 2 мая Везувий опять был спокоен, и только шапка дыма прикрывала его вершину.

При извержении погибло много садов и деревень, были и человеческие жертвы.

Извержения Везувия были много раз на памяти людей и до этого и после. Особенно сильное извержение произошло в 79 году нашего летоисчисления. Оно описано ученым того времени Плинием. При извержении было разрушено и засыпано пеплом несколько городов и погребено заживо множество людей.

Одно из грандиознейших извержений произошло в августе 1883 года на острове Кракатау в Зондском проливе. На этом незаселенном острове было три вулкана. В мае один из них стал обнаруживать признаки деятельности. В августе оживился и другой вулкан. А 26 и 27 августа произошли ужасные явления. Непрерывный подземный гул превратился во взрывы и такой грохот, что раскаты его были слышны на острове Цейлоне, на Филиппинских островах, на Новой Гвинее и западных берегах Австралии. К вечеру 27 августа в атмосферу взлетели массы пепла на высоту, вдвое больше самых высоких гор на земле. Пепельный дождь выпал на площади около полумиллиона квадратных километров. Тончайшая пыль поднялась в высокие слои атмосферы. И благодаря этой пыли долгое время небо при восходе и закате солнца становилось яркокрасным. В конце ноября эти «кровавые зори» стали видны и в Европе: так далеко распространилась в атмосфере пыль. Взрыв сорвал половину одной из гор на Кракатау и так страшно потряс воздух, что воздушная волна не меньше семи раз обежала вокруг земного шара. Море разволновалось и смыло множество деревень на ближних островах. От острова Кракатау, занимавшего до того 33 квадратных километра, осталась узенькая полоска суши. В стороне возвышается и теперь одинокий мрачный утес Кракатау.



Корякская сопка.

Извержение вулкана Лысая Гора на острове Мартинике в 1902 году было не таким значительным, но там вулкан выбросил громадные потоки раскаленного воздуха и разных газов. Огненные ракеты пронеслись над городом Сан-Пьерр и в несколько мгновений убили всех его жителей, а их было 33 тысячи человек.

У нас на Камчатке вулканы расположены по двум зонам: западной и восточной — вдоль полуострова. Все действующие вулканы лежат в восточной зоне. Их шестнадцать. Больше всего проявляет себя Ключевский вулкан. За последние двести с небольшим лет у этого вулкана было 50 извержений с лавой.

Вулкан этот один из самых высоких в мире. Красивым правильным конусом, увенчанным шапкой вечных снегов, поднимается он над цепью гор. В кратере его постоянно

выделяются газы. В июле 1935 года группа научных работников, изучающих вулканы Камчатки, спустилась в кратер вулкана. Но надо же было так случиться, что как раз в это время началось землетрясение.

Северовосточная стенка кратера обвалилась. Но исследователи выбрались благополучно и только жалели, что землетрясение помешало им окончить наблюдения.

Что же представляют собою эти грозные явления, и везде ли они бывают?

В Тирренском море, к северу от крайней северной оконечности Сицилии—мыса Калава, находится небольшой вулканический остров. Древние италийские народы знали его и считали входом в ад, во владения бога огня и кузнечного дела Вулкана. По имени этого бога и остров назвали Вулкано, а за ним стали так называть все огнедышащие горы.

По берегам Средиземного моря и на его островах много вулканов. Отсюда и началось их изучение.

В прошлые времена, миллионы лет назад, действующих вулканов было гораздо больше, и тогда лава выливалась на поверхность земли не только в отдельных точках, а иногда на огромных пространствах по трещинам в земной коре. Но теперь на поверхности материков лава уже давно не выливается по трещинам.

Многие вулканы тоже прекратили свое действие: потухли. Многие другие еще живы, но потухают, стареют. Когда вулкан стареет, у него гораздо реже бывают извержения. Но зато они становятся более взрывчатыми и бурными.

Если взять карту и посмотреть, как расположены на земле вулканы, то окажется, что они все находятся в районах землетрясений и молодых, то есть сравнительно недавно поднявшихся гор. Вулканов нет ни в больших низменностях, ни на обширных равнинах материков, ни в песчаных пустынях. Большей частью они расположены вблизи морей. Многие поднимаются островами в океане, иногда образуя длинные цепи, как Алеутские и Курильские острова.

Существуют две системы вулканов: Альпийско-Гималайская и Индо-Японо-Малайская. Вулканы идут вокруг земного шара двумя поясами, по двум «зонам разлома», то есть там, где образовались трещины и складки земной коры.

Начиная с запада Европы мы встречаем вулканы по берегам Средиземного моря (Этна, Везувий), на Кавказе (Эльбрус), в Армении (Арарат), в Персии (Демавенд), затем в Бирме, на Суматре, Яве, Малых Зондских островах. Остиндский район, где сходятся обе системы, — один из наиболее активных.

В другой системе много действующих вулканов на Филиппинских островах, в Японии, на Курильских островах, на Камчатке, на Алеутских островах, на Аляске, в Каскадных горах Северной Америки, в Калифорнии и в Андах Южной Америки. В Антарктиде кольцо замыкается.

Какая же сила заставляет лаву подниматься из глубины? Ученые дают этому разные об'яснения.

Ясно, что кратеры вулканов через жерла соединяются с очагами магмы внутри земли, или с той сферой раскаленной оболочки земли, которая лежит под твердой земной корой.

Пласты земной коры перемещаются. Вот некоторые ученые и предполагают, что, передвигаясь, они выжимают на поверхность лаву. Другие ученые говорят, что лаву вытесняют пары и газы, которые скопляются внутри земли под твердой оболочкой. А третьи — считают, что происходит радиоактивный распад элементов в магме. При этом образуются теплота и энергия. Вероятно, извержения вулканов вызываются всеми этими причинами, а может быть, и многими другими, которых мы еще не знаем.

Вулканические явления и теперь изменяют лицо нашей земли. Иногда при извержениях на глазах людей вырастают новые горы. Так, в 1779 году в Мексике возникла гора Хорулло, а в 1538 году, в последние дни сентября, гора Монте-Нуово. При подводных извержениях в океанах часто возникают новые острова. В 1796 году в Беринговом море при извержении поднялся остров Иоанна.

Бывало в истории земли и так, что лава не выходила на поверхность, а только приподнимала верхние пласты земли. Застывала она на глубине. Тогда под большим давлением сверху при остывании возникали руды, разнообразные металлы, драгоценные камни, минералы. Оттого так богат наш Урал. При древних извержениях, происходивших миллионы лет назад, когда возникали Уральские горы, в них создалось множество полезных ископаемых.

А. Соловьев

Фонд Географического Общества.

Игорь Смирнов (город Остров) обследовал и описал Горохового озеро. Это большое, около девяти километров в окружности, озеро находится в Ленинградской области. По всему берегу лежит выброшенный волнами плавник. Берег покрыт мелкими, как горох, камешками.

В сосновом лесу, на берегу озера, расположен пионерский лагерь-санаторий. Пионеры часто едят за завтраком свежую рыбу, выловленную в озере. Колхозники выезжают на ловлю на гребных лодках и ловят рыбу запанями. Из рыб в озере преобладают щука, окунь, плотва.

Б. Рыков (Тбилиси) пишет о Хевсуретии. Хевсуры, отрезанные в своих горах от мира, почти до последнего времени сохранили старинные обычаи, костюмы, вооружение. Живут хевсуры в каменных темных саклях. Посреди комнаты очаг. Свежий воздух входит в то же отверстие, через которое выходит дым. Теперь в Хевсуретии строятся школы, дороги и новые дома.

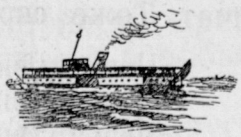
Рома Рубинштейн (Ашхабад) пишет о своем городе, столице Туркменской ССР. Ашхабад быстро растет. В нем строятся огромный новый театр, самое большое в СССР тепловозное депо, стадионы, заводы. А в окрестностях города сохранились остатки древнейших культур. Несса — древнее городище недалеко от Ашхабада — основана 2000 лет назад парфянами. Мечеть в Анниу — одно из самых старых сооружений мира.

В 180 километрах от Ашхабада находится самая жаркая точка Советского союза — станция Репетек.

Марк Черняк (Харьков) очень любит Харьков, особенно сад имени тов. Постышева, где стоит памятник Тарасу Шевченко. Поэт стоит, целиком погруженный в мысли. Пальто, накинутое на плечи, спадает складками. Ноги широко расставлены, и кажется, что эта плотная фигура вот-вот двинется.

На спокойных боковых улицах часто можно увидеть собаку, жадно лакающую воду из ведра с надписью «Для собак». Харьковские дворники акуратно наполняют эти ведра.

Иногда на улицах вдруг раздается звук рожка, каким пастухи в деревнях сзывают стадо. На призыв рожка выбегают домашние хозяйки с керосиновыми бидонами. Рожок извещает о приближении передвижного ларька с керосином.



Б. Мокиевский (Великий Устюг) рассказывает о поездке на пароходе по северной реке Сухоне. Берега ее очень красивы. Местами обрывы кажутся разлинованными на яркие полосы: красные, черные, желтые. Это различные слои почвы.

Юра Хочинский (Ленинград) ездил в Новгород и описывает реку Волхов, по которой ходят пароходы, плывут вниз плоты, снуют лодки. Он описывает старинный город, кремль с его тройными стенами и рвами, когда-то наполненными водой. Юра побывал в музеях и узнал, как были вооружены новгородские витязи.

Медведь-рыбак

Е. Чарушин

В прошлом году всю зиму я жил на Камчатке, встречал там и весну. Интересно начинается камчатская весна, не по-нашему.

Как побегут ручьи, как вскроются камчатские речки, прилетает тогда из Индии красный воробей-чечевица и поет везде свою песню чистым, флейтовым свистом:

«Чавычу видел?»
«Чавычу видел?»
«Чавычу видел?»

Чавыча — это такая рыба, лососевой породы. Вот тут-то и начинается самое интересное в камчатской весне.

Как раз в это самое время рыба заходит из океана в речки, в ручьи, чтобы в самых истоках, в проточной пресной воде, метать икру.

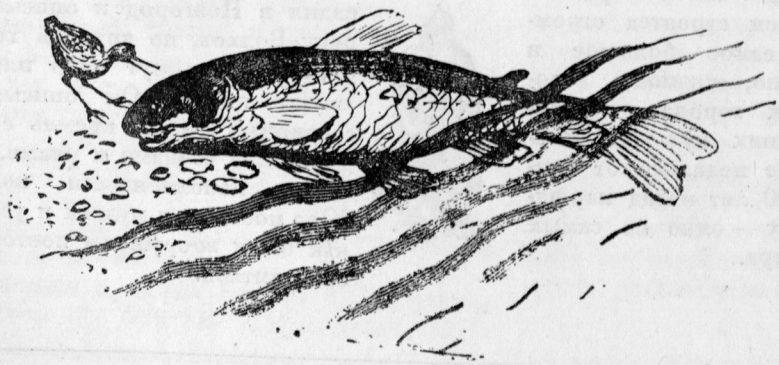
Идет рыба табунами, косяками, стаями; рыбы лезут, прут, торопятся, тяжело им, видно: раздутые у них животы, полные икрой или молоками. Иногда они плывут так густо, что нижние по дну ползут, а верхних из воды выпирает.

Тут все жители рыбу ловят: мальчишки штанами своими или острыми кольями, взрослые сетями, острогой, сачками. Все радуются, галдят, кричат. Тоже спрашивают друг друга:

«Чавычу видел?»
«Чавычу видел?»
«Чавычу видел?»

А она изредка проплывает — эта чавыча — огромный, драгоценный лосось.

Плывет по дну среди мелкой рыбы — горбуши. Будто свинья с поросятами проходит по двору.



Ну и много же идет рыбы! А говорят, в старину было еще больше. В старинных записях сказано, что местами весло в реках стояло и против течения шло «попом».

А через несколько дней вся рыба сваливается обратно. Снова в соленую воду. Только совсем иначе. Уже не косяками, не табунами плывет рыба, а вразброд, каждая по-своему. Кто — брюхом кверху, кто — на боку, кто — хвостом вперед, а кого и по дну катит и выкатывает на берег как гнилое полешко. Тут уж рыба еле живая, больная, снулая. Икру она выметала, и все силы ушли.

Теперь другие рыбаки орудуют. Кто каркает, кто крякает, кто рычит или мяучит.

Дикие рыбаки рыбачат.

Я тоже ловил рыбу. Двое суток от речки не отходил и спал на берегу.

Вдосталь наловился. Устал. Пойду, думаю, в лес, отдохну да и посмотрю лесных рыбаков.. Как они-то с делом справляются? И ушел я в лес далеко-далеко от селения.

Хорошо весной в каждом лесу. Березы распускают свои клейкие листья, стоят прозрачные, будто не деревья, а дымок зеленый. Среди них темнеют плотные ели и высокий можжевельник.

Воздух чистый, легкий, еловой смолой пахнет, молодым листом, прелой землей.

И хор птичий... А голоса какие замечательные!

И флейта поет, и трель рассыпается, и чекание, и посвисты.

Солнце печет вовсю. А тень еще холодная.

Я подошел к берегу речки, притаился и сразу увидел рыбака.

Ай да мужик-богатырь! Ростом с воробья. Рыба его раз в тридцать больше.

Это голоногий куличишка рыбачит. Вокруг рыбы бегает, суетится, клюет. А рыбу наполовину из воды на берег выкинуло: дохлая.

Пищит кулик, ногами семенит. Потом прилетели два ворона. Спугнули кулика, а сами рыбу не трогают. Видно, уж поели досыта.

Как сели на отмель, так и заснули. Сидят носатые, черные, глаза закрыли. Чайки налетели с криком, с гамом. Стали потрошить эту рыбину. Одна голова осталась.

Наглотались рыбьего мяса и дальше отправились. А вороны все спят, не шевелятся.

Как удачно я выбрал место!

Тут, у речки, крутая излучина, и все, что река с собой тащит, все выкидывает на берег.

Пока я тут был, трех рыб к берегу прибило течением.

Гляжу: с того берега по камням спускается лиса. Паршивая

такая. Шерсть клочьями на боках у ней висит: сбрасывает зимнюю шубу лиса.

Спустилась она к воде, воровато схватила ближнюю рыбу и спряталась с нею за камень.

Потом опять показалась, облизывается и вторую рыбу утащила.

Вдруг лай, вой, визг поднялся: появились собаки наши деревенские да как бросятся с обрыва к воде, к лисице. Видно, учуяли ее сверху. Лиса берегом, берегом наверх, в лес. Собаки за ней.

Ну и я ушел. Кого мне тут ждать?

Ни один зверь после собаки не придет на то место: собачьих следов испугается.

Снова я пошел по ручьям и по речкам.

Видал, как другая лиса рыбу ела—смаковала. Выедала только спинки.

Еще крохаля видал большого — с гуся. Он спал среди об'едков. Доотвала наглотался рыбы. А потом и сам я прилег и заснул незаметно. Разморило меня.

Долго ли я спал, не знаю. Только вижу я сон. Будто делаю я какую-то замечательную вещь, нето аэроплан, нето молотилку, а может, и башню какую. По порядку видится сон. Будто работал сначала, устал и тоже лег спать. Лег и громко, громко захрапел.

И потом во сне же я соображаю:

«Да как же это так? Ведь я никогда не храплю. Не умею».

И тут у меня все как-то спуталось. Я уже проснулся наполовину, а сон продолжаю видеть, что лежу и храплю.

Знаю, что это неправда. Сержусь даже.

Рассердился, проснулся, открыл глаза. Что за чудо? Храплю. Я даже испугался. Как так? Что такое?

Потом очухался... Нет, это не я храплю... И на храп совсем непохоже.

Кто-то рычит неподалеку, фыркает, плещется.

Поднял голову. Смотрю: в реке сидит медведь. Здоровенный медведь — старик-камчадал. Вот тебе и сон с храпом!..

Ружья у меня нет. Что делать? Подобру-поздорову убираться надо.

И начал я осторожно, осторожно отползать от речки... И вдруг задел за какой-то камень. Камень этот покатился и в воду плюх. Я так и замер. Лежу, не дышу и глаза закрыл. Сейчас меня медведь задерет. Вот выберется он на берег, увидит меня и — конец.

Ух, и здорово же я тут струсил. Даже пятки похолодели у меня.

Долго я лежал, пошелохнуться боялся. Потом слышу: ничего будто все. Все ладно. Медведь порявкивает на старом месте, ворчит. Неужели он не слышал, как камень плюхнулся в воду?

Глухой он, что ли?

Я осмелел и выглянул из-за кустов. А потом присмотрелся немного и совсем страх забыл. Этот медведь тоже ловил рыбу. И до чего чудно!

Сидит «Михаил Иванович» по горло в воде, только голова сухая из воды торчит как пень. Башка у него громадная, мохнатая с мокрой бородой. Он ее то на один бок наклонит, то на другой: рыбу высматривает.

А вода совсем прозрачная, мне медведя видно всего: и как он там орудует лапами, и туловище медвежье.

К туловищу прилипла шерсть, и тело у медведя кажется не по голове. Головастый такой получается медведь.

Сидит этот медведь. Вдруг что-то лапами стал в воде хватать, и вижу: достает горбушу-рыбу. Прикусил он горбушу и... сел на нее.

Что такое? Зачем он на рыбу-то сел?

Сел и сидит в воде на рыбе. Да еще и проверяет лапами. Тут ли? Под ним ли?

Не очень долго просидел медведь, вторую рыбу поймал. Прикусил и тоже на нее садится. А когда садился, так, конечно, привстал. Первую рыбу течением из-под него утащило. Мне-то сверху все видно, как эта горбуша покатилась по дну. А медведь

как рявкнет! Потерялась рыба. Ах ты! Ревет медведь, рычит, голосит. Непонятно ему, бедняге, что такое с запасом его делается, куда девается. Посидит, посидит да и пощупает лапой под собой: тут ли рыба, не убежала ли? А как он схватил новую, опять я вижу: старая выкатилась из-под него и ищи-свищи ее...

Ведь на самом деле обида какая: теряется рыба, и все тут!

Долго, долго сидел на рыбе, ворчал, даже пропустил пару, не решился ловить, я видел, как они проплыли мимо. Потом опять р-раз! Подцепил лапой горбушу. И опять все по-старому: нет прежней рыбы.

Еще посидел, поймал, сунул под себя. И снова заревел от обиды: ловит он прозапас, ведь наловил целую кучу, а ничего нет, ни одной рыбки.

Я лежу на берегу, от смеха еле жив, душит меня смех, а смеяться нельзя. Попробуй посмейся! Тут тебя медведь со злости с'ест вместе с пуговицами.

Громадную сонную чавычу натащило на медведя. Сгреб он ее, кладет под себя...

Ну, конечно, под ним пусто.

И чавычу медведь забыл, так обиделся, во всю мочь заревел, прямо как паровоз. Поднялся надыбы, лапами бьет по воде, воду сбивает в пену. Ревет, захлебывается.

Ну уж тут я не вытерпел. Как прысну. Как захохочу. За живот держусь от хохота. Хохочу — плачу слезами. Услыхал медведь, меня увидал. Стоит в воде, как человек, на двух лапах, смотрит на меня.

А мне до того смешно, что я уж ничего не боюсь, — хохочу-заливаюсь, руками машу: уходи, мол, дурак, мочи больше нет! Уходи!

И на мое счастье, верно, так и вышло.

Рявкнул медведь, вылез из воды, отряхнулся и ушел в лес.

А чавычу опять потащило течение.

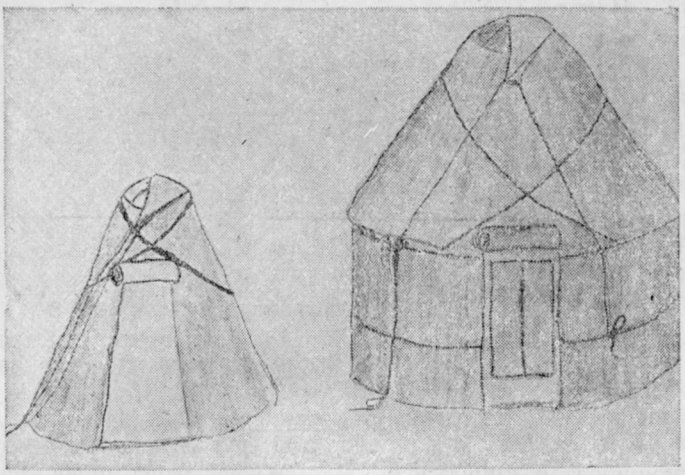
• • •

П О Ч Т А

В прошлом году мы спрашивали читателей: изменить ли название «Почта»? Почти все ребята написали, что лучше оставить прежнее название. Мы согласились, и отдел попрежнему называется «Почтой». В этом году в «Почте» в каждом номере мы будем печатать ответы на те вопросы, которые пришлют ребята. Можно спрашивать обо всем: и о научных открытиях, и о машинах, и о книгах, о находках, о растениях — обо всем, что интересно нашим читателям.

В этом году мы ждем от наших деткоров интересных писем о школе и пионерском отряде, о том, как живут ребята, как они дружат, о их приключениях и наблюдениях, о том, что они слышали и видели.

Пусть каждый напишет о том, что его интересует самого, тогда и всем ребятам будет интересно читать его письмо.



Наши кибитки.

В степях Калмыкии

Письмо и рисунки Пюрве Басанова

Москва, 57, поселок «Сокол», ул. Врубеля, д. 6, корп. 11, кв. 12.

Я приехал в Москву из далеких степей Калмыкии. Там можно идти очень долго, и нигде не встретишь ни одного деревца. Долгое время наша семья кочевала. Когда кончалась зима, отец разбирал кибитку, навьючивал все вещи на верблюда, а мы садились в телеги, запряженные волами, и ехали на новое место. Вместе с нами переезжали и другие кочевники. Мы останавливались там, где было хорошее пастбище. Отец снова ставил кибитку, покрывал ее кошмой, и мы селились на новом месте.

А весной снова уезжали. Зимой бывали сильные бури. Мы сидели в кибитке вокруг треножника и никуда не выходили. Огонь освещал середину кибитки, а в углах было темно. От костра вверх поднимался дым. Мы закутывались в овчинные шкуры, и отец рассказывал нам разные истории.

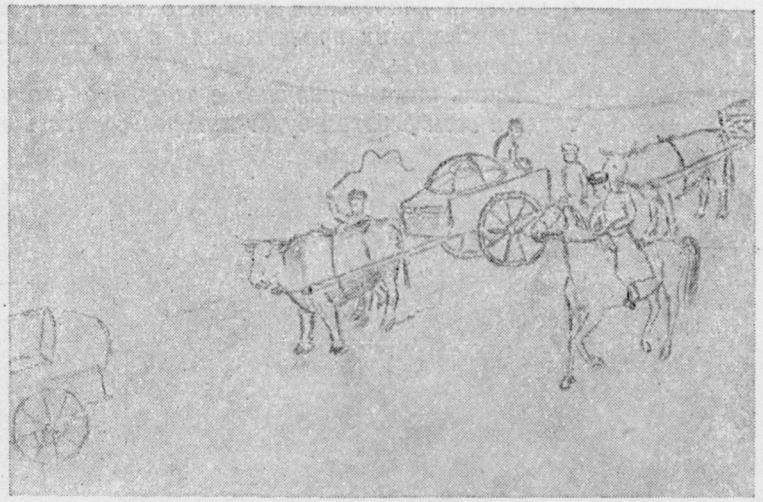
За стенами кибитки шумела вьюга, ветер наметал большие белые сугробы, и слышно было, как лает наша собака Неля. Выйдешь из кибитки — снег бьет в лицо, и кругом непроглядная тьма. Нелька бегает вокруг кибитки и лает.

Это была очень хорошая собака. Много раз отец брал ее с собой охотиться на волков. А степные волки—большие, сильные звери. И вот раз отец долго гнался за волком, выстрелил в него, но волк продолжал бежать. Тогда Нелька догнала его, прыгнула и вцепилась в волка. Волк схватил ее за шею, и они вместе повалились на землю. Отец выстрелил еще раз и убил волка. После этого случая Нелька долго болела. Потом рана у нее зажила, и она выздоровела.

Степных волков я видел много раз. Как-то мы перебирались на новое место, и вдруг одна лошадь захрипела и кинулась в сторону. Выскочил большой серый волк. Все громко закричали и высунулись из телег. Две собаки побежали за волком, но он вскоре скрылся.

На новом месте, куда мы переехали, жили мы недолго. Отцу надоело переезжать с места на место, и он стал поговаривать о том, что нужно поселиться навсегда в одном месте. В это время какие-то разбойники угнали скот у наших соседей и отец окончательно решил поселиться в деревне Цекерте.

Сначала мы жили там в кибитке. Когда организовался колхоз, отец и другие кочевники вступили в него, и мы стали жить в новом доме. Я стал ходить в школу. Школа была очень маленькая и тесная, но колхоз стал строить большую, светлую школу. Сейчас она уже построена, и в ней учатся все наши ребята. Учится в ней и мой друг Зулан. Мы с ним переписываемся.



...Мы переезжали на новое место...

Жизнь наша очень изменилась. Раньше у нас почти все были неграмотные, а сейчас в деревне Цекерте есть хорошая читальня. Вечерами там все собираются и читают. Сейчас очень много книг на калмыцком языке. Недавно перевели на калмыцкий язык поэму «Евгений Онегин» Пушкина.

Брат недавно написал мне, что около дома они посадили деревья, значит, и в степи будут деревья.

Ястребиное гнездо

Письмо и рисунки Жоры Демяк

Крымская АССР, ст. Грамоч-Тиково, п/о Черкез-Тобой.

Это было в июле. Пришел я однажды из школы, а отец говорит мне:

— Поедем, Жора, сегодня на речку рыбу ловить.

Я очень обрадовался.

— А куда?—спросил я.

— В Тойлы.

Мы стали собираться. Когда мы выехали из деревни, было часов 12 дня. Ехали мы на подводе. По дороге я увидел орла, сидевшего на скале, он терзал какую-то добычу. Как только орел нас увидел, он бросил свое дело и стал на нас смотреть. Я вынул записную книжку и сделал набросок. Дальше нам надо было ехать через лес. В лесу было прохладно, и лишь кое-где сквозь листву виднелись лучи солнца. В лесу пели птицы, изредка был слышен стук лесного «барабанщика». Одного из таких «барабанщиков» я тоже зарисовал.

Лес кончился, и дорога свернула вправо. Вдали виднелась деревня. Около этой деревни протекала речка, в которой водилось много рыбы. Мы под'ехали к речке, распрягли лошадь, дали ей корму. Сняли мы сеть и ружье. Сеть отец установил в речке, а ружье положил подле себя, и я сел около него. Скучно мне было сидеть и все время смотреть в воду. Я сказал отцу, что пойду похожу немного. Неподалеку от нас стояло большое дерево. На нем я увидел гнездо. Мне захотелось посмотреть, чье это гнездо. Я забрался на дерево и увидел в гнезде молодых ястребят. Смотрят они на меня и пищат, открывая свои молодые, еще желтоватые рты. Мне их стало очень жалко. Я одного из них взял в руки, погладил, положил и хотел взять другого, но вдруг почувствовал сильный удар в голову. Это был старый ястреб. Я сильно испугался и стал кричать. Отец услышал мой крик, схватил ружье и прибежал ко мне. Отец, повидимо-

«Барабанщик».

...Орел увидел нас.

му, тоже сразу растерялся и стал стрелять в ястреба. Ястреб был близко около меня, и я боялся, что отец попадет в меня. Я хотел крикнуть, чтобы он не стрелял, пока я не слезу. Но вдруг тело птицы упало камнем вниз: отец убил ястреба. Я быстро слез. На голове у меня была небольшая ранка, из которой сочилась кровь. Отец взял свой носовой платок, намочил его в реке и приложил к ранке. Рана перестала болеть. Я стал отцу рассказывать, как было дело. А отец и говорит:

— Нельзя птиц трогать: ведь каждая птица любит своих птенцов, как и человек—своего ребенка. Нельзя так делать.

Мне было очень стыдно перед отцом, и я молчал. Пришло время сеть вынимать. Сколько там было рыбы! Мы ее положили в корзину, и отец снова опустил сеть. Мне опять стало скучно, и я сказал отцу, что буду ловить раков.

— Смотри, смотри, чтоб тебя раки не поклевали,—с насмешкой сказал отец.

Мне было очень обидно, что отец смеется надо мной.

— Ну иди, иди. Это я шучу, — сказал он.

Я наловил раков, но все они были маленькие, и только под одним камнем я нашел большого рака. Я показал отцу и сказал, что возьму его в свой живой уголок. Отец вынул сеть, положили мы рыбу в корзину, запрягли лошадь и поехали. Когда стали в'езжать в лес, то было уже темно. В лесу было тихо, и лишь изредка какое-нибудь животное нарушало тишину.

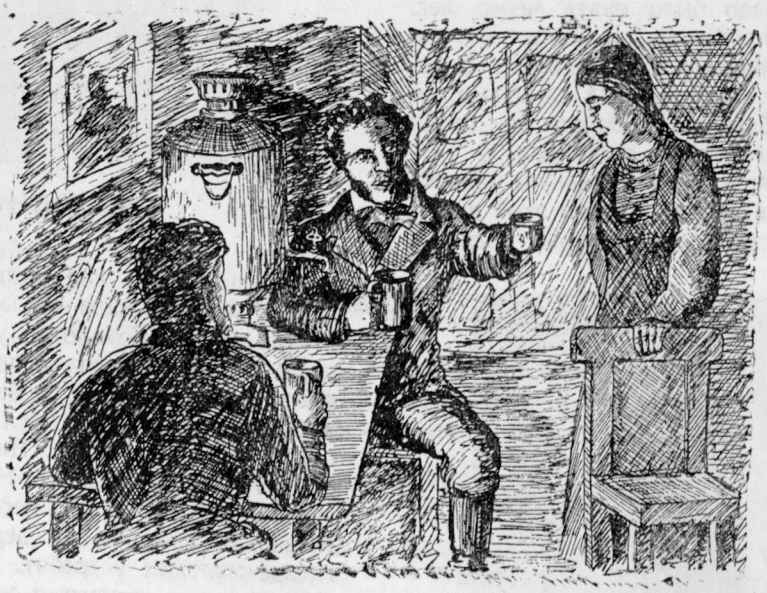


Рисунок пионера Глеба Баскакова к рассказу Пушкина «Станционный смотритель».

Медный всадник

Толя Новиков

Москва, 81, Мазутный проезд, корпус 49, кв. 4.

В этом году я был в Ленинграде. Я обязательно хотел посмотреть памятник Петру I. Я читал о нем замечательную поэму А. С. Пушкина «Медный всадник».

И вот мы поехали на Сенатскую площадь.

В центре площади, на берегу Невы, стоит этот памятник. Я вспомнил стихи Пушкина и представил себе, как здесь было во время наводнения.

«...В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне».

Петр I сидит на коне, конь вздыбился, а под ним, извиваясь, ползет змея. Когда я отошел в сторону, мне показалось, что конь живой: так хорошо он сделан. Он, видно, устал после длинной дороги, и берет какое-то большое препятствие. А Петр сидит очень прямо и твердо. Казалось бы, он должен был пригнуться и помочь коню взять препятствие, но Петр I слишком горд — он не хочет наклониться. Лицо у него тоже гордое. Он даже узду держит одной рукой, а другую протянул в сторону. Памятник очень красивый, и когда я вспоминаю Ленинград, то вспоминаю и «Медного всадника». Первый раз, когда я видел этот памятник, была хорошая погода, а второй раз было пасмурно. Лицо у Петра I мне показалось холодным. На этой площади, около памятника, 14 декабря 1825 года Николай I расстрелял восставших декабристов.

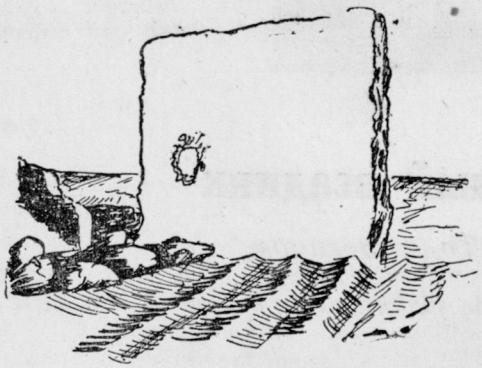
Парус-скала

Письмо и рисунки Юры Шибаева

Москва, ул. Горького, д. 44, кв. 27.

Летом я первый раз ездил на Кавказ, в Джанхот. Это местечко находится в 20 километрах от Геленджика.

И вот теперь, когда я начинаю вспоминать лето, то чувствую, что сильнее всего в моей памяти сохранилось море. С морем были связаны почти все наши прогулки.



В скале было отверстие.

Я бывал каждый день на море— и тогда, когда оно бушевало и когда было спокойно.

На берегу моря была скала очень странной формы. Она называлась парус-скала и действительно была похожа на надутый ветром парус. Эту скалу было видно издалека. Но издали она казалась очень маленькой. А когда мы подошли к самой скале, то увидели ее во всей красоте. Парус-скала была толщиной не больше метра, совершенно плоская и очень высокая.

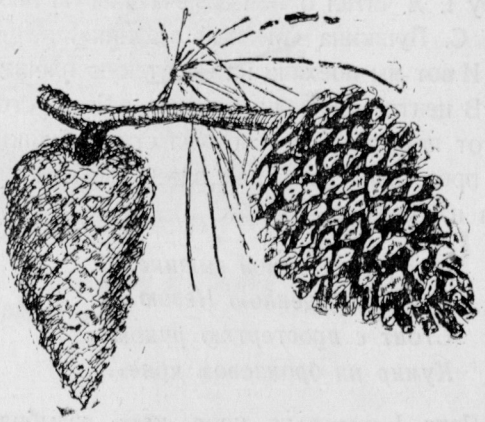
Казалось, что это одна из оставшихся стен разрушенного дома. Когда мы смотрели вверх, на вершину скалы, и видели при этом ползущие по небу белые облака, нам казалось, что скала медленно падает, и мы невольно отходили в сторону. Я думаю, что эта скала образовалась от разрушения гор, так как лежащая рядом гора состоит из пластов, которые такой же толщины,

На берегу моря лежал дохлый дельфин.

как и толщина скалы, и такого же направления.

Ближе к одному из краев в скале было отверстие, которое, как я потом узнал от местных жителей, было пробито одним из снарядов во время освобождения Кавказа от белых.

Когда мы шли к скале, то в одном месте увидели нескольких орлов, которые поднялись с берега моря. Мы стали смотреть, как орлы летают, и прошли мимо того места, откуда поднялись орлы, ничего не заметив. Только почувствовали, что сильно пахнет падалью. На обратном пути совершенно неожиданно мы натолкнулись на громадного дохлого дельфина, который лежал на берегу моря. Орлы выклевали у него большой кусок туши, вплоть до ребер,



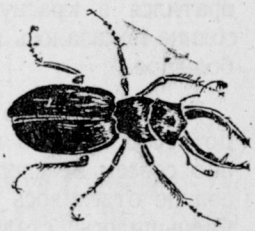
На Кавказе сосновые шишки больше, чем в Москве.

Светлячки.

и мы увидели слой сала, толщиной в 6—8 сантиметров. Узкая и длинная пасть дельфина была открыта, и, были видны его большие зубы. Я вырвал три зуба из тех, которые хуже всего держались. На обратном пути мы ловили больших крабов и смотрели, как в море кувыркались дельфины.

На Кавказе я сделал много наблюдений. Я увидел, что шишки сосны здесь больше, чем в Москве.

Вечером около нашего дома летало много светлячков. Я поймал двух светлячков и зарисовал их. Еще я сделал большую коллекцию жуков.



Жук-олень.

Как я наблюдала за восходом солнца

Галя Крылова

Москва.

Мы с мамой в июле 1936 года ехали на теплоходе из Батуми в Севастополь. На вторые сутки нашего пути ночью мама разбудила меня и сказала:

— Мы под'езжаем к Феодосии. Сейчас начнется рассвет. Если хочешь, вставай, ты увидишь восход солнца на море.

Мне очень хотелось спать, но я все-таки поднялась с кровати, оделась, и мы вышли с мамой на палубу. Часы в столовой показывали половину второго. Теплоход пришвартовался к пристани. На берегу горели фонари, небо было низкое, черное, на нем светились звезды. Мне казалось, что до рассвета еще очень долго ждать. Но мама показала мне на слабый красный отсвет на востоке и сказала: «Смотри туда».

Я устроилась на корме, на каком-то мешке, и стала ждать. Теплоход недолго стоял в Феодосии: в каких-нибудь двадцать минут закончили погрузку и выгрузку, прогудел третий свисток, и пароход отчалил. Мама ушла в каюту. На корме, кроме меня, никого не было.

Небо стало сереть, понемногу исчезали звезды, а красная полоса на востоке все разрасталась. Я хотела отгадать, в каком именно месте взойдет солнце: в середине ли красной полосы или ближе к какому-нибудь ее краю. Полоса ширилась и стала бледнеть. Небо тоже стало серовато-зеленое, и я как-то даже не заметила, как погасли звезды. Только одна звезда на юго-востоке сияла очень ярко. Она стояла высоко в небе. Когда на небе много звезд, кажется, что они суетятся и дразнятся. А эта звезда была очень спокойная и красивая. Налево от меня уже были видны крымские серые берега. Они казались картонными как в театре и угрюмыми, так как там чуть брезжил рассвет.

Небо было почти безоблачно, только направо от меня задержалось узенькое облако. Верхние тонкие его края чуть-чуть зарозовели. Я смотрела на него и думала: «Это на него попал луч солнца, но почему же сперва порозовела северная сторона?»

Потом мне стало стыдно, я сама заметила, что ошиблась. Ведь направо от меня был юг (я сидела лицом к востоку), а налево — север, ясно, что облако правильно заалелось на юге, а не на севере.

Наконец, одно место на горизонте както особенно надулось точно парус и стало прозрачным.

«Парус» становился все выпуклей и выпуклей, и вдруг в этом месте заблестел тонкий золотой ободок как будто колечко.

У меня сердце забилось. Я не знала, куда смотреть: на звезду или на этот ободок.

Боялась, что не замечу, как погаснет последняя звезда. Но она все еще горела.

Солнечный обруч все увеличивался, превратился в красную краюху, и вот уже солнце показалось наполовину: яркое, очень большое.

Через несколько минут выплыл весь шар. До этого на него можно было смотреть, и оно совсем не слепило глаз. А как только солнце отделилось от края моря, оно сразу уменьшилось, стало величиной с большую тарелку и уже засияло так, что смотреть на него было больно. Крымские горы как будто наполнились воздухом, стали тоже розовыми, и я увидела на них морщинки и ложбинки.

А звезда все горела, только уже не ярко, я несколько раз теряла ее из виду.

Но вот она превратилась в едва заметное белое пятнышко, а все-таки еще держалась на небе. Нужно было все время смотреть на нее, почти не мигая. Я была поражена, что она так долго боролась с солнечным светом. И все-таки я не заметила, как она исчезла совсем. Я на секунду отвернулась в сторону и больше не могла ее найти.

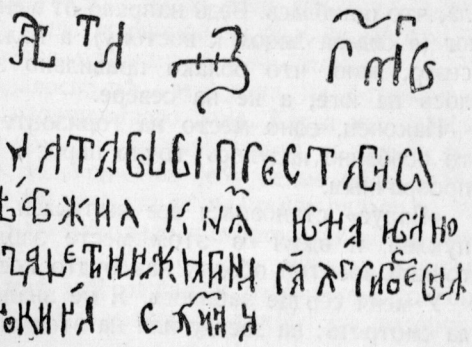
На корме еще никого не было. Кругом была тишина, даже птицы не пели, только слышен был шум воды за кормой. Но мне вдруг показалось, что я слышу какую-то музыку, я старалась понять, почему я так отчетливо слышу эти звуки. И вдруг мне представился Большой театр в Москве, сцена, и на сцене Татьяна Ларина кончает письмо Онегину. В этом месте оркестр изображает рассвет. Я очень люблю музыку Чайковского, в особенности оперу «Евгений Онегин». Я всегда с наслаждением слушаю это место в опере: сначала чуть-чуть слышны скрипки, потом все громче, все торжественнее гудят трубы — взошло солнце. Я очень хорошо знаю музыку оперы «Евгений Онегин». Но в тот момент, когда я смотрела на восход, я вовсе не думала о Пушкине. И вдруг у меня в ушах так ясно раздалась любимая мною музыка. Как же, должно быть, хорошо изобразил Чайковский в музыке восход солнца, если я, даже не думая об этом, неожиданно для себя вспомнила эту прекрасную музыку!

Что написано на могильной плите

Вера Воздвиженская

Станция Кочетовка, Ленинской железной дороги, Жилстрой, дом ИТР, № 7.

Верстах в 12 от города Рязани, в селе Льгове, есть кладбище, на котором сохранилась заросшая мхом могильная плита. Мой брат стал выцарапывать мох из надписи. И вот что ему удалось переписать:



По-моему, это старинная надпись, но к какому веку она принадлежит? И кто лежит под ней?

Вот что мне удалось прочесть, не знаю, насколько верно: «Лета... и преставився раба божия князь Юлия Юлиевича аще тини на княгина Мария Григорьевна Енокиния Слизнича».

Как перевести эту фразу? И какой интересный шрифт. Может быть, я прочла неправильно, может быть, не все части букв удалось выцарапать и разобрать; конечно, интереснее было бы сфотографировать плиту.

Но у нас нет фотографического аппарата, и поэтому я посылаю вам не фотографию плиты, а то, что мы переписали с нее.

Год 7140

(Ответ Вере Воздвиженской)

Копию надгробной надписи, сделанную Верой Воздвиженской, трудно разобрать. Видно, надпись сохранилась плохо, да и Вера, наверно, не понимала букв и поэтому иногда переписывала неверно.

Вот что тут написано: «Лета... 7140 марта... преставися раба божия князь Ивана Ивановича Щетинина княгиня Мария Григорьевна Инокиня (может быть, Енокиня) схимница».

То, что обозначено точками, не удалось разобрать. Вероятно, Вере не удалось точно срисовать буквы, и они несколько искажены. На месте точек после слова «марта» должно быть число дня этого месяца.

Надпись сделана вязью 17-го века (так называлось связное письмо, в котором часто две или несколько букв связывались друг с другом, например в слове «Иван» вторая палочка в букве «И» является ИВАН также частью буквы «В»).

Не удивляйтесь, что на надписи стоит год 7140.

Год 7140 — это год по летоисчислению людей 17-го века от сотворения мира (его обозначают или так, как это дано в надписи, или просто тремя последними цифрами, т. е. 140, и тогда цифра «7000» подразумевается).

Для того чтобы узнать, какой это год нашей эры, надо из 7140 вычесть число лет, равное 5508, и мы получим год 1632, год нашей эры (цифру «5508» отнимают для определения годов нашей эры).

Если Вера или кто-нибудь из ребят интересуется, как писали в древней Руси, я советую им прочесть книгу Беляева «Курс древнерусской скорописи».

Что касается рода князей Щетининых, о которых говорится в надписи, то в одной книге («Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива министерства юстиции», издан в Москве в 1853 году), в которой имеются указания о должностях почти всех лиц, живущих в Московском государстве в 17-м веке, говорится, что в 17-м веке жило очень много князей Щетининых.

Один из них, князь Василий Иванович Щетинин, упоминается в 1627 и 1629 годах как рязанский городовой дворянин. Возможно, что похороненная недалеко от Рязани княгиня Мария Григорьевна Щетинина была женой его брата, князя Ивана Ивановича Щетинина.

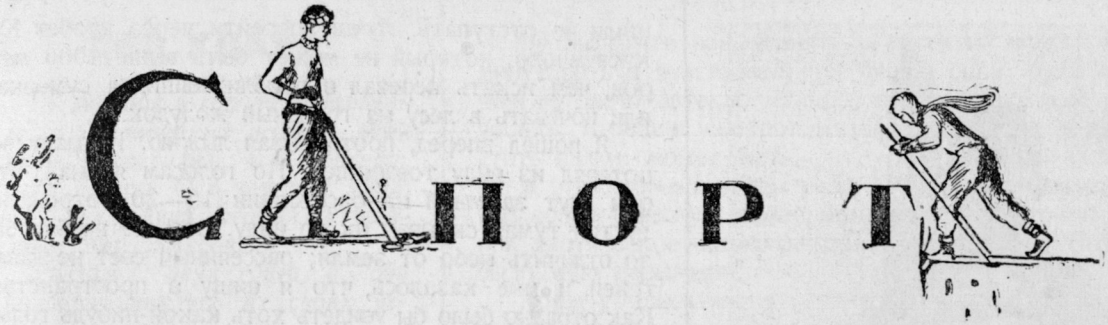
Кроме того в 17-м веке жили еще три князя и все три — Иваны Ивановичи Щетинины. Все они были московскими дворянами, упоминаются они в 1636, 1658—до 1677 годов. Умершая княгиня Мария Григорьевна могла быть женой одного из этих князей, у которого могла быть вотчина недалеко от Рязани. Стоящие в конце слова «Инокиня и схимница» говорят о том, что перед смертью ею был принят монашеский чин, т. е. она была пострижена в монахини.

Конечно, это все только догадки, ничего более определенного на основании только данных надгробной надписи сказать нельзя. Но такие находки представляют даже для ученых большой интерес.

Старший научный сотрудник Музея боярского быта XVII века

Е. С. Овчинникова

Рисунок пионера Б. Астафьева к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».



КАК БЕГАЕТ НА КОНЬКАХ ЧЕМПИОН МИРА

Первенство мира по конькам в 1936 году выиграл норвежец Ивар Баллангруд. Он поставил несколько мировых рекордов на коньках: 3 тысячи метров — 4 минуты 49,6 секунды; 5 тысяч метров — 8 минут 17,2 секунды и на 1500 метров повторил державшийся 23 года рекорд норвежца Оскара Матиссена — 2 минуты 17,4 секунды.

Вот как заслуженный мастер спорта П. Ипполитов описывает технику бега Баллангруда:

— Он бежал как бы нехотя, с подчеркнутой плавностью хода и, казалось, меньше всего заботился о скорости. Он осторожно касался коньком поверхности льда и производил мягкий, пружинистый толчок так, что не оставлял на льду следов скольжения.

Скорость баллангрудовского хода заключается в максимальном использовании толчка. Баллангруд бежит с предельно низкой посадкой корпуса. Благодаря этому увеличивается продолжительность рабочего движения (упор коньком на лед).

Поэтому конькобежец может постепенно увеличивать мышечное напряжение (начало толчка) и также плавно снижать силу упора, чтобы бесшумно закончить толчок и без царапин на льду отнять ногу от ледяной поверхности. Такая техника в конькобежном мастерстве является идеальной.

В Хибинах

Д. Арманд

Нас было четверо. Рано утром мы вышли из лопарского поселка на берегу Умбозера. Это был пятый день наших странствований по занесенным снегом горам и тундрам Кольского полуострова. Мы вдоволь насмотрелись на белые просторы Севера, на корявые, полярные березки, на следы россомах и рысей. Мы вдоволь накатались с крутых Хибинских гор, порядком понатерли плечи пудовыми рюкзаками. Продукты кончились, нужно было во что бы то ни стало к вечеру добраться до Кировска — первенца советского Заполярья.

Дорога вилась по руслу реки Тульи. Вода за зиму спала, и мы час за часом шли по крыше ледяной пещеры. Под ногами гулко отдавались удары лыжных палок. Местами крыша провалилась, и пещера, перерезанная тысячами ледяных столбиков, открывалась во всем своем сказочном великолепии.

Мы не боялись заблудиться: нас вели слабо запорошенные следы полозьев нарт и широких оленьих копыт. Но вот кончился чахлый еловый лес, окаймлявший берега реки. Склоны долины сдвинулись, напирая на нас крутыми округлыми боками. Тулья превратилась в ручей и затерялась среди холмов.

Начался под'ем. И как только дорога стала труднее, наши друзья — следы — изменили нам. Они разбежались в разные стороны, стали незаметными, слились со снежными застругами, нанесенными ветром. Еще с полчаса мы пытались их разыскивать, но потом махнули рукой и пошли по компасу.

Сначала мы поднимались «елочкой», но вскоре вынуждены были отказаться от этого способа и перешли на «зигзаг». Сто шагов направо, поворот на 150° лицом к склону, сто шагов налево, опять поворот и так без конца. Хорошо, что снег был рыхлый, а то не удержаться бы нам на такой крутизне. Ясно, что мы сбились с оленьей тропы и идем мимо перевала. Лопарские олени хоть и ловки, но все-таки они не обезьяны, чтобы всходить по такой дороге.

Долезли до облаков. Противно было погружаться в их влажные, липкие об'ятия. Но, посовещавшись, ре-

Сережа Устинов (11 лет) 7 января прыгнул с трамплина в Москве на 16½ метров.

СВИСТ В СТЕПИ

Несколько лет назад два лыжника шли из Златоуста в Москву. Когда они спустились с уральского предгорья, путь их лежал по степи. По ней гуляли сильные ветры. И вот как только лыжники пошли по степи, они услышали около себя пронзительный свист. Тщетно они искали, кто это свистит. Никого в степи не было видно. Лыжники прошли уже несколько десятков километров, а кто-то невидимый все провожал их и издевательски свистел.

Этот свист надоел лыжникам, а как избавиться от него, они никак не могли придумать.

Вдруг один из них поднес лыжную палку к уху и начал прислушиваться.

— Нашел! — закричал он.

Оказалось, что свистел ветер, проносясь через отверстия, сделанные в палках для поддерживающих руку ремешков.

шили не отступать. Лучше перейти через хребет Кукисвумчорр, который не может быть выше 1000 метров, чем искать перевал в приближавшихся сумерках или ночевать в лесу на голодный желудок.

Я пошел вперед, протаптывая лыжню. И сразу же потерял из виду товарищей. По голосам я знал, что они идут за мной на расстоянии 10—20 метров, но густой туман скрывал их из виду. Вообще нельзя было отличить небо от земли; рассеянный свет не давал теней, и мне казалось, что я вишу в пространстве. Как отрадно было бы увидеть хоть какой-нибудь голый камень!

За мной шел командир отряда Вася; за ним научный работник Альфред; шествие замыкал иностранец-шуцбундовец. Он был прекрасный альпинист и лыжник, но его рюкзак весил в полтора раза больше остальных из-за обилия фотоаппаратов, несессеров, походных инструментов и прочих прекрасных и диковинных вещей, которые вгоняли его в седьмой пот и тянули к земле. Так шли час, два, три... Казалось, не будет конца этому молочному морю.

Вдруг моя нога вступила на горизонтальную площадку. С облегчением я сделал по ней два—три шага и только хотел крикнуть: «Ура, вершина!», — как почувствовал, что снег подо мной рушится и я лечу в пространство. «Обвал, лавина», — промелькнуло у меня в голове. Я не видел ничего, кроме валившихся со всех сторон комьев снега. Снежная пыль окончательно залепила мне глаза.

Я пролетел, вероятно, метров двадцать и вдруг почувствовал, что задеваю правым боком за твердый и почти отвесный склон горы. Не теряя ни секунды, я перебросил лыжные палки под мышку, чертя ими по насту и стараясь затормозить. Все же я промчался еще метров двадцать с громадной скоростью, прежде чем острия палок попали на более мягкое место и врезались в снег. Прочный бамбук выдержал мою тяжесть, и я повис, болтая ногами и тщетно стараясь нащупать точку опоры. Но тонкий слой пороши снесла ушедшая вниз лавина, а зацепиться лыжами за твердую корку обледенелого склона не было никакой возможности.

Я оглянулся кругом: склон, градусов семьдесят крутизной, уходил вверх и вниз. Облака быстро бежали с этой стороны хребта, сквозь разрывы их наверху виднелся нависший карниз и провал в нем, образованный моим падением. Очевидно, гора кончилась узким гребнем, и я, поднявшись на вершину, тотчас обрушился на противоположную сторону.

Изо всех сил я начал кричать: «Осторожно, стойте, карниз!» Я так и ждал, что товарищи посыплются мне на голову. Они услыхали меня. В провале появилось лицо Альфреда. Он, очевидно, лежал на животе, и его держали за ноги. Товарищи увидели меня, но чем они могли мне помочь? Веревки у них не было, спускаться без нее было бы безумием.

ДВА УДАРА

15 декабря в городе Клевеленде, в Соединенных штатах Америки, встретились два боксера: один из них был чемпион мира, негр Джо Луис, второй — тяжеловес Эдд Симпсон.

Раздался звук гонга, и оба боксера ринулись из своих углов на середину ринга.

Первым ударил Симпсон, Луис нанес ему ответный удар. Симпсон упал. Судья мерно отсчитал 10 секунд, и Симпсона вынесли с ринга в бессознательном состоянии. Весь раунд продолжался ровно 18 секунд.

КАК СВЯЗАТЬ РЕМНИ

Как заменить пряжку.

Плоский узел. Как связать ремень.

Часто бывает, что ремни для коньков и на лыжных креплениях рвутся. Показываем вам несколько способов, как их снова крепко соединить. На первом рисунке показан плоский узел.

Его преимущество в том, что он не давит на ногу и ремень можно крепко затягивать.

На втором рисунке показано, как связать слишком короткий для узла ремень. На третьем рисунке показано, как можно заменить порвавшуюся пряжку: сделав на ремне несколько прорезов, можно затягивать и ослаблять эту пряжку.

Не зная, что предпринять, я висел на палках уже минут пять и чувствовал, что теряю силы: руки окоченели, плечо затекло и ныло, острия палок еле держались. Я решил уже положиться «на авось» и отпустить палки: может быть, там, внизу, отлогий склон? Но в этот момент ветер разогнал облака и я увидел под собой отвесную стену метров 200 высотой и под ней хаотическое нагромождение голых скал. Падать было явно невыгодно...

Когда у шахматиста остается один ход, раздумывать не полагается, как бы этот ход ни казался рискован. Я осторожно освободил левую руку, продолжая одной правой держать спасительные палки, вынул из кармана охотничий нож и из последних сил ударил по насту. Расчет оказался верен: корка была тверда, но тонка; проломив ее, нож ушел в мягкий снег. Двумя ударами я расширил дыру и, согнув левую ногу, отстегнул лыжу. Кто ходит на жестких креплениях, знает, что это не всегда легко сделать. Но тогда, от сознания опасности, мои движения стали быстрыми и точными. Лыжу я воткнул в прорезанное ножом отверстие, и она погрузилась почти до ремня. В этот момент палки, наконец, сорвались и острия их беспомощно черкнули по насту. Но я уже держался другой рукой за прочно воткнутую лыжу.

Через секунду я сидел на ней верхом, чувствуя, как душа медленно возвращается из пяток на свое насиженное место. «Что, взяла?»—погрозил я негостеприимной скале там, внизу: «Теперь мы еще повоюем!»

Отдышавшись, я прорезал вторую дыру повыше и, воткнув в нее другую лыжу, поднялся на полметра. Так, пользуясь ножом в качестве ледоруба и лыжами в качестве костылей, я целый час преодолевал 40 метров, отделявших меня от гребня, 40 метров, которые я пролетел вниз во мгновение ока. Товарищи связали 6 лыжных палок и, спустив мне эту своеобразную веревку, облегчили последний участок пути. Они признались, что уже собирались употребить эти палки для сооружения надгробного знака.

Отдохнув, мы пошли вдоль хребта и уже в сумерках нашли головоломный, но все же неотвесный спуск в котловину озера Вуд'явр. Наш иностранец взялся вести колонну. Бесстрашно бросаясь с крутых склонов, лавируя между камнями и делая удивительные повороты, он показал свою высокую технику, приобретенную в Альпах.

Облака кончились так же внезапно, как появились. Внизу засверкало море огней: апатитовые рудники, Кировск. Казалось, мы спускаемся на звездное небо.

Приключения капитана Врунгеля

А. Некрасов *Рисунки К. Ротова*

Навигацию у нас в мореходном техникуме преподавал Христофор Бонифатьевич Врунгель.

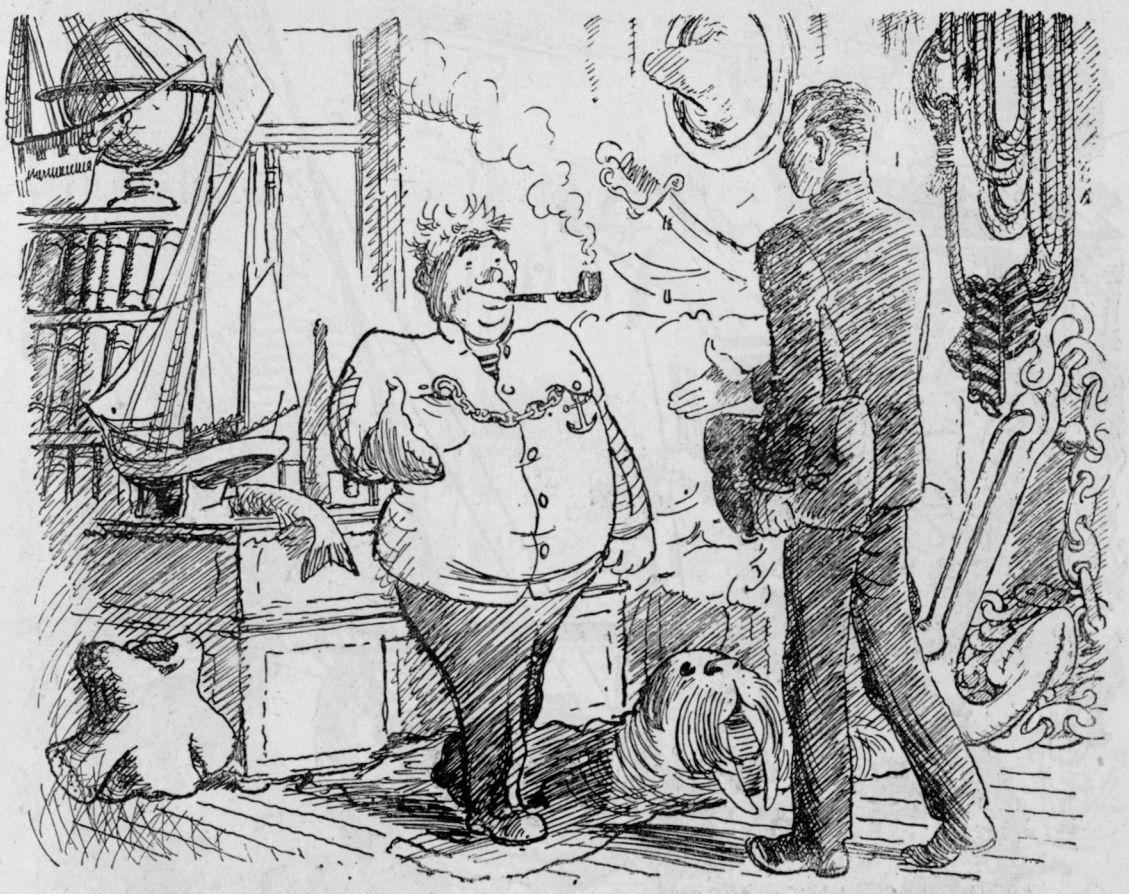
— Навигация,—сказал он на первом уроке,— это наука, которая учит нас избирать наиболее безопасные и выгодные морские пути, прокладывать эти пути на картах и водить по ним суда.

— Навигация, — добавил он, — наука неточная. Для того чтобы вполне овладеть ею, необходим личный опыт продолжительного практического плавания...

Вот это, ничем незамечательное вступление послужило для нас причиной жестоких споров и всех слушателей техникума разбило на два лагеря: одни говорили, что Врунгель знает навигацию в совершенстве, а стало быть, он не иначе, как старый морской волк на покое; другие, напротив, утверждали, что в отличие от прочих навигаторов Врунгель приобрел свой опыт домашним порядком, не пускаясь в дальнее плавание. В доказательство они приводили внешность Христофора Бонифатьевича.

В серой толстовке, в пенсне с черным шнурком, всегда гладко причесанный, бритый и низкорослый, он и, в самом деле, был скорее похож на отставного аптекаря чем на капитана. К тому же на все наши просьбы рассказать о былых походах Врунгель скромно отмалчивался. И не знаю, к чему бы привели наши споры, если бы мне неожиданно не пришлось услышать рассказ Врунгеля о его необычайно смелом кругосветном путешествии.

Как-то раз после письменной по навигации Врунгель забрал наши классные тетради и пропал. Через три дня мы узнали, что он потерял в трамвае калоши, промочил ноги, схватил насморк и слег в постель. А тетради были нам нужны, и меня как старосту курса командировали к Врунгелю на квартиру.



Я пришел, открыл дверь и остолбенел от неожиданности.

За столом сидел грозный капитан в полной парадной форме, с золотыми нашивками на рукавах. Он свирепо грыз огромную прокуренную трубку, о пенсне и помину не было, а растрепанные седые волосы клочьями торчали во все стороны. На столе перед ним стояла модель яхты, рядом лежал сушеный акулий плавник, в углу валялся адмиралтейский якорь с двумя смычками цепи... Было еще что-то, но я не успел разглядеть. Дверь скрипнула, Врунгель поднял голову, встал и, шатаясь как в шторм, шагнул мне навстречу.

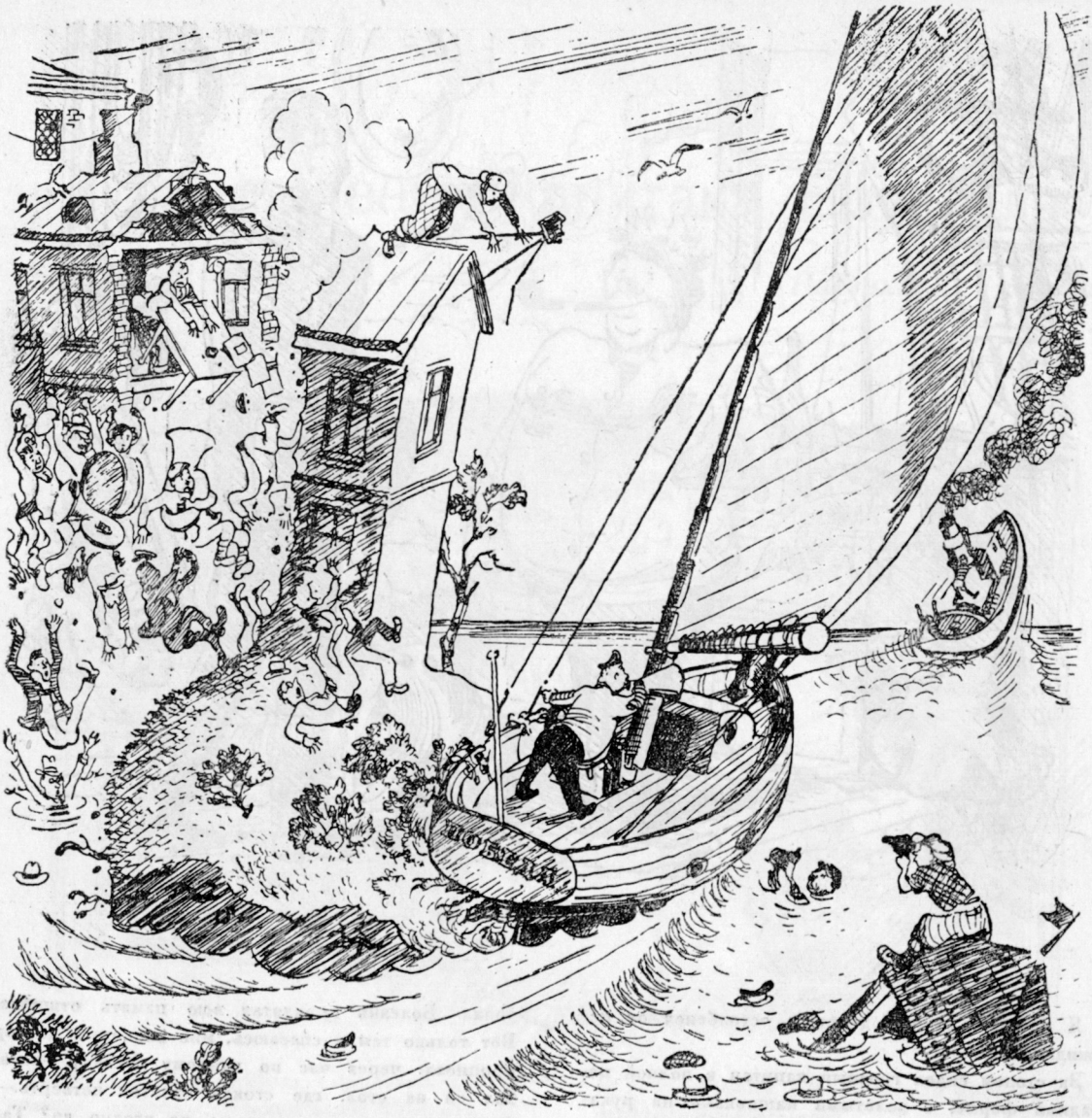
— Очень приятно познакомиться, капитан дальнего плавания Врунгель Христофор Бонифатьевич,—сказал он громовым басом, протягивая мне руку.—Чему обязан вашим посещением?

— Да вот, Христофор Бонифатьевич, насчет тетрадок...

— Виноват,—перебил он меня,—виноват, не узнал. Болезнь проклятая всю память отшибла. Вот только тем и спасаюсь, мне знакомый доктор прописал: через час по чайному стакану,—показал он на стол, где стояла начатая четверть.—Очень помогает от простуды, не угодно ли? Так за тетрадями, говорите?—переспросил Врунгель и достал из-под стола пыльный портфель.—Вот, пожалуйте, у всех отлично. Поздравляю: с полным знанием науки кораблевождения пойдете бороздить моря. Похвально, к тому же и занимательно. Тропики, полюса, плавание по дуге большого круга,—прибавил он мечтательно.—Я всем этим бредил, пока не поплавал...

— А вы разве плавали?—не подумав спросил я.

— А как же?—обиделся Врунгель.—Очень даже плавал, сто сорок тысяч миль на двухместной парусной яхте. Масса заходов, масса приключений... Есть что вспомнить, есть что порассказать... Да вы присядьте,—с этими словами Христофор Бонифатьевич пододвинул мне китовый позвонок вместо стула и стал рассказывать...



«Сидел я вот так, в своей конуре, и, знаете, надоело. Решил тряхнуть стариной, сходить в кругосветное на двухместной парусной яхте. Как раз и судно нашлось подходящее. Пришлось, правда, покрасить, поставить новые паруса, мачты, палубу, сменить обшивку, шпангоуты, укоротить киль на два фута, надставить борта, но зато вышла игрушечка! Сорок фут на палубе, — как говорится: «Скорлупка во власти моря».

Я не люблю преждевременных разговоров. Яхту поставил у бережка, укрыл брезентом, лето провел в подготовке, зато осенью все было ол райт. Я пригласил себе помощника и об'явил день отхода.

С утра толпы любопытных запрудили берег. Флаги, музыка, общее ликование... Я встал в руль, скомандовал: «Отдать носовой. Набить кливер фал, грота фал, гафель гардейль!» Паруса взвились, распустились, как белые крылья, взяли ветер, а яхта, понимаете, стоит.

Отдали кормовой—все равно стоим.

Смотрю: идет буксир. Я схватил рупор, кричу: «Эй, на буксире, прими конец, чорт побирай!»

Буксир потянул, пыхтит, мылит воду, только что не встает надыбы, а яхта ни с места...

Вдруг, понимаете, ухнуло, яхта накренилась, я на секунду потерял сознание, а когда очнулся, смотрю: конфигурация берега резко изменилась, толпы рассеялись, вода кишит головными уборами, тут же плавает будка с мороженым, верхом на ней сидит оператор с кинамой и крутит ручку.

А под бортом у нас целый зеленый остров. Я пригляделся и все понял: плотники-жулики поставили свежий лес. За лето яхта всем бортом пустила корни и проросла. Я еще удивлялся, откуда такие красивые кустики на берегу. Как дернули, так полберега и отнесло. Не даром, знаете, свежий лес не рекомендуется употреблять при судостроении.

К счастью, кончилось все благополучно, без жертв. В мои планы задержка не входила, но это, как говорится, «форсмажор»—непредвиденное обстоятельство. Пришлось встать на якорь и очистить борта. А то, знаете, рыбаков не встретишь—рыбы засмеют. Не годится со своей усадьбой плавать. Я и мой старший помощник Лом до позднего вечера провозились с этой работой, измучились, а утром нас ждал страшный сюрприз: мы не только сутки потеряли с этой аварией, мы потеряли имя корабля.

Я назвал яхту «Победа». Вот славное имя для славного корабля. Вот имя, которое не стыдно пронести по всем океанам. Я заказал медные литые буквы и сам укрепил их на срезе кормы. Они так сияли, что за полмили можно было прочесть «Победа».

И вот в то утро я стоял на вахте, а тут как раз подходит портовый катер—и хлоп на палубу пачку газет. Я разворачиваю и читаю: «Вчерашняя авария на старте кругосветного похода как нельзя лучше оправдала оригинальное имя, которое капитан Врунгель...»

Ничего не понимаю. Тут в одной из газет мне бросается в глаза фотография: в левом углу я, в правом—мой старший помощник Лом, а посредине—наша красавица-яхта и подпись: «Капитан Врунгель и яхта «Беда», на которой он собирается...»

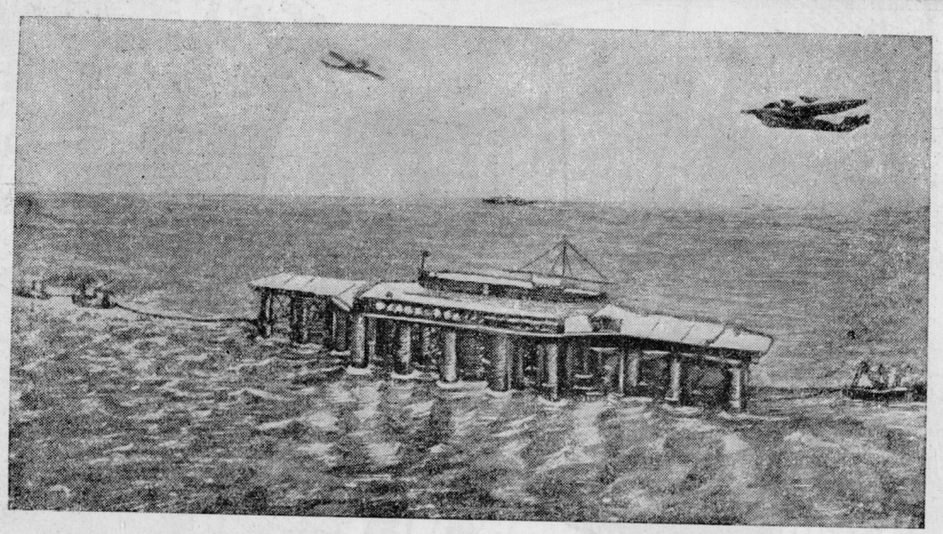
Тогда я бросился на корму, посмотрел... так и есть: сбило две буквы: «П» и «О».

А у газетчиков длинные языки. Врунгеля, капитана «Победы», никто не знает, зато весь мир узнал уже о моей «Беде».

Но долго горевать не пришлось: с берега потянул ветерок, я разбудил Лома и стал ставить паруса. И пока мы шли морским каналом, нам со всех кораблей как назло кричали:

— На «Беде»! Счастливого плавания!»

(Продолжение следует)



Пловучие острова

Около 5000 километров отделяют Европу от Америки. Самые быстрые океанские суда пересекают Атлантический океан в 5—6 суток. Парижанин, которому нужно с'ездить на день в Нью-Йорк, должен потратить на это 2 недели. Но почему же нельзя из Европы в Америку летать на самолетах?

Ведь каждый год совершается по нескольку трансатлантических перелетов.

Это верно, но для каждого такого перелета нужно брать с собой так много бензину, что самолет уже не может поднять ни пассажиров, ни груза.

К сожалению, по пути нет удобных островов, где летчик мог бы опуститься и пополнить запас горючего.

— Что ж,— отвечает на это американец Эдуард Армстронг,— если нет по дороге островов, так надо их сделать!

— Как? Сделать острова? Да разве это возможно?

Армстронг доказывает, что вполне возможно. Конечно, в океане не насыпать островов из камня и земли, но зато можно сделать пловучие острова.

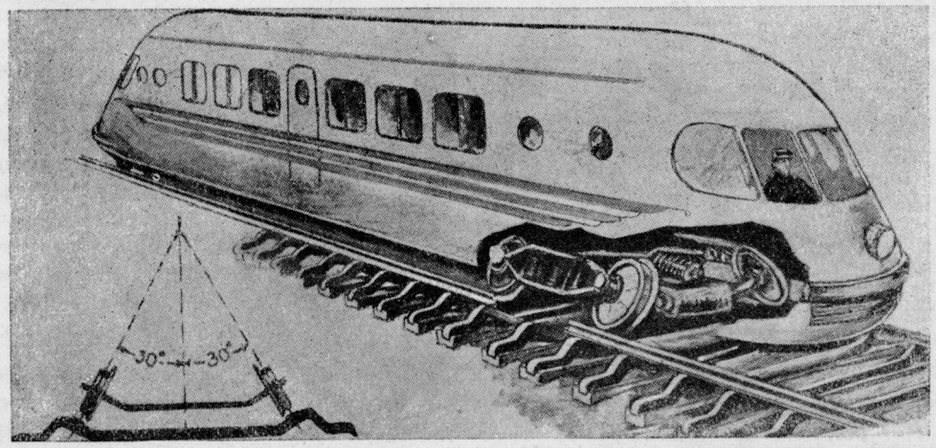
Армстронг придумал вот что. Известно, что даже в бурю море волнуется только на поверхности, а на глубине немногих десятков метров всегда полный покой. В этом-то спокойном слое Армстронг и предлагает поместить поплавки — огромные баки из нержавеющей стали. На поплавках стоят стальные колонны, выступающие высоко над водой. На этих колоннах и лежит платформа-аэродром.

Весь остров прикреплен цепями к огромным бетонным глыбам, сброшенным на дно и заменяющим якоря. Цепи держат остров и не дают ветру угнать его в другое место.

А это настоящий и довольно большой остров: 360 метров в длину и 105 метров в ширину. На такой аэродром самолеты смогут свободно садиться и так же свободно с него подниматься. Тут же целый поселок, где есть все, что может понадобиться в пути: запасы бензина, ремонтные мастерские, ресторан, амбулатория, квартиры рабочих и служащих пловучего острова.

Таких пловучих аэродромов Армстронг предлагает поставить пять. Он сделал уже небольшую модель, и она оказалась очень устойчивой, а правительство США собиралось построить громадную модель в 90 метров длины и 25 метров ширины, чтобы испытать ее в океане.

Будет ли когда-нибудь осуществлен проект Армстронга? Многие считают, что надо приступать к постройке сейчас же. А другие думают, что к тому времени, как пловучие острова будут готовы, самолеты смогут свободно перелетать океан с пассажирами и с грузом без посадки.



Сверхкурьерский поезд

Двадцать лет назад железные дороги были единственным способом сообщения между отдаленными местами.

Но сейчас у железной дороги появились два опасных соперника: автомобиль и самолет. Автомобиль оказался очень удобен для путешествий. Мчится быстро, позволяет выезжать когда угодно.

А самолет летит со скоростью нескольких сот километров в час и в день доставит туда, куда на поезде ехать несколько суток. Пришлось и на железных дорогах увеличивать скорость поездов.

И вот теперь каждый год появляются все новые и новые изобретения и усовершенствования. Наряду с паровозами появились тепловозы с дизель-моторами, электровозы и автомотрисы, т. е. вагоны с мотором. Вагоны стали делать очень легкими — из алюминия. Встречаются поезда обтекаемой формы, похожие на большой самолет без крыльев, чтобы легче рассекать воздух.

И сейчас не редкость — поезда, делающие по 120 и больше километров в час. Есть такие, которые делают 160 и 170 километров, а один развил даже скорость в 205 километров. Это пока мировой рекорд.

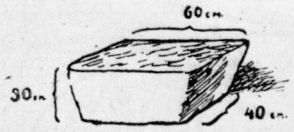
Но и этого мало! Инженеры мечтают об еще большей скорости. Но как ее добиться? Нетрудно, конечно, поставить на тепловоз несколько авиационных моторов по 1000 лошадиных сил. Такой тепловоз, наверно, мог бы развить и больше 300 километров, но... Но не разовьет потому, что до этого сойдет с рельсов. Теперешние рельсы и колеса непригодны для таких больших скоростей.

А какие оказались бы пригодными? Вот над этим и ломают себе головы изобретатели всего мира.

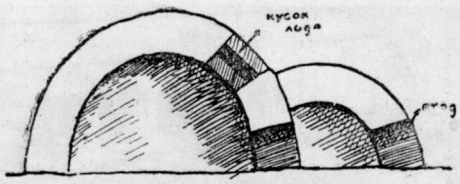
Самый последний проект, предложенный швейцарским инженером профессором Куртом Вейзингером, очень прост. Чтобы поезда не сходили с рельсов на больших скоростях, Вейзингер предлагает укладывать рельсы не вертикально, как сейчас, а наклонять их внутрь, как показано на рисунке. Так же наклонно надо ставить и колеса. Тогда они будут гораздо тверже опираться на рельсы и не соскользнут даже при быстром ходе на крутом повороте.

А чтобы колеса еще устойчивее стояли на рельсах, Вейзингер советует и закраины колес тоже делать больше чем теперь. Большие закраины будут заходить под головки наклонных рельсов и держаться за них.

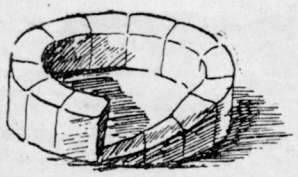
По расчетам Вейзингера, поезда его системы смогут без всякой опасности развивать скорость в 360 километров в час и даже больше. Из Москвы в Ленинград такой поезд довез бы нас в полтора—два часа, а сейчас экспресс «Красная стрела» тратит на это 10 часов.



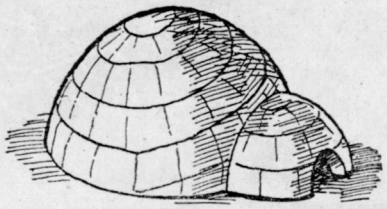
Ледяной «кирпич»



Иглу в разрезе



Так надо сделать надрез, чтобы второй ряд пошел спиралью.



Готовый снежный дом с сенями.

Иглу

Иглу — не игрушка. Это настоящий дом, в котором можно жить, и в таких домах до сих пор живут эскимосы. У эскимосов нет ни дерева, ни камней, ни глины. Из одних шкур дома не построишь, а без дома тоже не проживешь: холодно.

И вот уже много веков назад эскимосы научились строить свои дома из того единственного материала, которого у них вдоволь,— из снега.

В снежном доме—иглу—никогда не бывает жарко, но зато, даже в самые лютые морозы, в эскимосском доме не бывает и слишком холодно. А отапливается иглу всего-навсего плошкой с жиром.

У иглу есть и другие достоинства: иглу ничего не стоит, он не боится никакой бури, для постройки иглу не нужно никаких инструментов, а главное, построить его можно в час.

Многие полярные путешественники переняли у эскимосов искусство постройки снежных домов, и бывали случаи, когда это искусство спасало их от верной гибели. Поэтому мы предлагаем всем, кто в будущем собирается отправиться в Арктику, уже теперь научиться строить иглу. А тем, кто не собирается в Арктику, тоже неплохо принять участие в этой затее, потому что до самой весны, пока снег не растает, в иглу можно спрятаться во время сильных морозов, привинтить коньки, переобуться в пьексы.

Чтобы построить иглу, надо сначала выбрать подходящую кучу снега. Снег должен быть достаточно плотным, таким, чтобы из него можно было вырезать большие «кирпичи», размером приблизительно $50 \times 60 \times 30$ сантиметров. С одной стороны края «кирпича» должны быть немного скошены, как показано на рисунке. Таких «кирпичей» понадобится около 50 штук. Вырезать их лучше всего большим кухонным ножом или просто железной пластинкой (например куском толстого обруча от бочки).

Потом нужно выбрать строительную площадку, снег на ней хорошенько утоптать и начертить круг или овал. Проще всего сделать это так: встать на одну ногу, а каблуком другой как циркулем провести линию (можно чертить круг и по-другому: пользуясь лопатой, палкой, веревкой и т. д.). Диаметр круга должен быть приблизительно 2,5—3 метра. Теперь можно укладывать стены. «Кирпичи» нужно плотно класть друг к другу по линии круга, а там, где края их не подходят, подравнивать ножом и засыпать щели снегом. По-

следние два «кирпича» в нижнем ряду надо поставить стоймя и перерезать наискось, как показано на рисунке.

Отсюда пойдет второй ряд «кирпичей», но он уже не сомкнется, а пойдет спиралью. Нужно только каждый новый ряд делать немного поуже предыдущего, иначе стенки получатся вертикальными и никогда не сойдутся куполом.

Укладывать «кирпичи» нужно стоя внутри иглу. Снаружи ничего не выйдет: раздавишь и завалишь всю постройку. Когда стенки поднимутся слишком высоко, придется подставить под ноги ящик или санки. Наконец, когда стены сойдутся и на самом верху останется небольшая дырка, к ней поточнее надо пригнать последний «кирпич» и опустить его. Вот иглу и готов. Остается сделать дверь: иначе строитель не выйдет из своего дома. Дверь ничего не стоит вырезать тем же ножом. Лучше сделать дверь попросторнее—удобнее будет входить в иглу, а чтобы лишний холод не проникал через нее, лучше всего построить сени — маленький иглу.

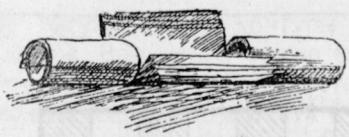
Теперь остается укрепить постройку и отделать ее изнутри. Сделать это очень просто: надо взять керосиновую лампу (можно без стекла), зажечь и поставить внутри главного помещения. Очень скоро стены иглу начнут оседать, уплотняться, а изнутри обтают и покроются гладкой ледяной коркой. После этого на иглу можно даже влезать: стены не провалятся.

Для освещения можно сделать окно: вырезать дырку в стене и вставить в нее ледяную пластинку. Такую пластинку можно специально заморозить в ушате, в корыте или в бочке. А для вентиляции иглу надо проковырять дырку в потолке—вот и все. Обставить иглу лучше всего мебелью из досок и ящиков. Двери хорошо завесить мешками или рогожей, но можно закрывать их и досками.

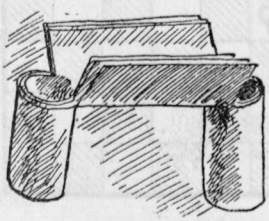
Отапливать иглу лучше всего керосиновой лампой: от нее будет и тепло и светло.

В таких иглу эскимосы живут целыми семьями по 8, по 10 человек, а в сенях они держат собак.

ЛЕСЕНКА



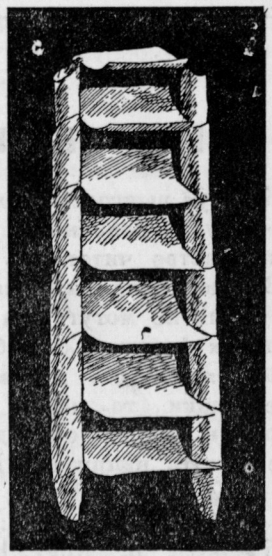
Так надо свернуть и разрезать трубку.



Так загнуть концы.

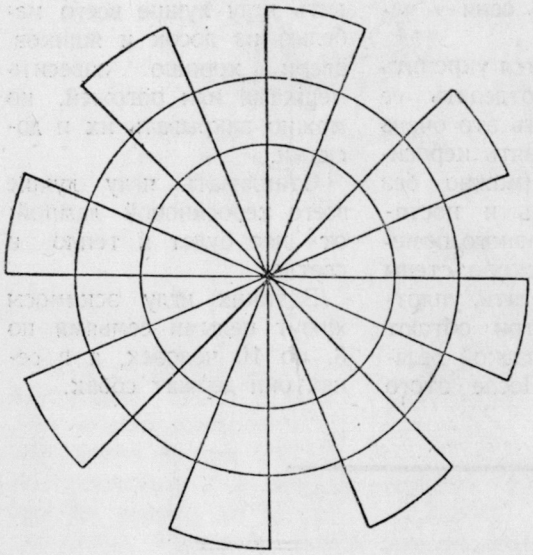
Такую лесенку ты можешь сделать своему младшему братишке или сестренке.

Полоску бумаги шириной в 10 сантиметров и длиной в 30 сверни в трубочку. Ножницами сделай надрез, как показано на рисунке. Затем загни концы трубочки и вытяни их. Получится хорошенькая лесенка.



А вот готовая лесенка.

Загадки, задачи, игры и фокусы



БЕЗ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Нарисовать такую фигуру нетрудно.

Нарисовать ее одним росчерком, не отрывая карандаш от бумаги и не проводя дважды по одной линии, много труднее.

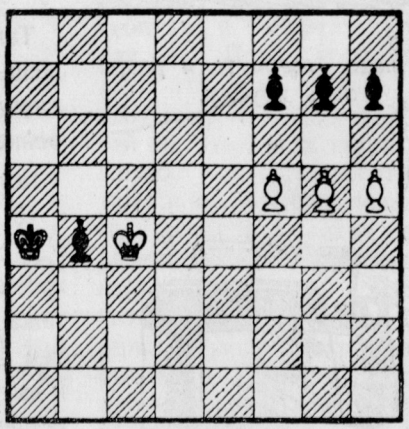
А вот не сможете ли вы нарисовать эту фигуру, не только не отрывая карандаш от бумаги и не проводя дважды по одной линии, но еще и так, чтобы ни одна линия не пересекалась? На первый взгляд кажется, что сделать это совершенно невозможно. Но если вы наберетесь терпения, то нарисуете.

КТО ВЫИГРАЕТ

Кто тут выиграет: белые или черные? — Ну, конечно, черные! — скажет большинство читателей.

В самом деле, задержать пешку черных b4 белые не могут: она неудержимо двигается к ферзи. Если белый король отправится на 7-ю горизонталь бить черные пешки, то пешка «b» проходит в ферзи и в свою очередь уничтожает белые пешки, например: 1. Крc4—d5 b4—b3; 2. Крd5—d6 b3—b2; 3. Крd6—e7 b2—b1, Ф; 4. Кре7 : f7 Фb1 : f5 +; 5. Крf7 : g7 Фf5 : g5 +; 6. Крg7 : h7 Фg5 : h7 + и выигр.

Пешками белые тоже как будто двигать не могут: какой пешкой ни пойди — черные побьют ее.

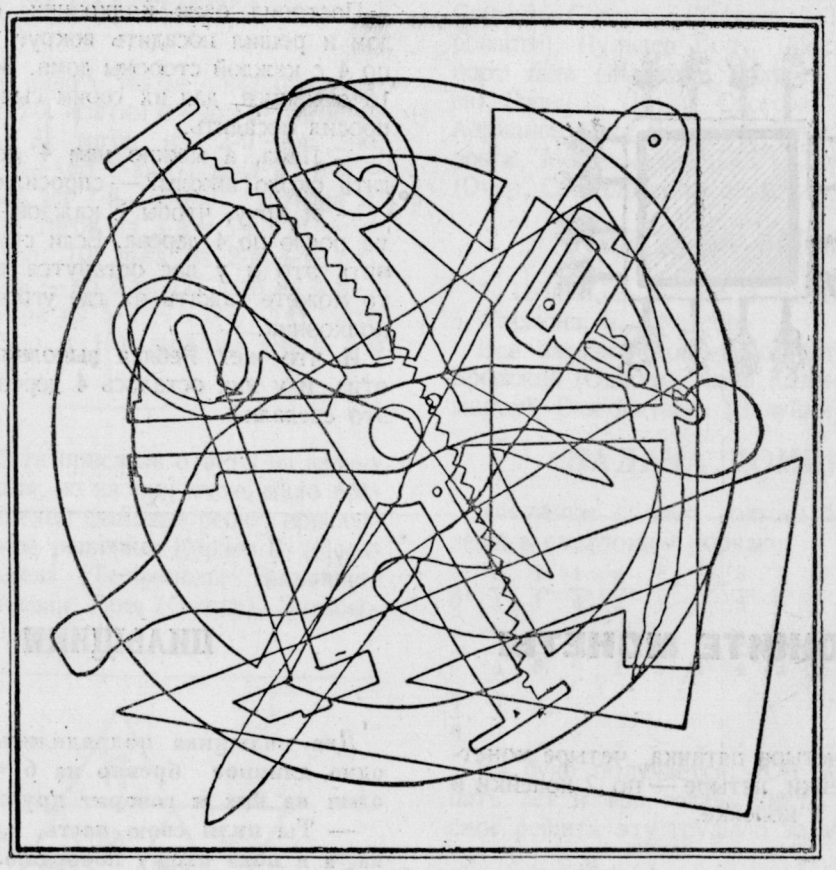


Итак, положение белых, на первый взгляд, безнадежно. И все-таки белые начинают и... выигрывают!

Но как?

А вот как, решайте сами.

Кто увидит больше?



На рисунке даны контуры нескольких предметов. Во-первых, можно самому определить, сколько здесь предметов и каких. А, во-вторых, можно затеять с товарищами игру «Кто увидит больше». Все играющие поочереди рассматривают рисунок. На рассматривание каждому дается строго определенное время (например 3 минуты), после чего играющий садится в сторонке и записывает названия предметов, которые он успел «поймать».

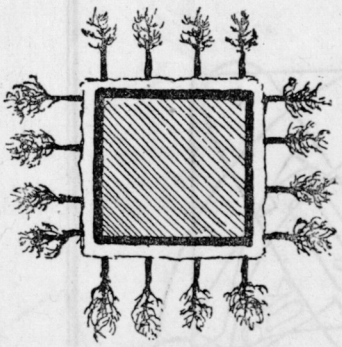
Само собой разумеется, что выигрывает тот, кто заметит больше предметов.

ПРОСУНЬ СПИЧКУ (фокус)

Разлюми крышку спичечной коробки и выньузенькую полоску тонкой фанеры сбоку. Положи ее на стол и предложи кому-нибудь из присутствующих просунуть под нее спичку. Заранее предупреди, что трогать полоску нельзя и спичка должна войти под полоску, не прикасаясь к ней.

Вряд ли кто догадается, как это сделать. А сделать очень просто: на полоску сверху надо капнуть одну каплю воды, после чего полоска покоробится и станет дугой. Тогда не то что спичка — под нее войдет даже карандаш.

Шестнадцать деревьев



Построил один колхозник себе новый дом и решил посадить вокруг 16 деревьев, по 4 с каждой стороны дома. Вот купил он 16 саженцев, дал их своим сыновьям и попросил посадить.

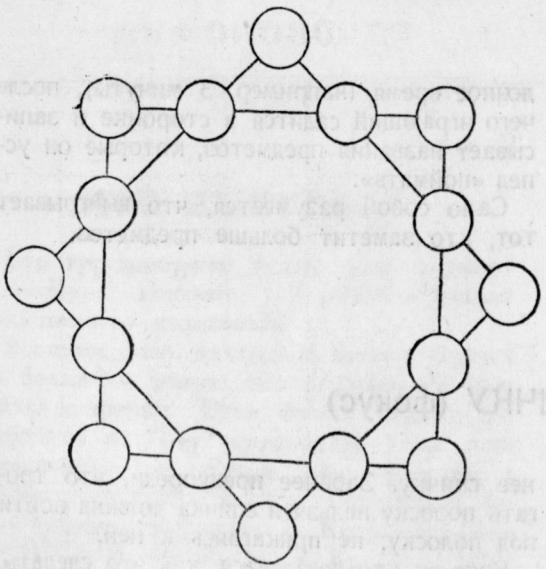
— Папа, а можно нам 4 деревца посадить около школы? — спросили сыновья.

— Я хочу, чтобы с каждой стороны дома росло по 4 дерева. Если сумеете выполнить это и у вас останутся еще деревья, то можете сажать их где угодно,—ответил колхозник.

И что же? Ребята выполнили желание отца, и у них осталось 4 деревца. Как они это сделали?

РАЗЛОЖИТЕ МОНЕТЫ

Возьмите четыре пятачка, четыре монетки по 3 копейки, четыре — по 2 копейки и четыре — по 1 копейке.



Разложите теперь монеты в кружочках этой фигуры так, чтобы в каждом ряду из четырех кружков в сумме было бы по 11 копеек.

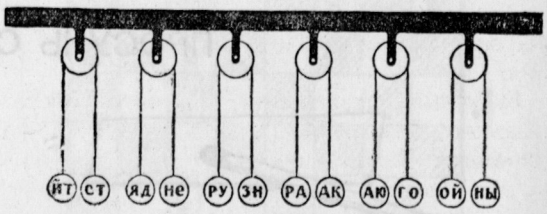
ПИЛЬЩИКИ

Два пильщика подрядились распилить одно длинное бревно на 6 частей. Вот один из них и говорит другому:

— Ты пили свою часть, т. е. 3 отрезка, а я пока схожу пообедаю.

Тот согласился и принялся за работу. На то, чтобы отпилить один отрезок, он тратил 15 минут. Когда он закончил свою часть работы, вернулся второй пильщик и стал допиливать. Сколько минут он затратил на работу, если он пилит в полтора раза медленнее?

ЗАДАЧА С БЛОКАМИ



Перетянуть блоки в 4 ряда, по 3 шара в каждом, так, чтобы из букв, стоящих на шарах, составилась строчка из современной популярной песни.

Ответы на задачи, помещенные в №№ 11 и 12

ЛЬВЫ И ТИГРЫ

Переводить надо в таком порядке:

1) льва из 5-й клетки в 4-ю; 2) тигра из 3-й — в 5-ю; 3) тигра из 2-й — в 3-ю; 4) льва из 4-й — во 2-ю; 5) льва из 6-й — в 4-ю; 6) льва из 7-й—в 6-ю; 7) тигра из 5-й—в 7-ю; 8) тигра из 3-й в 5-ю; 9) тигра из 1-й — в 3-ю; 10) льва из 2-й — в 1-ю; 11) льва из 4-й — во 2-ю; 12) льва из 6-й — в 4-ю; 13) тигра из 5-й — в 6-ю; 14) тигра из 3-й — в 5-ю и 15) льва из 4-й в 3-ю клетку.

Многие ребята прислали ответы на задачу «Львы и тигры», но из них очень мало правильных. Печатаем фамилии ребят, приславших правильное решение: Карзов В. (Москва), Цацкис Леля (Теофиполь, Винницкой области), Гойхман Таня (Одесса), Зильберман Нюма (Одесса).

Если сложить треугольники так, как показано здесь, можно прочесть название поэмы (Цыганы) и автора ее (Пушкин).

Эта задача оказалась легкой. Правильное решение прислало очень много ребят. Вот они:

Балясный Мика (Киев), Потапов Игорь (Херсон), Гехман И. (г. Полонное, УССР), Черемных Лара (Новосибирск), Сафронова М. (Ленинград), Стафаева Юля (г. Горький), Кричевский Яня (Кременчуг), Прахье Б. (Харьков), Бялик Юра (Сосница, УССР), Калинычева Люда (Дзержинск), Дулькин Илья (Зарьков), Литвак Вова (Одесса), Хмуров Миля (Киев), Бакашова Эля (Ленинград), Кривошеев Юра (Пенза), Спицын Сережа (Кипино, Ленинградской области), Пульвер Боря (Москва), Раппопорт Лева (Москва), Голубев Толя (Москва), Радин В. (Киев), Сроговић Рэм (Минск), Адрианов Алик (Москва), Слунова Люда (Куровск, Мордовская АССР), Шардаков Леня (Очер, Свердловской области).

ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ

1. Пушки. 2. Шоссе. 3. Книга. 4. Капкан. 5. Гармонь. 6. Трактор.

Все загадки правильно отгадали: Вадя Бродский (Одесса), Люда Калинычева (Дзержинск), Оля Катаева (Валуйки)

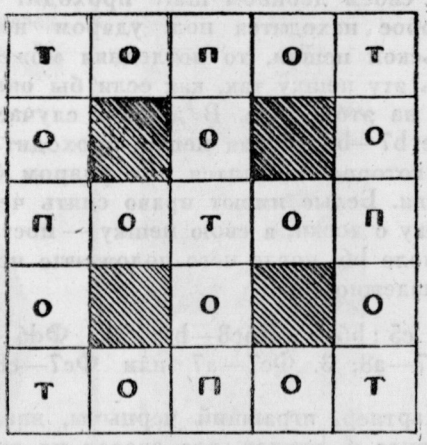
ЗАДАЧА ДОМИНО

Костяшки домино должны быть расставлены в следующем порядке:

$\frac{0}{0}, \frac{0}{1}, \frac{1}{1}, \frac{1}{4}, \frac{4}{2}, \frac{2}{1}, \frac{1}{3}, \frac{3}{3}, \frac{3}{0}, \frac{0}{5}, \frac{5}{6}, \frac{6}{2}, \frac{2}{2}, \frac{2}{0}, \frac{0}{4}, \frac{4}{6}, \frac{6}{6}, \frac{6}{1}, \frac{1}{5}, \frac{5}{4}, \frac{4}{4}, \frac{4}{3}, \frac{3}{5}, \frac{5}{5}, \frac{5}{2}, \frac{2}{3}, \frac{3}{6}, \frac{6}{0}$.

Из букв получается: «Он рыбачил тридцать лет и три года». Никто из ребят не смог решить эту трудную задачу.

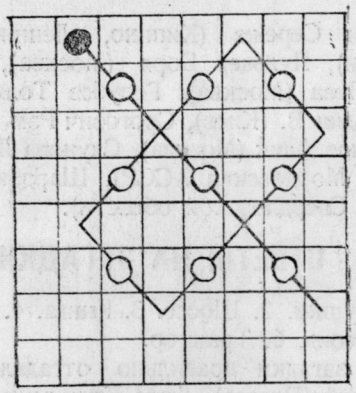
ГОЛОВОЛОМКА



Первыми прислали ответы на головоломку:

Аля Анутина (Казань), Леся Дерелев (Харьков), Нина Нуждова (Пенза), Е. Диперштейн (Москва), З. Попова (Донбасс, Константиновка), Зина Мильгром (Каменец-Подольск), Борис Крейзель (Киев), Боря Седов (Ульяновск), О. Фомина (Одесса).

КАК ЭТО СДЕЛАТЬ?



Решили: Алик Фрид (Курск), Гита Стражевская (Ленинград), Лион Лернер (Москва), З. Попова (Донбасс, Константиновка), Яша Ольберт (Севастополь), Зина Мильгром (Каменец-Подольск), Давид Дронфельд (Киев), Володя Маковский (Минск), Лева Брусов (Торжок), Боря Седов (Ульяновск), Володя Голубев (Конотоп), О. Фомина (Одесса), Боря Шальдман (г. Горький), Игорь Лебедев (Харьков), Миша Горбушин (Ярославль), Саля Шульман (Днепропетровск).

НЕШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА

О ШАХМАТНЫХ ПАРТИЯХ

Казалось бы, чего проще: 15 участников, каждый сыграл по 14 партий; 14 × ×15=210 партий. Но... это будет неверно! Ведь партию один человек играть не может. Для того чтобы сыграть партию, нужны 2 человека. Значит, 210 придется разделить на 2 и получится 105. Это и будет количество партий, сыгранных в Ноттингемском шахматном турнире.

Ответы прислали первыми:

Боря Капчиц (Киев), М. Польский (Москва), П. Беренштейн (Каменец-Подольск), Витя Широковский (Тюмень), Володя Мокуйлов (Новгород-Северский), Коля Быстров (Псков), Абраша Аронов (г. Орша), Боря Седов (Ульяновск). Абраша Колодщиер (Белая Церковь), Нина Макарова (Казань).

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Дело об'ясняется просто: партнер, игравший белыми, не знал правила «en passant» (взятие на проходе). Правило это заключается в следующем: если пешка при своем двойном шаге проходит поле, которое находится под ударом неприятельской пешки, то последняя может побить эту пешку так, как если бы она стояла на этом поле. В данном случае при ходе b7—b5 черная пешка проходит поле b6, которое находится под ударом белой пешки. Белые имеют право снять черную пешку с доски, а свою пешку — поставить на поле b6, после чего положение черных безнадежно.

(1. c5 : b6+ Крc8—b7; 2. Фd6—c7+ Крb7—a8; 3. Фc7—a7 или Фc7—c8. ×).

Партнер, игравший черными, знал это правило и, увидев, что сделал по ошибке очень плохой ход и что мат неизбежен, сдался. Его противник не знал этого правила, видел, что отступать королем некуда, и решил, что получил мат.

Следует добавить, что бить на проходе можно только сразу, после того как пешка противника прошла битое поле. Если после этого сделан какой-нибудь ход, то право бить на проходе эту пешку теряется.

Правильные решения прислали:

Вальтер Лавренев (Донбасс), Лева Черкый (Москва), Сережа Сосновый (Харьков), П. Беренштейн (Каменец-Подольск), Борис Крейзель (Киев), Володя Мануйленко (Люботин), Юра Белугин (Евпатория).

РЕБУС

С новым годом, ребята!

Правильно решили ребус:

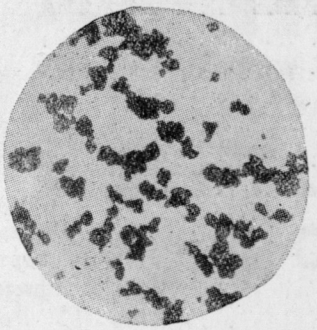
Юра Небогатков и Игорь Стефанов (Котельнич), Галя Варова (Киев), Сережа Елкин (Москва), Коля Быстров (Псков), Абраша Аронов (Орша), Володя Голубев (Конотоп), Саша Захарова (Муром), Нема Генцлер (Одесса), Герман Лисс (Ленинград).

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

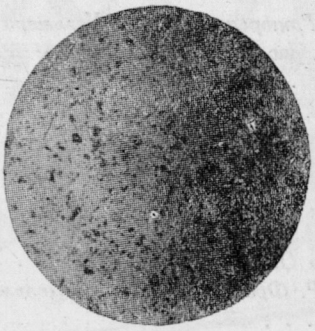
Никто из ребят не догадался, что это сняты под сильным увеличением капли жира на супе.

На все наши задачи, загадки и головоломки мы получаем очень много ответов. Поместить фамилии всех ребят невозможно: просто, места не хватит. И мы решили отмечать только тех ребят, которые прислали ответы первыми из своего города. Вот Алик Фрид прислал свой ответ первым из Курска, Галя Варова — первая из Киева и т. д.

Под микроскопом

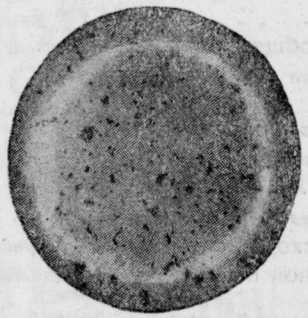


Так выглядит хорошо смолотый какао, если посмотреть на него в микроскоп.

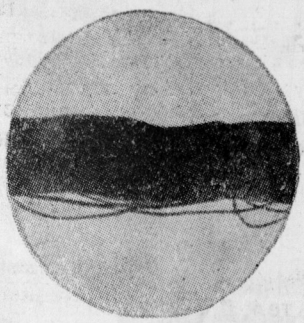


А это пылинки, которых никто не молол: их просто собрали на куске влажного каучука.

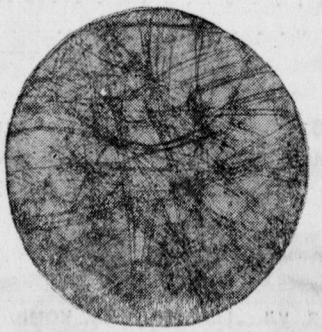
Это тончайший порошок. Чтобы получить его, смололи на лучшей мельнице несколько хрупких соляных кристаллов.



Это пыль, самая обыкновенная пыль, которую мы все столько раз видели пляшущей в столбе солнечных лучей.

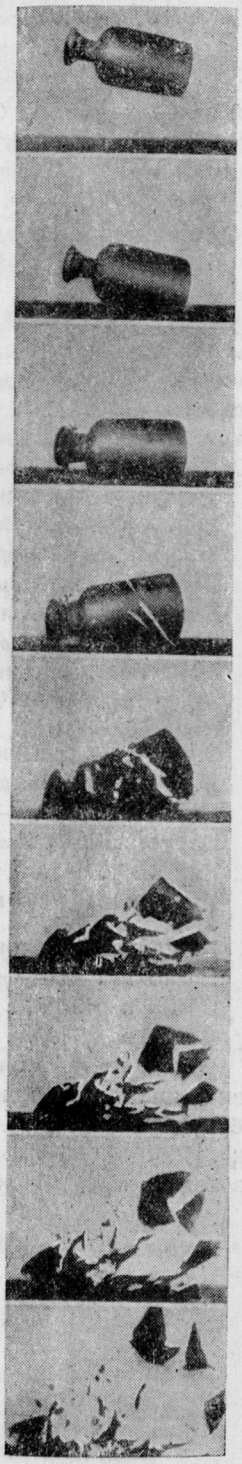


Самая тонкая нить, сделанная человеком. Из таких нитей делают тончайшие шелковые ткани.



А вот из таких нитей шелковичный червь делает свой кокон.

2500 снимков в секунду



Все, что изображено на этих 9 картинках, происходит меньше чем в $^1/_{250}$ часть секунды. Не удивительно, что нам кажется, будто упавшая стеклянная банка в то же мгновенье разбивается на множество кусков.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Последний за всех—*рассказ Сергея Григорьева, рис. В. Цельмера* 5
Пушкинскому дому—*стихи А. Блока, рис. Б. Берендгофа* 14
Рассказы о Пушкине—*В. Смирнова* 15
В Сибирь—*стихи А. Пушкина, рис. П. Кузьмичева* 34
Ответ А. Одоевского на послание Пушкина, *рис. П. Кузьмичева* 35
Легенда об арабском звездочете — *Вашингтон Ирвинг, перевел М. Гершензон, рис. Ю. Кискачи* 36
Убийца Пушкина 47
Инженеры человеческого тела—*д-р О. П. Червонский* 48
Приключение на границе—*повесть Р. Фраермана, рис. В. Цельмера* 54
Страна храбрых—*проф. Е. В. Тарле* 69
Письмо отцу на фронт—*Жорж Дрейфус* 76
„КОМПАС"—*известия Географического общества читателей журнала „Пионер" № 9:*
Цветущий Айастан — *В. Ананян* 78
Конкурс на лучшие рисунки, карты и фотографии 88
Байкал — *очерк и фото Черемных и Ковригина* 90
Село Яшкуль — *Арон Гольдварт* 91
Как я наблюдал извержение вулкана — *Вилли Сандеров* 92
Вулканы — *А. Соловьев* 92
Фонд Географического общества 95
Медведь-рыбак — *рассказ Е. Чарушина* 96
ПОЧТА:
В степях Калмыкии — *Пюрве Басанов* 101
Ястребиное гнездо—*Жора Демяк* 103
Медный всадник — *Толя Новиков* 105
Парус-скала—*Юра Шибаев* 106
Как я наблюдала за восходом солнца—*Галя Крылова* 107
Что написано на могильной плите—*Вера Воздвиженская* 108
СПОРТ:
Как бегает на коньках чемпион мира 111
В хибинах — *Д. Арманд* 111
Свист в степи 112
Два удара 113
Как связать ремни 113
Приключения капитана Врунгеля—*А. Некрасов, рис. К. Ротова* 114
Техника будущего 118
Самоделки. Иглу—*А. Некрасов* 120
Задачи, загадки, игры и фокусы 122

На обложке: портрет четырнадцатилетнего Пушкина-лицеиста картина художника Н. Мещерского по гравюре Е. Гейтмана.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комн. 822, тел. Д 3-30-73.

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР**
Зам. редактора **В. Фраерман** Отв. секретарь **В. Поддубная** Худ. редактор **М. Аскинази**
Сдано в набор 17/I 1937 г. Подписано к печати 11/II 1937 г. Изд. № 175
Уполномоченный Главлита № Б—10709. 82 × 110 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе 16 п. л.
Типография газеты «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Зак. № 54. Тираж 90 000

Ц. 1937

КОГИЗ
„ПАРТКНИГА"

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИГА

В ОФОРМЛЕНИИ ДЛЯ ШКОЛ

Стр. 93
Цена в переплете
70 к.

В книге имеются схемы: Государственное устройство Союза ССР, Высшие органы государственной власти и Государственное управление Союза ССР.

ТРЕБУЙТЕ ЭТУ КНИГУ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ КОГИЗ, В РАЙКУЛЬТМАГАХ, СЕЛЬМАГАХ И СЕЛЬПО.

При отсутствии книг на местах направляйте заказ в ближайшее областное (краевое) отделение КОГИЗ, в отдел „КНИГА—ПОЧТОЙ".

Цена 1 р. 50 к.

М 1568

П 2
34